

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — д. филол. н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Российский университет транспорта (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухун Г.Т. — д.филол.н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Багдасарян В.Э. — д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В.В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В.В. — д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН; **Каширина Т.В.** — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В.А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С.А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет; **Сулакшин С.С.** — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2018. — № 3. — 216 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

Индекс серии «История и политические науки» по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научных электронных библиотек (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

S.A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V.V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T.V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V.A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F.A. Mikhailovskiy – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S.A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

S.S. Sulakshin – Doctor of Political Science, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Doctor of Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chief of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Russian University of Transport

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2018. – № 3. – 216 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИИ № 0077-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2018.

© Information & Editorial Office of MRSU, 2018.

The Editorial Board address: Moscow Region State University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Недоступов Д.А. ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ 1914–1918 гг.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	8
Ивашко М.И. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ В СОВРЕМЕННОЙ УЧЕБНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	19
Дахин А.В., Костина О.А., Фоменков А.А. ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ	30

Всеобщая история

Карлова К.Ф. СЕТ – «ВЛАДЫКА ИСЕФЕТ»: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭПИТЕТА	40
Сапунцов А.Л. ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В ХОДЕ И НА ОПЫТЕ КОЛОНИЗАЦИИ БЕНГАЛИИ	48
Ганжа К.Ю. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПЛАНЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ НАЧАВШЕЙСЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ (1945–1951)	59
Комаров А.Н., Балкылыч Е.О. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КОНСЕРВАТИВНЫХ КАБИНЕТОВ С. ХАРПЕРА В КАНАДЕ В 2006–2015 ГГ. (ОБЩИЙ ОБЗОР).....	69

Отечественная история

Павлова М.Н. МОСКОВСКИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ В СЕНТЯБРЕ – ОКТЯБРЕ 1812 ГОДА ...	74
Мозжегоров А.Б. УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.	80
Румянцев П.П. УЧАСТИЕ ЧИНОВ ЖАНДАРМСКОГО ВЕДОМСТВА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ В СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.	86
Морозов К.Н. Ф.Е. КАПЛАН И ПОКУШЕНИЕ НА В.И. ЛЕНИНА 30 АВГУСТА 1918 Г.	95
Мозохин О.Б., Соколов А.С. РЕОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАЗДНЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ	115
Суздальцев И.А. РОЛЬ РКП(б) В ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ КОМИНТЕРНА	123
Кульчицкий П.В. МЕТАМОРФОЗЫ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ В СЕРЕДИНЕ 1920–1930 ГГ.	131
Лазарева Л.Н. «С КАЖДЫМ ГОДОМ ЖИТЬ ВСЕ ЛУЧШЕ...» (ФЕНОМЕН СНИЖЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЦЕН).....	138
Горлов В.Н. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И СТРОИТЕЛЬСТВОМ В 1957 г.: ПОПЫТКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	147

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Кулешова Н.С. ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ.	153
Никитина Ю.А., Фань Сюэсун ДВУСТОРОННИЕ УЧЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ «СОТРУДНИЧЕСТВО» – ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИЯМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ?	161
Шульц Э.Э. ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ ДЖЕКА ГОЛДСТОУНА.	171
Бахлов И.В., Бахлова О. В ИМПЕРСКИЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	183
Алексеев Р.А. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ (1993–2016 ГГ.) И ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	195

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЕРШОВ В.Ф. «РУССКИЙ МИР И СЕВЕРО- КАВКАЗСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА» МОСКВА: ИНФРА-М, 2016. 420 С.	207
--	-----

CONTENTS

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

D. Nedostupov. EVOLUTION OF PUBLIC MOODS IN RUSSIA 1914–1918: PROBLEMS OF STUDYING.	8
M. Ivashko. CIVIL WAR IN RUSSIA: TIMEFRAME IN MODERN EDUCATIONAL HISTORICAL LITERATURE	19
A. Dakhin, O. Kostina, A. Fomenkov. POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY OF PREREVOLUTIONARY ACTIVITIES OF POLITICAL PARTIES IN NIZHNY NOVGOROD REGION	30

General History

K. Karlova. SETH – «THE LORD OF ISEFET»: ON THE INTERPRETATION OF THE EPITHET	40
A. Sapuntsov. FUNCTIONS OF THE STATE IN THE ACTIVITIES OF THE ENGLISH EAST INDIA COMPANY DURING THE COLONIZATION OF BENGAL	48
K. Ganja. GREAT BRITAIN AND THE PLANS TO CREATE THE EUROPEAN MILITARY AND POLITICAL ASSOCIATION DURING THE COLD WAR BETWEEN THE WEST AND THE EAST (1945–1951)	59
A. Komarov, E. Balkylych. THE MAIN DIRECTIONS OF FOREIGN POLITICS OF THE CONSERVATIVE OFFICES OF STEPHEN HARPER IN CANADA IN 2006–2015 (BRIEF SUMMARY)	69

Native History

M. Pavlova. MOSCOW EDUCATIONAL HOUSE IN SEPTEMBER – OCTOBER 1812	74
A. Mozzhegorov. PARTICIPATION OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN EMPIRE IN REFORMING THE SYSTEM OF EDUCATION IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY	80
P. Rumyantsev. THE PARTICIPATION OF GENDARME STAFF OFFICERS IN IMPROVING THE TECHNICAL BASE OF THE GOLD INDUSTRY IN SIBERIA IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY	86
K. Morozov. F. KAPLAN AND ATTEMPT ON LENIN'S LIFE ON AUGUST 30, 1918	95
O. Mozokhin, A. Sokolov. REORGANIZATION AND ABOLITION OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION	115
I. Suzdaltsev. THE ROLE OF THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY IN THE FORMATION OF THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE COMINTERN	123
P. Kulchitskiy. METAMORPHOSES OF THE SOVIET NATIONAL POLICY ON THE TERRITORY OF CHECHNYA IN THE MID 1920-S AND 1930-S	131
L. Lazareva. "EVERY YEAR IT IS GETTING BETTER TO LIVE..." (THE PHENOMENON OF THE POSTWAR PRICES REDUCTION)	138
V. Gorlov. REORGANIZING THE FORMS OF INDUSTRY AND CONSTRUCTION MANAGEMENT IN 1957 AS AN ATTEMPT TO IMPROVE THE ECONOMIC MECHANISM OF THE SOVIET SOCIETY ..	147

SECTION II POLITOLOGY

N. Kuleshova. ISLAMIC RADICALISM AS A FACTOR DESTABILIZING THE POLITICAL SITUATION IN THE WORLD	153
Yu. Nikitina, Fan Xuesong. ARE BILATERAL RUSSIAN-CHINESE MILITARY EXERCISES "COOPERATION" A PREPARATION FOR FUTURE JOINT OPERATIONS IN CENTRAL ASIA?	161
E. Shults. JACK GOLDSTONE'S THEORY OF REVOLUTION	171
I. Bakhlov, O. Bakhlova. IMPERIAL MODELS OF THE NATIONAL AND GOVERNMENT CONSTRUCTION	183
R. Alekseev. THE ELECTION CAMPAIGNS OF THE PARLIAMENTARY ELECTIONS (1993–2016) AND FEATURES OF ELECTORAL BEHAVIOR	195

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

N. Georgieva, V. Georgiev. BOOK REVIEW: V.F. ERSHOV "THE RUSSIAN WORLD AND THE NORTH CAUCASIAN ABROAD IN THE XX TH – EARLY 21 ST CENTURIES"	207
--	-----

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 94(520).032.3/.4

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-8-18

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ 1914–1918 гг.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Недоступов Д.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья содержит историографический обзор по проблемам эволюции общественных настроений России в годы Первой мировой войны (август 1914 – март 1918 гг.). В статье рассматривается ряд документальных изданий и научных работ, в которых проводится анализ общественных взглядов и настроений, трансформации мировоззрения, идеалов и ценностей социальных и политических групп общества в один из переломных периодов истории России. Анализ источников свидетельствует, что в Первую мировую войну у населения отмечалась неустойчивость в настроениях и их частая смена. Наиболее значимые составляющие мировоззрения населения (такие как: патриотическая позиция и основы государственной идеологии) подверглись трансформации в военные годы. Начало Первой мировой войны происходило в период духовного подъема и национального объединения, однако, через определенное время патриотические настроения сошли на нет.

Ключевые слова: Первая мировая война, эволюция настроений, мировоззрение.

EVOLUTION OF PUBLIC MOODS IN RUSSIA 1914–1918: PROBLEMS OF STUDYING

D. Nedostupov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

© СС BY Недоступов Д.А., 2018.

Abstract. The article contains a historiographical review on the problems of evolution of the public mood in Russia during the First World War (August 1914 - March 1918). The article examines the series of documentary publications and research papers where the analysis of public opinion and attitudes, transformation of worldview ideals and values of social and political groups in the society during one of the crucial periods of Russian history. The analysis of the sources shows that in the First World War the population showed some instability in the mood and their frequent change. The most significant components of the worldview of the population (such as patriotic position and the basis of the state ideology) underwent certain transformation during the war years. The beginning of the First World War occurred in a period of spiritual up-rise and national unity. However, after a certain time, the patriotic sentiments came to naught.

Key words: the First World War, the evolution of mood, outlook.

Историческое сообщество классифицирует период Первой мировой войны как переломный этап в российской и мировой истории. В России ход войны был сопряжен с трансформацией общественных взглядов, политического строя, ценностных ориентиров, экономического уклада общества. Ход войны изменил привычный быт населения, повлиял на течение повседневной жизни народа, в том числе и в тыловых городах, что существенно отразилось на представлениях обывателей о своей роли и месте в резко меняющихся обстоятельствах. Первая мировая спровоцировала ряд серьезных сдвигов в общественных настроениях, изменила мировоззрение социальных групп населения страны.

Оценивая масштабы и последствия Первой мировой войны, можно сказать, что во всей предшествующей истории человечества ей не было равных. В войну, продолжавшуюся 4 года, были вовлечены 38 государств, общая численность населения которых достигла 1,5 млрд. человек, т.е. три четверти мирового населения на тот период времени [5, с. 5]. Двенадцать держав, включая Российскую империю, сражались на стороне Антанты. В ходе войны на территории Российской

империи было мобилизовано 16 млн. человек, что составило практически половину мужского трудоспособного населения [9, с. 427].

Для Российской империи ключевым мотивом вступления в Первую мировую войну стал вопрос о защите славянских народов, живущих на Балканах. Эти обстоятельства, а также претензии России на черноморские проливы и Константинополь, в целом одобрялись большинством населения страны и давали мощный стимул к продолжению борьбы. Волна патриотизма, рост анти-немецких настроений – основная тенденция, которая была характерна для начального этапа войны. Наглядным свидетельством является эпизод, когда в августе 1914 г. толпа россиян ворвалась в здание немецкого посольства и разгромила его [8, с. 311].

В.Н. Виноградов, известный отечественный историк, специалист по Первой мировой войне, в своем научном труде, посвященном 90-летней годовщине начала войны, утверждает, что никто из участников войны не был достаточно подготовлен к четырехлетней боине [2, с. 16].

Согласно общей оценке историков, в ходе войны наблюдается патриотический подъем, который охватил всю

территорию страны и все ее социальные страты, начиная от царствующей династии Романовых и вплоть до низших слоев населения. А.Ф. Керенский в своих воспоминаниях отмечал: «В 1914 г. народ сразу расценил конфликт с Германией как свою кровную войну, когда на карту была поставлена судьба России» [10, с. 164].

В российской историографии история Первой мировой вплоть до начала XXI в. по большей части была представлена такими научными трудами, в рамках которых проводился анализ и давалась оценка преимущественно стратегической, социально-экономической, военно-политической и оперативно-технической составляющих. Историческое сообщество рассматривало данное событие в основном как формирование предпосылок социалистической революции. Только в последующие годы ситуация изменилась. Цель данной статьи – рассмотреть круг исследований последних лет, раскрывающих эволюцию общественных настроений в России в годы Первой мировой войны.

Особую актуальность и значимость в контексте поднятой проблематики имеет документально-аналитическое издание: «Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914-1918», под редакцией доктора исторических наук В.В. Журавлёва [9]; а также ряд диссертационных исследований: «Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.» кандидата исторических наук Т.А. Белогуровой [1]; «Первая мировая война в восприятии крестьян» кандидата исторических наук В.В. Крайкина [7]; «Динами-

ка массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний» кандидата исторических наук А.А. Казанцева [6].

В предисловии к 1-му тому документального издания «Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914-1918» В.В. Журавлёв отмечает: «Для России Первая мировая война стала не только предвестником, но и мощным детонатором роковых событий 1917 года. Спровоцированный тяготами этих ненастных лет «девятый вал» революционной волны не остановился на том, что смёл с лица российской земли устои самодержавной власти, еще несколько лет назад казавшиеся незыблемыми. Он пошел дальше, круша вековые основы, традиционный уклад как государственной, так и народной жизни. И завершившись в итоге другой войной, еще более страшной и кровопролитной для страны – войной Гражданской» [9, с. 6]. Составители 1 тома данного труда стремились, прежде всего, представить комплекс документов, раскрывающих тему человека в условиях военного времени, показывающих, как менялось его отношение к войне.

В диссертации Т.А. Белогуровой рассмотрена эволюция процесса восприятия войны населением Российской империи в периодических изданиях. В таких его аспектах, как решение польского вопроса, рост общественного понимания необходимости оказания помощи фронту, реакция населения на рост цен, дефицит продовольствия и товаров как проявление системного кризиса в стране.

По мере удаления во времени от момента окончания войны в науке и обществе ослабевает интерес к событиям того периода. Современник войны и революции социолог П.А. Сорокин утверждал: «Вопрос о причинах данной войны возник одновременно с самой войной и с тех пор продолжает усиленно обсуждаться. Если в первое время даны были кое-какие творческие попытки серьёзно исследовать и серьёзно решить этот вопрос, то в последующее время, особенно за дни революции, у нас и постановка вопроса, и его решение значительно упростились» [13, с. 27]. Действительно, на протяжении десятилетий по большей части давался суженный, упрощенный анализ всех последствий и проявлений этого события, одного из важнейших в истории нашей страны.

На текущий момент интерес к проблеме «Первая мировая война в человеческом измерении» возродился. Она рассматривается как одно из перспективных направлений научных исследований, что требует переосмысления огромного перечня уже известных исторических источников, вовлечения в научный оборот новых [3].

Т.А. Белогузова справедливо отмечает: «Можно утверждать, что исследования массовых представлений и настроений людей, социальных групп по важнейшим для общества проблемам, проявившимся в рассматриваемый период в России, являются актуальными для современной истории. Это делает возможным более глубоко реконструировать совокупность их духовных ценностей и моральных норм, особенности национального самосознания народа, его массовой психологии в определенную эпоху» [1, с.6].

Трансформация приоритетов, ценностей в сознании россиян произошла как одно из следствий нарушения принципа справедливого несения всеми слоями общества тягот войны. Сдвиги в мировоззрении общества свидетельствовали о кризисе отношения к власти в связи с ухудшением материально-бытовых условий жизни, что провоцировало рост революционного настроения общества в 1917 г.

Анализируя комплекс вводимых в оборот новых источников, можно воссоздать эволюцию общественных настроений в годы Первой мировой войны различными социальными слоями России, что, в свою очередь, может стать частью истории России в один из сложнейших её периодов. Ряд современных историков в качестве основы периодизации процесса трансформации отношения российского населения к войне используют хронологию, выдвинутую О.С. Поршневой в своей докторской диссертации [11]. Ключевые этапы хронологии Первой мировой как они представляются сегодня, приведены ниже.

1. Начальный период, который характеризуется восприятием войны как оборонительной, справедливой, когда в обществе прослеживается патриотический подъем.

2. Этап отступления российской армии весной-летом 1915 г., когда были выявлены просчеты, допущенные в процессе военной подготовки, что подорвало доверие к царизму, привело к корректировке образа войны. Вместе с тем события весны 1915 г. (март) по итогам взятия Перемышля оцениваются историками как второй всплеск волны патриотизма, хотя определенная доля рабочих не принимает участия в патриотических манифестациях.

3. Начиная с осени 1915 года население руководствовалось в основном социальными мотивами, которые диктовались необходимостью выживания в сформировавшейся экономической ситуации, под воздействием которой проявлялась психологическая усталость населения от войны. В среде рабочего класса, однако, еще теплилось представление о том, что война не повлияет на его жизненный уклад.

4. С весны 1916 г. прослеживается скептицизм по отношению к военным лозунгам, таким, как: «До победного конца!»; апатичность в тех слоях населения, которые в начале войны испытали стихийный инстинктивный всплеск патриотизма. Предпосылки социального взрыва становятся все более очевидными.

Итак, в период с лета по осень 1914 г. отмечается непродолжительный период, когда российское общество консолидируется вокруг идеи монархизма, его исторической миссии, касающейся освобождения братских славянских народов. От монарха ожидалось разрешение внутривнутриполитических проблем, что считалось в обществе справедливым вознаграждением за военную службу. С учетом имеющихся условий масштабный всплеск патриотизма в период начала войны было не сложно спрогнозировать.

В период проведения мероприятий по мобилизации в российских губерниях не было зафиксировано случаев антивоенных выступлений. Все возникающие конфликты имели либо экономическую, либо документальную (ошибки в датах сборов) подоплеку.

В вышеупомянутой диссертации В.В. Крайкина рассмотрено положение крестьянства Орловской губернии в

период Первой мировой войны, его отношение к данному историческому событию. Специальное внимание уделяется эволюции взглядов крестьянства на основные явления повседневной жизни, в частности, восприятие политики царской власти, трансформация взглядов солдат на ход войны в период осень 1915–1917 гг. и формирование образа врага в сознании крестьян.

В.В. Крайкин полагает, что для современного общества Первая мировая война остается в какой-то степени неизвестной. Столетний период после окончания войны не создает барьеров для исследований, касающихся малоизученных сторон данной войны. В.В. Крайкин предпринял попытку выявить основополагающие факторы, предопределившие изменения духовно-психологического облика крестьян, что потребовало анализа реакций крестьян и солдат на происходившие события. Автор заключает, что ход войны, в которой была захвачена часть территорий Российской империи, определенным образом внес коррективы в судьбы людей, преимущественно крестьян. Империалистическая война явилась катализатором в эволюции крестьянского сознания, что повлекло ряд драматических событий.

Мировоззренческая позиция крестьян характеризуется как неоднозначная и подверженная изменениям на различных этапах войны. Здесь отметим, что в период конца 1914 – начала 1915 гг. (начальный этап) крестьянство выступало единым фронтом, восприняв войну с энтузиазмом. Наиболее ярким примером воодушевления крестьян является проведение многочисленных патриотических манифестаций, шествий и молебнов с пор-

третами царя, резкий рост спроса на периодические издания, освещавшие ход войны. С конца 1915 г. на примере Орловской губернии прослеживается классовое расслоение крестьян – выделение зажиточного слоя, стремящегося избежать военной мобилизации.

В диссертации А.А. Казанцева «Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний» специальное внимание уделено возрастанию антимонархических настроений в сельской местности, политическим идеалам военного времени, деятельности российских партий и трансформации социальных представлений солдатской массы. Автор рассматривает Первую мировую войну как национальную трагедию. Эволюция массовых настроений во многом трансформировалась в проблему взаимоотношений между властью и социумом, являя собой метаморфозу политического идеала в сознании общественности.

В начале XX в. монархизм продолжал рассматриваться как фундамент социальных представлений о власти. Русским народом монархия воспринималась как часть нравственного идеала, основу которого формировала глубокая религиозность населения. Время, однако, требовало трансформации условий, необходимых для сохранения авторитета монархического строя. В 1913 г., в канун празднования 300-летнего юбилея династии Романовых положение о монархе как воплощении религиозно-нравственных идеалов народа пополнило арсенал консервативной идеологии в виде инструмента воздействия на массы.

Парадоксально, но факт: именно потому, что вера в царя-избавителя порождалась спецификой российской ментальности, она так быстро уступила место в массовом сознании убеждению, что верховная власть никогда не согласится на отчуждение помещичьей земли в ответ на самопожертвование народа во имя царя и Отечества. Неся возросшие мобилизационные обязанности, крестьяне выполняли и другие повинности, связанные с обеспечением армии. На почве же обострившейся нужды и хронического малоземелья недовольство крестьян политикой, ассоциировавшейся с действиями верховной власти, становится особенно заметным. За какие-то три года российская деревня прошла путь от восторженного верноподданнического ликования и надежд на землю до открытого и порой непристойного повсеместного и огульного «хуления» императора и его семьи.

Уже на начальном этапе войны, в сравнении с довоенным периодом, отмечается определенная метаморфоза в восприятии обществом монархической идеи. С учетом нарастания трудностей, обусловленных тяжестью военного времени, в сознаниях масс возрастала уверенность в неспособности самодержавия эффективно противостоять в борьбе с проявлениями системного кризиса. Ослабление авторитета царской власти, ее беспомощность обусловили девальвацию монархических ценностей, разрушение в целом системы патернализма.

Уже участниками и современниками тех событий было положено начало изучения массовых настроений в российском обществе эпохи Первой мировой войны. Особо выделялся и

подчеркивался в публицистических работах того времени феномен монархии, оценка которого была представлена в контексте изменений его интерпретации различными социальными группами. В этой связи Н.А. Захаров полагал, что психологическое состояние общественности, подверженное влиянию пропаганды, является фактором, обуславливающим систему государственного строя, и утверждал, что «понятие самодержавие не исчезло в народном сознании», а только «видоизменилось и приняло в лице отдельных своих частей своеобразную форму» [4, с. 294].

Солдаты российской армии уже в 1915 г. утратили веру в победу, их все больше захватывала пацифистская пропаганда различных сил левой направленности. Ярким свидетельством этому служат отрывки солдатских писем военного периода Первой мировой войны:

«Немец укрепил свои позиции и сидит в окопах, как барин говорит русским – не подходи близко; дела наши некрасивы, даже очень плохи, ужас надоело так страдать и мучиться на свете; живем на земле тоже очень плохо, нет на душу полоски земли, а у помещиков – глазом не окинешь, будто только для них одних Бог сотворил землю, наш брат мужик, крестьянин, солдат обижен. В победу твердо не нужно верить, всем известно, что у нас единения нет и думать не нужно внутри России, что у немца нет ничего, а нам, защитникам родины, варят 3 фунта грибов на 250 человек» [12, с. 109].

И еще:

«Если строго рассудить, то класть свою голову за то, что другие набивают карманы, за то, что на каждом шагу

измена, и в такую войну стремиться на фронт, быть патриотом глупо» [12, с. 111].

Современные историографические представления об эволюции общественных настроений в стране в исследуемый период выглядят нижеследующим образом. Война для России начиналась именно как Отечественная, подъем патриотизма был колоссальным. Известны случаи, когда в провинции сборщики пожертвований фронту набирали мешок дамских драгоценностей и денег за один (!) вечер в одном зале. Другое дело, что через пару лет такой мучительной войны проходит любой патриотический угар, а тем более в России, оказавшейся на грани развала. Несмотря на то, что Российская империя вошла в войну на волне духовного подъема и объединения, получившие дальнейшее развитие социальные противоречия через некоторое время свели на нет патриотическую составляющую массовых настроений.

В 1914 г. настроения российского общества с полным основанием можно назвать «эйфорическими». Эйфория была связана с тем, что официальная пропаганда Российской империи преуменьшала возможные последствия конфликта и военную мощь «тройственного союза».

Анализ источников и исследований последних лет свидетельствует, что рубеж 1915–1916 гг. был переломным в мировоззрении всех социальных групп Российской империи в отношении восприятия образа царя. В период 1915–1916 гг. в массах прослеживается нарастание раздражения политикой властей, которые, по мнению общественности, не в полной мере ис-

пользовали ресурсный потенциал, чем затягивали исход войны. Примером служит письмо, датируемое 1916 г., одного из рабочих Петроградского Путиловского завода:

«Война надоела всем, но есть люди, которые благодаря такому несчастью получают огромные оклады и ни за что – медали, кресты и проч. награды, а от боев находятся в нескольких десятках верст. У тех одна мечта, как бы дальше продлилась война. А ведь много народу взято и теперь, я думаю, по улицам одни бабы разгуливают, да старики и калеки, а здоровых мужчин нет» [14, с. 113].

Трансформация мировоззрения, идеалов и ценностей, в свою очередь, побуждала российское общество к социальной и политической активности. Самодержавие, выпустившее из рук политическую инициативу, проявившее слабость и бессилие в деле управления социокультурными процессами, стало расцениваться современниками как анахронизм. Обострившиеся политические противоречия вписывались в общий контекст экономического, социального и идейного противостояния народных масс и власти.

Отторжение обществом самодержавного режима и потеря личной мотивации верноподданнических чувств породили ценностно-идеологический дефицит, возникла потребность в новом идеале, более подходящим к конкретным историческим условиям. Нарастающее раздражение в обществе, возросшая активность политических партий левого и радикального толков – все это в конечном итоге привело к революции 1917 года.

Для России Первая мировая война стала серьезным дестабилизирующим фактором, существенно повлиявшим

на развитие революционной ситуации в стране и вызвавшим последующую Гражданскую войну.

«Страна гибнет, катастрофа неминуема, участь революции решена, никакого просвета не видно» [14, с. 523].

Член ЦК партии кадетов и известный публицист А. Тыркова характеризует всю безысходность конца 1917 г. так: «...Самый жуткий, самый унижающий их всех страхов – страх человека перед человеком. Кто же опять сделает их гордыми и свободными? Кто снова зажжет в них детскую радость, которая светилась в февральские дни?» [14, с. 548–549].

«Отторжение» на десятилетия из исторической памяти страны Первой Мировой войны можно объяснить рядом причин. Во-первых, эта война изначально была «не такая отечественная», как, например, война 1812 г. Россия вступила в войну формально из-за конфликта Сербии с Австро-Венгрией, причем первым действием наших войск был атакующий маневр.

Во-вторых, эта война закончилась для России поражением, причем – уникальный случай – мы проиграли проигравшей Германии. Абсолютно унижающий Брест-Литовский мир, подписанный большевиками, оставил в исторической памяти чувство стыда.

В-третьих, после войны в России произошла революция, а затем и Гражданская война, что оставило более глубокий след в истории нашей страны.

В чем это выражалось?

1) Поражение в Первой мировой войне, послужившее одной из причин деградации и распада Российской империи, не могло вписаться в имперскую идеологию советского режима. Имперская идеология и мифология

подразумевает исключительно победы великой страны.

2) Советская идеология не могла вписать страницы истории Первой мировой войны в официальную историографию, потому что Ленин, большевики вынесли этой войне приговор – империалистическая, буржуазная, захватническая. В связи с этим Советская Россия предпочла не хранить в памяти и не гордиться событиями и героями тех лет. Они были чужды советской мифологии. Память о них уничтожалась, их стыдились.

Автор считает, что «стёртая» память о Первой мировой войне в исто-

рической памяти россиян – своего рода «защитная реакция» общественного сознания. Нельзя бесконечно «зависать» на рефлексии неудач, необходимо двигаться дальше. Для России эта рефлексия имела характер не просто анализа и осмысления, она была деятельной. Общество в массе своей отвергло прежний общественно-политический порядок и одно из его порождений – Первую мировую. Разбираться в сложных, неоднозначных и драматических ее хитросплетениях предстояло будущим поколениям.

Статья поступила в редакцию 22.03.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Белогурова Т.А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 240 с.
2. Виноградов В.Н. Забытая мировая война // Аргументы и факты. 2004. № 29. С. 16.
3. Журавлёв В.В. Первая мировая война в человеческом измерении: власть и общество // Россия XXI. 2014. № 2. С. 62–95.
4. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридические исследования. Новочеркасск: Электротип. Ф. Туникова, 1912. 324 с.
5. История первой мировой войны 1914–1918 гг. / Под ред. И.И. Ростунова: в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1975. 670 с.
6. Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 272 с.
7. Крайкин В.В. Первая мировая война в восприятии крестьян.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2009. 239 с.
8. Масси Р. Николай и Александра. СПб.: Амфора, 2012. 639 с.
9. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество (1914–1918 гг.): в 4-х т. Т. 1. Эволюция взглядов / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 636 с.
10. Первая мировая война и российское общество. Ярославль: ЯрГУ, 2007. 340 с.
11. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914 – 1918 гг.: дис. ... док. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 359 с.
12. Революция 1917 года глазами современников: в 3-х т. Т. 3: Октябрь 1917 г. – январь 1918 / Ред.-сост. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 663 с.
13. Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 310 с.

REFERENCES

1. Belogurova T.A. Otrazhenie obshchestvennykh nastroenii v rossiiskoi periodicheskoi pechati 1914 – fevralya 1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [A reflection of public sentiment in the Russian periodical press 1914 – February 1917: abstract of thesis. Cand. Hist. Sciences]. Bryansk, 2006. 240 p.
2. Vinogradov V.N. [Forgotten world war]. In: *Argumenty i fakty*, 2004, no. 29, pp. 16.
3. Zhuravlev V.V. [World War I in human dimension: power and society]. In: *Rossiia XXI*, 2014, no. 2, pp. 62–95.
4. Zakharov N.A. Sistema russkoi gosudarstvennoi vlasti. Yuridicheskie issledovaniya [The system of the Russian state power. Legal research]. Novocherkassk, Elektrotip. F. Tunikova Publ., 1912. 324 p.
5. Istoriya pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. / Pod red. I.I. Rostunova: v 2-kh t. T. 1 [The history of the First World War, 1914–1918 / ed. by I. I. Rotanova: in 2 v. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 670 p.
6. Kazantsev A.A. Dinamika massovykh nastroenii v rossiiskoi provintsii v period Pervoi mirovoi voiny: na primere Penzenskoi, Samarskoi i Simbirskoi gubernii: dis. ... kand. ist. nauk [Dynamics of mass attitudes in the Russian province in the period of the First World War: the example of Penza, Samara and Simbirsk provinces: thesis Cand. Hist. Sciences]. Penza, 2005. 272 p.
7. Kraikin V.V. Pervaya mirovaya voina v vospriyatii krest'yan.: dis. ... kand. ist. nauk [The First World War in the perception of the peasants.: thesis Cand. Hist. Sciences]. Bryansk, 2009. 239 p.
8. Massi R. Nikolai i Aleksandra [Nicholas and Alexandra] Nicholas and Alexandra. SPb., Amfora Publ., 2012. 639 p.
9. Pervaya mirovaya voina v otsenke sovremennikov: vlast' i rossiiskoe obshchestvo (1914–1918 gg.): v 4-kh t. T. 1. Evolyutsiya vzglyadov / Otv. red. V.V. Zhuravlev [The First World War in the assessment of its contemporaries: the government and the Russian society (1914–1918): in 4 v. Vol. 1. The evolution of attitudes / Ed. edited by V. V. Zhuravlev]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. 636 p.
10. Pervaya mirovaya voina i rossiiskoe obshchestvo [The First World War and the Russian society]. Yaroslavl, YArGU Publ., 2007. 340 p.
11. Porshneva O.S. Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoi mirovoi voiny, 1914–1918 gg.: dis. ... dok. ist. nauk [The mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during the First World War, 1914–1918: thesis ... Doc. Hist. Sciences]. Ekaterinburg, 2000. 359 p.
12. Revolyutsiya 1917 goda glazami sovremennikov: v 3-kh t. T. 3: Oktyabr' 1917 g. – Jan. 1918 g. [The revolution of 1917 through the eyes of contemporaries: in 3 v. Vol. 3: Oct. 1917 – Jan. 1918] / Ed.-comp. V. V. Zhuravlev. M., Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 663 p.
13. Sorokin P.A. Zametki sotsiologa. Sotsiologicheskaya publitsistika [Notes of a sociologist. Sociological journalism]. SPb., AleteiyaPubl., 2000. 310 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Недоступов Дмитрий Александрович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: nedostupovd@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Nedostupov – post-graduate student of the Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: nedostupovd@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Недоступов Д.А. Эволюция общественных настроений в России 1914–1918 гг.: проблемы изучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 8–18.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-8-18

FOR CITATION

D. Nedostupov. Evolution of public moods in Russia 1914–1918: problems of studying. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 8–18.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-8-18

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-19-29

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ В СОВРЕМЕННОЙ УЧЕБНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ивашко М.И.*Российский государственный университет правосудия
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема отражения в учебной исторической литературе временных рамок Гражданской войны в России. Установлено наличие разных точек зрения на данную проблему. При помощи анализа учебников и учебных пособий по дисциплине «История России», изданных за последние пять лет, выявлены и продемонстрированы существующие взгляды на понимание отправной точки начала и на определение конкретной даты окончания Гражданской войны в России. Представлены разночтения в отражении сущности Гражданской войны в России. Приведены аргументы в защиту точки зрения на Гражданскую войну, как явление, которое имело место в России с 1917 по 1922 гг. В статье вскрыта причина наличия в учебной исторической литературе широкого диапазона мнений на временные рамки Гражданской войны в России, выдвинуты предложения, которые должны помочь обучающимся в изучении данного исторического явления.

Ключевые слова: Гражданская война в России, учебная историческая литература, периодизация Гражданской войны, История России (учебная дисциплина).

CIVIL WAR IN RUSSIA: TIMEFRAME IN MODERN EDUCATIONAL HISTORICAL LITERATURE

M. Ivashko*Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow 117418, Russian Federation*

Abstract. The article covers the problem of the way the timeframe of the Russian Civil War is reflected in the educational historical literature. A variety of views of the problem has been identified. With the help of textbooks and educational books related to the subject “The History of Russia” and issued within the last five years, the existing views on the starting point and the definition of the precise ending date of the Civil War in Russia have been identified and displayed. The article also contains inconsistencies in conveying the essence of the Civil War in Russia and arguments in favor of the view of the Civil War in Russia as a Russian phenomenon of 1917–1922. The article reveals the reason of a wide range of opinions on the Civil War timeframe in educational historical literature, including proposals made to help the students study this historical phenomenon.

Key words: Civil War in Russia, educational historical literature, timeframe, periodization of the Civil War, the subject “The History of Russia”.

Второе десятилетие XXI в. богато целой чередой знаменательных вех, которые оставили неизгладимый след не только в отечественной, но и мировой истории. Среди них – 100-летие Первой мировой войны, 100-летие Февральской и Октябрьской революций. В этом ряду стоит и 100-летие Гражданской войны в России. Правда, если первые три упомянутые важнейшие явления не вызвали вопросов по дате их свершения, то 100-летняя годовщина Гражданской войны по сей день находится в режиме полемики. Одни её начало уже отметили в феврале, другие – в октябре 2017 г., третьи считают, что это событие нас ждет в мае 2018 года и т.д. Все эти разночтения являются результатом того, что, несмотря на вековую дистанцию, научная общественность так и не пришла к общему определению отправной точки начала Гражданской войны в России.

Конечно, кто-то заметит, что это не главный вопрос в этой трагичной странице нашей истории. И с этим мнением можно частично согласиться, если вспомнить, что эта война, отмеченная особой жестокостью, унесла, по разным подсчетам, свыше 10 млн человеческих жизней [24], нанесла стране огромный материальный ущерб, разделила на многие десятилетия советское, российское общество на враждующие между собой разные лагеря, победителей и побежденных, сторонников красных и сторонников белых и т.д.

Однако любой подобного рода «юбилей» – это повод не просто вспомнить, что такое событие имело место в отечественной истории, но и задаться вопросом: а чему оно нас научило, какие уроки общество извлекло из него для того, чтобы в новых исторических условиях

не повторилось похожее. Стремление найти ответы на поставленные вопросы заставляет нас вернуться к истории этого явления, которое всегда имеет свои временные рамки.

История Гражданской войны в России не является исключением. Правда, именно данное историческое явление в вопросе определения его временных рамок демонстрирует не только дискуссионность в академической науке, но и большой разброс мнений в российском общественном сознании. Подтверждение тому находим в современной учебной исторической литературе, которая является основным источником формирования систематизированных знаний о Гражданской войне в России у подрастающего поколения. Ее историографический обзор указывает на отсутствие единого взгляда на определение её временных рамок. Одни авторы учебников и учебных пособий придерживаются мнения о том, что такая война в России проходила в период с 1917 по 1922 гг. [13, с. 63], другие считают, что это явление в отечественной истории имело место с 1918 по 1920 гг. [20, с. 172–173; 10, с. 173], третьи в этой связи называют 1918–1922 гг. и т. д. [18, с. 59]. Закономерно возникают вопросы, почему сложилась такая ситуация в учебной литературе с освещением временных рамок Гражданской войны в России? В чем состоит предполагаемый выход из этого положения?

Прежде всего, следует обратить внимание на существующие в исторической учебной литературе разночтения в установлении отправной точки начала Гражданской войны в России. Разброс мнений по этому вопросу настолько велик, что авторы учебника

«История России» В.В. Кириллов и М.А. Бравина, стремясь охватить весь их спектр, замечают: «Наиболее распространенными датами являются 1917 год (февраль, июль, октябрь) и 1918 год». По их мнению, такой широкий диапазон в понимании данного вопроса привел к тому, что «некоторые современные историки считают невозможным назвать время начала войны» [15, с. 336]. И все же, изучение учебной литературы на предмет отражения в ней времени начала Гражданской войны в России показывает, что подавляющая часть авторов этот вопрос в своих изданиях поднимает. Более того, среди всех существующих точек зрения доминирует утверждение о том, что Гражданская война в России началась весной – летом 1918 г. Причина распространения данного видения вопроса, по мнению ряда авторов, в «сохранившейся традиции в исторической учебной литературе начинать историю Гражданской войны» именно с этого временного этапа [15, с. 336]. Одновременно в учебной литературе находим и другие объяснения. Так, историк Л.И. Олштынский свое понимание всего событийного ряда, который имел место в России с 1917 по 1922 гг., излагает через призму положений военной науки, которая разделяет понятия «война» и «военные конфликты». В отличие от «военного конфликта», утверждает он, «война ведет к качественному изменению всех сфер общественной жизни государства ... Главным средством войны являются вооруженные силы государства, способные вести крупномасштабную вооруженную борьбу». Такой подход позволил ему все события, которые имели место в России с февраля 1917 г. по март-апрель 1918 г.,

назвать локальными конфликтами, а «разворачивание всеобщей Гражданской войны», считать только с лета 1918 г. [20, с. 172, 173]. Ряд же авторов учебников и учебных пособий, излагая историю Гражданской войны, данный временной параметр (весна – лето 1918 г.) указывают в качестве начального без всяких на то объяснений [14, с. 150; 10, с. 173]. Тем не менее последующее знакомство с содержанием изложенной в них истории Гражданской войны в России, позволяет сделать предположение, что главным аргументом в защиту точки зрения начала войны весной – летом 1918 г. у них выступает факт «сформировавшихся к этому времени основных центров антибольшевистского движения» и «развертывания широкомасштабных военных действий». А поводом к ее началу – мятеж Чехословацкого корпуса 25 мая 1918 г., который стал «одним из детонаторов Гражданской войны» [15, с. 335; 18, с. 59].

Второй по степени распространенности в исторической учебной литературе получила точка зрения о том, что Гражданская война началась в октябре 1917 г. Авторский коллектив школьного учебника «История России» во главе с историком О.В. Волобуевым утверждает, что период с октября 1917 по май 1918 г., «можно считать своего рода прологом Гражданской войны», и дальше уточнение: «начальной точкой Гражданской войны можно считать Октябрьское восстание» [1, с. 63]. Такого же мнения придерживается Р.А. Крамаренко, считая, что первый этап Гражданской войны берет начало 25 октября 1917 г. [16, с. 125]. По мнению авторов учебника «История России» под редакцией Л.И. Семенни-

ковой, «Октябрь 1917 г. – это начальный рубеж Гражданской войны» [11, с. 65]. В тоже время авторы учебника «История России» под редакцией М.В. Ходякова, мнение которых, как можно судить из содержания главы №3, совпадает с данной точкой зрения, начальным этапом Гражданской войны называют осень – зиму 1917–1918 гг. [12, с. 98]. Основными аргументами у сторонников данного видения отправной точки начала Гражданской войны в России является «победа Октябрьской революции», «захват власти большевиками», «попытка силой оружия восстановить свою власть свергнутых эксплуататорских классов», а одной из особенностей, которая была характерна для данного этапа – факт того, что «военные действия ... носили локальный характер» [12, с. 98; 2, с. 19].

Наряду с перечисленными, в исторической учебной литературе присутствует мнение, приверженцы которого рассматривают Гражданскую войну в России «как многофазное явление, начало которому положили февральско-мартовские события 1917 года» [9, с. 490]. Следует заметить, что данная точка зрения в учебной литературе не получила широкого распространения и зачастую только упоминается авторами учебных изданий в качестве информации для тех, кто знакомится с содержанием истории Гражданской войны в России в том или ином учебнике, учебном пособии.

Нет единства среди авторов учебных изданий и в определении временных рамок окончания Гражданской войны. Существующие взгляды в обобщенном виде можно свести к двум наиболее распространенным точкам зрения. В частности, одни придержи-

ваются мнения о том, что Гражданская война в России закончилась в 1920 г. вместе с «окончанием полномасштабных боевых действий» [20, с. 173]. В.Ю. Волошина, А.Г. Быкова уточняют, что такой окончательной точкой является «разгром армии Врангеля в Крыму (ноябрь 1920 г.)» [2, с. 19]. Сторонники второй точки зрения «завершающим», «заключительным» периодом Гражданской войны называют 1921–1922 г., а основными событиями, знаменующими ее окончание, указываются подписание мирного договора с Польшей, установление советской власти в Средней Азии, на Закавказье и Дальнем Востоке [12, с. 127; 15, с. 338; 18, с. 60].

В этой непростой ситуации, которая сложилась с пониманием временных рамок Гражданской войны в России в учебной исторической литературе, важно дать возможность изучающим её разобраться в многообразии существующих точек зрения, не позволить «размыть» имеющиеся знания о данном историческом явлении обилием взглядов на историю его временных рамок. То есть предоставить необходимый ключ к пониманию ее периодизации. Автор солидаризируется с мнением о том, что одной из отправных точек, позволяющих определить время начала и окончания Гражданской войны в России, является понимание ее сущности.

На протяжении века данное историческое явление трактовалось по-разному. Например, исследователь М.Е. Разиньков, изучая интерпретацию концепции «гражданская война» в российском политическом сознании с 1917 по 1922 г., насчитал 12 таких определений [22, с. 15]. В современной учебной исторической литературе

ряд авторов рассматривает категорию «гражданская война» со смысловым ударением на термин «война». Так, В.Ю. Волошина, обосновывая свой взгляд на периодизацию, подчеркивает: «... большинство историков исходит из того, что война – это способ разрешения противоречий между сторонами с помощью вооруженных сил». «Об этом можно говорить с весны–лета 1918 и до конца 1920 г.». И еще один аргумент, «в это время (1918–1920 гг. – прим. авт.) военные вопросы были главными в жизни государства ...» [2, с. 19]. Такого же мнения в понимании «гражданской войны» придерживается и М.Б. Некрасова. Свою точку зрения на периодизацию она подкрепляет перечислением противоборствующих сил в этой войне. С одной стороны стояли «поддерживающие социалистическую революцию», а с другой – «ее противники» [19, с. 252]. В.В. Кириллов и М.А. Брагина в понимании термина «гражданская война» смещают акцент на факт того, что – это «вооруженная борьба между различными группами населения». А дальше они выделяют причины, которые привели общество к противостоянию. Среди них «глубокие социально-экономические, политические, национальные и психологические противоречия» [15, с. 335]. Еще дальше от удара на слово «война» в понимании сути категории «гражданская война» пошла Л.Г. Мокроусова, утверждая, что «... это борьба между гражданами одного государства» [18, с. 59].

Однако государство государству рознь. У каждого из них на момент своей гражданской войны присутствовали определенные, присущие только ему политические, социально-экономиче-

ские отношения, национальный состав и т.д. Гражданская война в России имела свои особенности по сравнению с подобными явлениями, которые в разное время имели место во Франции, США, Испании и других государствах. Поэтому было бы целесообразней рассматривать события 1917–1922 гг. через призму понятия «Гражданская война в России» и ударение ставить в равной степени на каждое смыслообразующее слово данного выражения. В этой связи автор склоняется к тому, что наиболее полно суть понимания того, что произошло в нашей истории с 1917 по 1922 гг., отражает понятие, которое ввел в свое время академик Ю.А. Поляков. «... Гражданская война – это длившаяся около 6 лет вооруженная война между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, прошедшая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции» [21, с. 32]. Отталкиваясь от данного определения, следует признать, что прологом вооруженного противостояния в российском обществе, по сути, началом Гражданской войны стали события февраля – марта 1917 г. Подтверждением выступают документы, события тех дней. Так, М.В. Родзянко, председатель IV Государственной думы, в телеграмме Николаю II 27 февраля 1917 г. писал: «Правительство со-

вершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров... Гражданская война началась и разгорается ...» [8].

Достаточно много свидетельств в исторической литературе о том, что в эти дни в Петрограде шло вооруженное противостояние, которое привело к жертвам. А.И. Деникин в «Очерках Русской Смуты» называет число 1443 чел., именно столько регистрация Всероссийского союза городов определила убитых и раненных в Петрограде, в том числе воинских чинов – 869 (офицеров – 60). И добавляет: «Конечно много раненых избегло учета» [5, с. 117]. По данным исследователя А. Мартыанова, общее число потерь с конца февраля и по начало марта 1917 г. только по Петрограду можно оценить в 2000–2200 человек, и то с огромной долей погрешности [17].

Известно также, что это противостояние носило весьма ожесточенный характер, что является характерной чертой любой гражданской войны. В своих мемуарах начальник Петроградского Охранного отделения генерал-майор К.И. Глобачев позже запишет, характеризуя атмосферу первых дней противостояния в столице: «...Те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию... Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части, некоторых распинали у стен, некоторых изрубали шашками. Были случаи, что арестованных чинов полиции не доводили до мест заключения, а расстрели-

вали на набережной ... Таких примеров можно было бы привести сколько угодно. Все это Керенский называл в то время «гневом народным» [3].

В это же время начались аресты и убийства командного состава армии. Был отстранен от должности и арестован главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов, на следующий день – военный министр М.А. Беляев. В начале марта в городе Луга был арестован, а затем убит генерал Г.Г. Менгден, в Выборге арестован комендант генерал А.К. Петров. В первых числах марта подверглись аресту командующие войсками Московского, Казанского, Иркутского, Омского, Приамурского военных округов, другие генералы и офицеры [7, с. 198].

С другой стороны, собирались силы, которые требовали навести порядок в «разложившемся» Петрограде, усмирить революционно настроенных солдат и матросов. Так постепенно происходило формирование двух враждующих сторон, которые ставили перед собой разные цели, использовали доступные методы борьбы.

В дальнейшем, с марта по сентябрь 1917 г., вырисовывались более четкие контуры враждующих противостоящих друг другу сторон. С одной стороны, народные массы, считая, что на пути к прекращению войны, получению земли, взятию под контроль промышленных предприятий стоит контрреволюция, готовы были добиваться своих целей при помощи силы. Подтверждением являются выступления в Петрограде 3 и 4 июля, которые привели к беспорядкам, военным столкновениям и опять же жертвам. В Тамбовской, Тульской, Курской, Во-

ронезской и других губерниях имели место сожжения помещичьих имений, хуторов зажиточных крестьян. В армии происходили вооруженные столкновения, отстранения от должностей офицеров и генералов [9, с. 492]. С другой стороны, в то же время высшие и средние слои общества готовы были защитить свои права. Проявлением подобной решимости была подготовка военного переворота, в котором участвовали офицерские организации Военная лига, Союз георгиевских кавалеров, Союз воинского долга, Батальон свободы и др. [6, с. 27]. Результатом такой деятельности с 25 по 30 августа 1917 г. стал военный мятеж во главе с Верховным главнокомандующим Л.Г. Корниловым. Налицо было явное противостояние двух враждующих лагерей, что свидетельствовало о разрастании Гражданской войны в России.

С победой большевиков в Октябре и их дальнейшими действиями по распространению советской власти накал борьбы только возрастал. Осенью – зимой 1917–1918 гг. военные действия являлись продолжением борьбы за власть в новых условиях. С 25 октября по 2 ноября происходило вооруженное сопротивление установлению советской власти в Москве. На Дону в конце октября выступил генерал А.М. Каледин. В это же время генерал П.Н. Краснов двинул на Петроград 3-й конный корпус, юнкера под руководством Комитета спасения родины и революции подняли мятеж в Петрограде. На Южном Урале против большевиков выступил атаман А.И. Дутов, в декабре 1917 г. возникла Добровольческая армия. С марта по июнь 1918 г. в Забайкалье развивал активность атаман Г.М. Семенов, в Амурской области – атаман И.М. Гамов, в

Приамурье – Б.Э. Калмыков и т.д. Вооруженная борьба за власть не прерывалась, а ее очаговый характер охватил всю страну.

Усилению раскола общества способствовали первые советские экономические преобразования. В ноябре 1917 г. «красногвардейской атакой на капитал» была развернута волна гражданской войны в городах России. Затруднения с поставками хлеба в промышленные центры весной 1918 г. привели советскую власть к необходимости реквизиции хлеба у крестьян при помощи продотрядов, состоящих из городских рабочих. И это было еще одним шагом к усилению гражданского противостояния в обществе. На сей раз – между городом и деревней. А в начале июня 1918 г. ставка большевиков в проведении крестьянской политики на беднейшее крестьянство привела к гражданскому противостоянию в самой деревне. Таким образом, с февраля–марта 1917 по май–июнь 1918 г. вся страна была охвачена Гражданской войной. Конечно, характер борьбы, ее масштабы, формы, силы, которые принимали участие, накал противостояния менялись. Образно говоря, из той искры, которая вспыхнула в феврале–марте 1917 г., постепенно разгоралось пламя, которое семимильными шагами распространялось по стране, охватив все социальные слои, все политические силы. В результате к лету Гражданская война подошла к новому рубежу, когда развернулась борьба между массовыми регулярными войсками, в том числе и иностранными. Но и на протяжении 1918–1920 гг., помимо сражений регулярных армий на фронтах, история изобилует примерами, которые не вписываются в чисто

хрестоматийное понимание категории «война».

Определение Гражданской войны в России, которое ввел в научный оборот академик Ю.А. Поляков, в большей степени объясняет нам и событийный ряд того, что происходило в России и в период с 1921 по 1922 гг. Борьба за власть в это время между гражданами страны не прекращалась. Например, восстание крестьян Тамбовской губернии под руководством эсера А. Антонова, длившееся с августа 1920 до осени 1921 г., в период наибольшего размаха представляло силу, которая достигала до 50 тыс. человек, организованных в 21 полк, объединённых в две армии и отдельную бригаду (для сравнения: численность армии Н.Н. Юденича на Северо-Западном фронте в 1919 г. составляла около 19 тыс. чел.). Силы Красной Армии в борьбе с повстанцами достигали 32,5 штыков, 8 тыс. сабель [23]. В. Молотов, в тот период секретарь ЦК РКП(б), приравнивал это восстание к внешним фронтам Гражданской войны. Но ведь «Антоновщина» – звено в цепи восстаний, охвативших 20–22-х гг. практически всю территорию Советской России... А кронштадтский мятеж в марте 1921 г.? А Приморская военная операция, которая была проведена с 4 по 25 октября 1922 г. и только со стороны Красной Армии в ней принимало больше 10 тыс. человек? [4, с. 479]. Как оценивать сопротивление разрозненных отрядов противников советской власти на протяжении первой половины 1923 г.?

Следует согласиться, что к концу 1920 г. масштаб военных действий изменился, но вооруженная борьба на просторах России между ее граж-

данами не прекращалась. В этом и есть своеобразие Гражданской войны в России. И советской власти предстояло еще много сделать в военной, экономической, политической областях, чтобы ее пламя окончательно потушить. Стремление ограничить Гражданскую войну в России рамками 1918–1920 гг., по мнению автора статьи, сужает понимание всего того, что происходило в стране с февраля-марта 1917 по 1922 гг., лишает возможности всмотреться в истоки гражданского противостояния, а с другой стороны, увидеть и понять смысл шагов, направленных большевистской властью на примирение общества.

И еще. Одной из причин наличия в учебной исторической литературе многообразия точек зрения на временные рамки Гражданской войны в России является отсутствие четкого определения отправной точки начала этой войны и конкретной даты ее окончания. Несмотря на вековую дистанцию, актуальным остается мнение авторов учебника «История России XX – XXI века», что «выработать единый взгляд на хронологию Гражданской войны можно будет только в том случае, если избавиться от идеологической зашоренности и строго придерживаться научного подхода» [13, с. 63]. Сегодня каждый, кто знакомится с историей Гражданской войны в России через учебную литературу, должен получить ключ для понимания временных рамок этого явления. Таким инструментом может выступить изложение автором учебного издания понимания сущности, содержания Гражданской войны в России.

Статья поступила в редакцию 17.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – начало XXI в. М.: Дрофа, 2016. 367 с.
2. Волошина В.Ю., Быкова А.Г. История России, 1917–1993 годы: учебное пособие для академического бакалавриата. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 242 с.
3. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. 519 с.
4. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. 518 с.
6. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М.: Наука, 1991. 376 с.
7. Жебровский С.С. Высший командный состав русской армии весной 1917 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2 «История». 2007. Вып. 2. С. 196–201.
8. «Завтра может быть поздно»: из телеграммы М.В. Родзянко Николаю 11 27 февраля 1917 г. / История.РФ [сайт]. – URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/fievral-skaia-grievoliutsiia> (дата обращения: 19.03. 2018).
9. История: учебник / Под ред. А.П. Волкова. М.: Кучково поле, 2014. 816 с.
10. История России: учебник и практикум для академического бакалаврита / Под ред. К.А. Соловьева. М.: Юрайт, 2018. 252 с.
11. История России: в 2-х ч. Часть 2 (XX – начало XXI вв.) / Под ред. Л.И. Семенниковой; 7-е изд. М.: Юрайт, 2018. 372 с.
12. История России (1914–2015 гг.) / Под. ред. М.В. Ходякова; 8-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 563 с.
13. История России XX – начало XXI века / Под. ред. Д.О. Чуракова, С.А. Саркисяна. М.: Юрайт, 2018. 270 с.
14. Карпачев С.П. История России. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 273 с.
15. Кириллов В.В., Бравина М.А. История России. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 502 с.
16. Крамаренко Р.А. История России. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 187 с.
17. Март 1917: мнимая бескровность революции (проект «Спираль семнадцатого года») / Фонтанка [сайт]. – URL: <http://www.fontanka.ru/longreads/petrograd1917-04/> (дата обращения: 21.03. 2018).
18. Мокроусова Л.Г., Павлова А.Н. История России. М.: Юрайт, 2018. 128 с.
19. Некрасова М.Б. История России: учебник и практикум для СПО / 5-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 363 с.
20. Олыштынский Л.И. Курс истории для бакалавров. Общие закономерности и особенности развития России в мировом историческом процессе. Уроки истории: учебное пособие. М.: Логос, 2012. 408 с.
21. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–41.
22. Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 3–15.
23. Трушин А. «Расстреливать на месте без суда». Хроника крестьянской войны // Общая газета. 1994. 22–28 июля.
24. Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке: справочник. М.: Русская панорама, 2004. 176 с.

REFERENCES

1. Volobuev O.V., Karpachev S.P., Romanov P.N. *Istoriya Rossii: nachalo XX v.* [The History of Russia: early XXth century]. M., Drofa Publ., 2016. 367 p.
2. Voloshina V.Yu., Bykova A.G. *Istoriya Rossii, 1917–1993 gody: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata. 2-e izd. pererab. i dop.* [The History of Russia, 1917–1993 years: a textbook for academic bachelor degree. 2-nd ed. rev. and supp.]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 242 p.
3. Globachev K.I. *Pravda o russkoi revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya* [The truth about the Russian revolution: Memoirs of the former chief of the Petrograd secret police]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2009. 519 p.
4. *Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR: Entsiklopediya / 2-e izd.* [Civil war and military intervention in the USSR: encyclopedia / 2nd ed.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987. 720 p.
5. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty. Krushenie vlasti i armii, fevral'-sentyabr' 1917 g.* [Essays on Russian troubles. The collapse of the government and the army, February–September 1917]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 518 p.
6. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty. Bor'ba generala Kornilova. Avgust 1917 g. – april' 1918 g.* [Essays on Russian troubles. The struggle of General Kornilov. August 1917 – April 1918]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 376 p.
7. Zhebrovskii S.S. [The Supreme command of the Russian army in the spring of 1917]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2 «Istoriya»*, 2007, no. 2, pp. 196–201.
8. «Zavtra mozhet byt' pozdno»: iz telegrammy M.V. Rodzyanko Nikolayu II 27 fevralya 1917 g. In: *Istoriya.RF* ["Tomorrow may be too late": from the telegram of M. V. Rodzyanko to Nicholas II on 27 Feb 1917. In: *History.RF* [website]. Available at: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/fevral-skaia-rievoliutsiia> (accessed: 19.03. 2018).
9. *Istoriya: uchebnik / Pod red. A.P. Volkova* [History: the textbook / Under the editorship of A. P. Volkov]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014. 816 p.
10. *Istoriya Rossii: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavrita / Pod red. K.A. Solov'eva* [The History of Russia: tutorial and workshop for academic baccalaureate / Under the editorship of K. A. Solovyov]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 252 p.
11. *Istoriya Rossii: v 2-kh ch. Chast' 2 (XX- nachalo XXI vv.): uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / Pod red. L.I. Semennikovoi; 7-e izd* [The History of Russia: Part 2 (XX – early XXI centuries): manual for academic baccalaureate / Under the editorship of L. I. Semennikova; 7th ed.]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 372 p.
12. *Istoriya Rossii (1914-2015 gg.): uchebnik dlya SPO / Pod. red. M.V. Khodyakova; 8-e izd. pererab. i dop* [The History of Russia (1914–2015.): a textbook for SPE / edited by M. V. Khodyakov; 8th ed. rev. and supp.]. Moscow, Yurait Publ., 2016. 563 p.
13. *Istoriya Rossii XX - nachalo XXI veka: uchebnik dlya SPO / Pod. red. D.O. Churakova, S.A. Sarkisyana* [The History of Russia of XX – early XXI century: textbook for SPE / edited by D. O. Churakova, S. A. Sargsyan]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 270 p.
14. Karpachev S.P. *Istoriya Rossii: uchebnoe posobie dlya SPO / 2-e izd. pererab. i dop.* [The History of Russia: textbook for SPO / 2-e ed. rev. and supp.]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 273 p.
15. Kirillov V.V., Bravina M.A. *Istoriya Rossii: uchebnik dlya SPO / 2-e izd. pererab. i dop.* [The History of Russia: the textbook for the SPE / 2nd ed. rev. and sup.]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 502 p.
16. Kramarenko R.A. *Istoriya Rossii: uchebnoe posobie dlya SPO / 2-e izd. pererab. i dopolnennoe* [The History of Russia: textbook for SPE / 2-nd ed. rev. and sup.]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 187 p.

17. Mart 1917: mnimaya beskrovnost' revolyutsii (proekt «Spiral' semnadtsatogo goda») [March 1917: the imaginary bloodless revolution (the project "Spiral of the seventeenth year"). In: Fontanka [website].]. Available at: <http://www.fontanka.ru/longreads/petrograd1917-04/> (accessed: 21.03. 2018).
18. Mokrousova L.G., Pavlova A.N. Istoriya Rossii: uchebnoe posobie dlya vuzov [The History of Russia: textbook for universities]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 128 p.
19. Nekrasova M.B. Istoriya Rossii: uchebnik i praktikum dlya SPO / 5-e izd. pererab. i dop [The History of Russia: tutorial and workshop for the SPE / 5th ed. rev. and sup.]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 363 p.
20. Ol'shtynskii L.I. Kurs istorii dlya bakalavrov. Obshchie zakonomernosti i osobennosti razvitiya Rossii v mirovom istoricheskom protsesse. Uroki istorii: uchebnoe posobie [The course of history for baccalaureate. General regularities and peculiarities of development of Russia in world historical process. History lessons: a tutorial]. Moscow, Logos Publ., 2012. 408 p.
21. Polyakov Yu.A. [The civil war in Russia: the occurrence and escalation]. In: *Otechestvennaya istoriya*, 1992, no. 6, pp. 32–41.
22. Razin'kov M.E. [The war of interpretations: the concept of "civil war" in the Russian political consciousness 1917–1922] In: *Voprosy istorii*, 2017, no. 10, pp. 3–15.
23. Trushin A. Obshchaya gazeta, 1994, Jul. 22–28.
24. Erlikhman V.V. Poteri narodonaseleniya v XX veke: spravochnik [The loss of population in the XX century: a Handbook]. Moscow, RusskayapanoramaPubl., 2004. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивашко Михаил Иванович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия; e-mail: mihail-ivashko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail I. Ivashko – Professor, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General Education, Russian State University of Justice; e-mail: mihail-ivashko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ивашко М.И. Гражданская война в России: временные рамки в современной учебной исторической литературе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 19–29.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-19-29

FOR CITATION

Ivashko M. Civil war in Russia: timeframe in modern educational historical literature. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 19–29.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-19-29

УДК 930.85

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-30-39

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Дахин А.В., Костина О.А., Фоменков А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (филиал: Нижегородский институт управления)
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 46, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена трудам постсоветских историков (в основном нижегородских) о деятельности политических партий в Нижегородской губернии до февраля 1917 г. Выявлены основные достижения при изучении этой проблематики. Особо отмечены достижения в изучении функционирования эсеров и кадетов в Нижегородском регионе. Обозначены пути дальнейшего изучения политических партий в регионе в дореволюционный период. Основной упор предлагается сделать на изучение деятельности меньшевиков и малых партий.

Ключевые слова: историография, история России (начало XX в.), Нижегородская губерния, политические партии.

POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY OF PREREVOLUTIONARY ACTIVITIES OF POLITICAL PARTIES IN NIZHNY NOVGOROD REGION

A. Dakhin, O. Kostina, A. Fomenkov

*Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
46, Gagarina ul, Nizhni Novgorod, 603950, the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the works of the post-Soviet historians (mainly Nizhny Novgorod) on the activities of political parties in Nizhny Novgorod province until February 1917. The study highlights main achievements of Socialist Revolutionaries and Cadets' functioning in Nizhny Novgorod region. Ways of further studying political parties in the region in the pre-revolutionary period are designated. It is proposed to focus on the study of the activities of the mensheviks and small parties.

Key words: historiography, the the History of Russia (early XXth century), Nizhny Novgorod province, political parties.

Деятельность дореволюционных политических партий стала объектом исследования начиная с эпохи перестройки (разумеется, отдельные монографии выходили и до этого, но господство «единственно верного учения» препятствовало полноценному изучению противников РСДРП(б)). Важно отметить, что

исследователи обращались не только к общероссийской проблематике, но также и анализировали деятельность партий на региональном уровне. В полной мере это касается и нижегородских историков.

Сразу же отметим, что трудов по истории нижегородских большевиков было написано весьма немало в советский период. Как следствие, постсоветские исследователи в основном изучали деятельность других партий в регионе. В новом ракурсе историю деятельности нижегородских членов РСДРП (а также ПСР) рассмотрел Д.Г. Рыжак [24]. Исследователь обратился к проблеме противодействия этим партиям в регионе Нижегородским губернским жандармским управлением и Нижегородским охранным отделением. Автором приведено немало ценных фактов не только о деятельности означенных структур, но также и о деятельности революционных организаций в регионе. Кроме того, важные сведения о нижегородских социал-демократах в период первой русской революции можно почерпнуть из статьи А.М. Белова [2, с. 21], в том числе и о том, что масштабные выступления в регионе планировались не раньше января 1906 г. (к этому времени, как мы помним, пик революции уже прошёл!). Наличествуют работы и по отдельным персоналиям, например, посвящённая деятельности в Нижнем Новгороде высланного в 1914 г. из Петрограда Е.Н. Козина [12]. Впрочем, по нашему мнению, ряд проблем, связанных с деятельностью нижегородских социал-демократов, изучен ещё мало. В первую очередь это касается вопросов борьбы большевиков и меньшевиков,

равно как и переход активистов из одной фракции РСДРП в другую.

Большую роль в изучении деятельности нижегородских эсеров (партии, объективно имевшей претензии на лидерство в революционном движении! [37, с. 210]) сыграли такие исследователи, как А.В. Медведев и А.А. Слепченкова. Первый из них уже давно специализируется на отечественном неонародничестве [13], причём не ограничиваясь лишь нижегородскими реалиями. Наибольший интерес у данного исследователя вызывают проблемы взаимоотношения между эсерами и большевиками. А.А. Слепченкова, работая как в соавторстве с А.В. Медведевым, так и самостоятельно, проанализировала очень широкий круг проблем, в той или иной мере затрагивающих функционирование эсеровской партии в регионе [14; 35]. Итогом многолетней работы стал выход в свет в 2012 г. коллективной монографии А.В. Медведева и А.А. Слепченковой о нижегородских социалистах-революционерах [15]. Труд этот в целом можно оценить с положительной стороны.

Кроме того, о проблеме функционирования эсеровских организаций в регионе писали такие исследователи, как А.А. Гольцов [3; 4], С.Р. Попков [22], А.В. Шакурова [38] и А.И. Юрьев [39]. Первые два автора уделили внимание террористической активности эсеров в регионе. А.В. Шакурова анализировала влияние эсеров на нижегородских учителей, а А.И. Юрьев – функционирование партии перед революцией 1917 г. Нам представляется, что статьи А.А. Гольцова, С.Р. Попкова, А.В. Шакуровой и А.И. Юрьева не дублируют данных А.В. Медведева и А.А. Слепченковой, но дополняют сведения о регио-

нальной организации эсеров, которые можно почерпнуть в упомянутой уже нами выше коллективной монографии.

Большое внимание нижегородским анархистам в своих работах уделил специалист по левой общественно-политической мысли В.П. Сапон. В его трудах уделено внимание как функционированию нижегородских анархистских ячеек, так и особенностям политических взглядов лидеров нижегородских анархистов. Нельзя не отметить, что В.П. Сапон проанализировал влияние на нижегородскую деятельность и такого редкого течения в анархизме, как анархо-мистицизм [25; 26]. Укажем также, что отдельные аспекты деятельности нижегородских анархо-мистиков были проанализированы крупным московским исследователем анархизма Л.Г. Орчаковой [20, с. 175, 308, 328]. Деятельность анархистских террористических групп в Нижегородской губернии освещена также в диссертации Д.И. Пейча [21, с. 119, 135, 136, 207, 208].

Нижегородским меньшевикам, как нам представляется, повезло меньше. Разумеется, Д.Г. Рыжаков и В.П. Сапон уделили им внимание, однако в основном либо в контексте деятельности РСДРП в целом, либо в сравнительно узких хронологических рамках. Отдельные упоминания о нижегородских меньшевиках содержатся также в диссертационном исследовании ульяновского историка Н.А. Романовой [23, с. 31, 37, 39, 43, 134].

Из либеральных партий в Нижегородской губернии лучше всего изучены кадеты. Их деятельности посвящена в первую очередь кандидатская диссертация Ф.А. Селезнёва [32]. Им написан также ряд работ, в которых

анализируются не только особенности мировоззрения и деятельности российских дореволюционных либералов в масштабах всей страны, но также и сугубо региональные, нижегородские аспекты таковых [30; 31]. Кроме того, ряд значимых аспектов, связанных с функционированием кадетов в Нижегородской губернии до февраля 1917 г., освещены в работах Э.В. Иванкова [9, с. 53], В.В. Колябина, В.И. Андрухина [10], Б.И. Королева [11], В.П. Сапона [28, с. 131–132], Е.Ю. Семеновой [33]. В целом, как нам представляется, уровень изученности деятельности Партии народной свободы в Нижегородском крае весьма велик и уступает лишь уровню изученности деятельности большевиков, которые по понятным причинам активно изучали истории советского периода.

Действовала в регионе и партия «Союз 17 октября». Ни монографий, ни диссертационных исследований о региональной структуре октябристов, к сожалению, нет до сих пор. Отдельные аспекты функционирования «Союза 17 октября» в Нижегородском крае проанализированы Т.А. Медведевой [16, с. 304], Ф.А. Селезнёвым, Н.А. Синяевой [34] и А.А. Фоменковым (участие в выборах в Государственную думу), а также В.П. Сапоном (деятельность в годы Первой мировой войны) [27; 29].

Практически не изучена деятельность в Нижегородской губернии Партии правового порядка. Разумеется, данная структура не относилась к числу наиболее заметных в числе общероссийских политических структур в дофевральский период. Тем не менее именно житель Нижегородской губернии В.П. Филатов был единственным представителем этой партии в Госу-

дарственной думе. Едва ли не единственным исследователем, акцентировавшем на том внимание, является уральский историк А.В. Антошин [1, с. 81, 82, 186, 187].

Деятельность правомонархистов (они же черносотенцы) в Нижегородской губернии изучена довольно хорошо. В первую очередь следует упомянуть о диссертационном исследовании А.А. Фоменкова, – как раз по этой проблематике [36]. Кроме того, статьи, посвященные нижегородским черносотенцам, написаны также видным нижегородским историком Г.В. Набатовым [19] и Е.С. Егоровой [6]. Деятельность нижегородских черносотенцев в контексте функционирования поволжских правых в целом анализировалась чебоксарским историком Е.М. Михайловой [17]. Ею же было уделено внимание и съезду правомонархистов в Нижнем Новгороде, имевшему место в 1915 г. [18, с. 87].

Кроме того, в последние годы вышли также работы, посвященные всецело партийной периодике региона (весь спектр!) [5], а также проблемам публикации архивных материалов по

деятельности политических партий в Нижегородской губернии в годы первой русской революции [7] и применению такого рода материалов в учебном процессе [9]. Представляется, что в означенных работах содержится ценная информация не только о функционировании партий в регионе, но также и о некоторых пробелах в изучении таковой.

Таким образом, следует признать, что деятельность политических партий в Нижегородской губернии исследована на высоком уровне. Основными вопросами, ещё требующими изучения со стороны историков, являются проблемы деятельности нижегородских октябристов, меньшевиков, а также представителей малых партий (Партии правового порядка, трудовиков и т.п.). Кроме того, полем исследования могут стать идейные взгляды нижегородских политических активистов начала XX в. Последние изучены сравнительно слабо, однако утверждать, что нижегородцы всегда поддерживали «линию партии» (той, в которой они состояли), не следует.

Статья поступила в редакцию 06.03.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Антошин А.В. Партия правового порядка в политической жизни России начала XX в.: дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. 262 с.
2. Белов А.М. Дореволюционная историография деятельности политических партий России среди рабочих в революции 1905–1907 гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 5. С. 18–23.
3. Гольцов А.А. Нижегородская тайная боевая дружина в 1905 году // Российская провинция в годы революций и Гражданской войны 1917–1922 гг.: материалы Всероссийской научно-практической конференции 27–28 ноября 1997 г. Н. Новгород: ННГУ, 1998. С. 135–138.
4. Гольцов А.А. Организация партии социалистов-революционеров в Нижегородской губернии в 1902–1916 годах // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории: материалы чтений памяти Н.М. Добротвора, 24–25 апреля 1997 г. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. С. 180–182.
5. Дранишникова Е.А. Возникновение и развитие партийной периодики в Нижнем Новгороде // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 1. С. 46–53.

6. Егорова Е.С. Место и роль Нижегородской монархической организации «Белое знамя» в политической жизни Нижнего Новгорода // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории: материалы чтений памяти Н.М. Добротвора, 24–25 апреля 1997 г. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. С. 138–141.
7. Зарубина Л.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Нижегородской губернии. Проблемы использования и публикации архивных документов // Отечественные архивы. 2016. № 1. С. 123–124.
8. Иванков Э.В. Предвыборная кампания кадетов в III Государственную Думу Российской Империи // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2017. № 10. С. 48–58.
9. Ильина И.Н. Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX вв. Учебное пособие в 2-х т. // Отечественная история. 2006. № 5. С. 152–153.
10. Колябин В., Андрюхин В. Новая песня про Савельева на старый лад // Новое дело. 2002. № 10. С. 6.
11. Королев Б.И. Распространение конституционных идей в общественной жизни российской провинции начала XX века (На материалах Нижегородской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. 241 с.
12. Кураков Д.В. Провинциальный политик эпохи революции: Некоторые страницы политической биографии Е.Н. Козина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 8. С. 21–25.
13. Медведев А.В. Неонародничество и большевизм в России в годы гражданской войны. Н. Новгород: ННГУ, 1993. 146 с.
14. Медведев А.В., Слепченкова А.А. Нижегородские учителя в революционном движении начала XX века (1900–1907 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1–1. С. 300–307.
15. Медведев А.В., Слепченкова А.А. Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае (1895–1923). Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2012. 256 с.
16. Медведева Т.А. Выборы в I Государственную Думу: Опыт и уроки избирательной кампании нижегородских политических партий в 1905–1906 годах // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 2. С. 200–210.
17. Михайлова Е.М. Правомонархическое движение в Поволжье в 1905–1917 годах // Отечественная история. 2007. № 1. С. 126–134.
18. Михайлова Е.М. Правые партии Поволжья в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 4 (18). С. 80–90.
19. Набатов Г.В. Особенности предвыборных текстов черносотенцев в 1912 году // Документ, источник, текст: горизонты современных исследований. Н. Новгород: Нижегородский гос. тех. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2015. С. 42–46.
20. Орчакова Л.Г. Анархисты в политической жизни России (1903–1928 гг.): дис. докт. ист. наук. М., 2009. 384 с.
21. Пейч Д.И. Анархистский террор в России 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 220 с.
22. Попков С.Р. Террористическая деятельность партии социалистов-революционеров в Нижегородской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы первой международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Нижегородский гос. тех. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2010. С. 405–407.
23. Романова Н.А. Меньшевики Поволжья в 1917 году: дис.канд. ист. наук. Ульяновск, 1998. 230 с.

24. Рыжаков Д.Г. Органы политического сыска в борьбе с РСДРП и партией эсеров в 1902–1917 гг. (на материалах Нижегородской губернии): дис. канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009. 290 с.
25. Сапон В.П. «Боевая радуга новой культуры» (Анархо-мистическое движение в нижегородской провинции) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 26–32.
26. Сапон В.П. «Знакомые по мистике» (Нижегородская анархо-мистическая организация «Орден духа») // Российская история. 2010. № 2. С. 138–146.
27. Сапон В.П. Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны (дофевральский период) // Война. Общество. Человек: материалы международной научно-практической конференции, 21 февраля 2014 г. Н. Новгород: НФ УРАО, 2014. С. 126–143.
28. Сапон В.П. Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: от «феврализма» к большевизму. Н. Новгород: [б. и.], 2017. 310 с.
29. Сапон В.П. Нижегородская либеральная оппозиция накануне февральской революции 1917 г. // Российская история. 2017. № 5. С. 30–43.
30. Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: Партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2001. 314 с.
31. Селезнев Ф.А. Выборы 1906 года в I Государственную Думу от Нижнего Новгорода как региональное политическое событие // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 389–395.
32. Селезнев Ф.А. Нижегородские кадеты: Региональный опыт парламентской партии (1905–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1997. 373 с.
33. Семенова Е.Ю. Роль партий народной свободы и социалистов-революционеров в формировании мировоззрения городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4–3. С. 150–156.
34. Синяева Н.А. Правовые основы и практика выборов в Государственную думу Российской империи на региональном уровне: дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 196 с.
35. Слепченкова А.А. Интеллигенция и эсеры (Начало XX в. – 1917 г.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11 (67). С. 311–316.
36. Слепченкова А.А. Организация партии социалистов-революционеров в Нижегородской губернии: основные этапы становления, развития и распада: дис.канд. ист. наук. Н. Новгород, 2010. 304 с.
37. Фоменков А.А. Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905–1917 гг.): дис. канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009. 230 с.
38. Холяев С.В. К вопросу о расколе РСДРП // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6–1. С. 210–212.
39. Шакурова А.В. Нижегородские учителя и революционные события 1905–1907 годов // Нижегородское образование. 2015. № 2. С. 142–146.

REFERENCES

1. Antoshin A.V. Partiya pravovogo poryadka v politicheskoi zhizni Rossii nachala XX v.: dis. канд. ист. наук [The party of law and order in Russian political life early XX century: thesis. PhD in Hist. Sci.]. Ekaterinburg, 1998. 262 p.

2. Belov A.M. [Pre-revolutionary historiography of the activities of political parties of Russia among the workers in the revolution of 1905–1907.] In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2015, t. 21, no. 5, pp. 18–23.
3. Gol'tsov A.A. Nizhegorodskaya tainaya boevaya družina v 1905 godu [Nizhny Novgorod's secret combat squad in 1905]. In: *Rossiiskaya provintsiya v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voiny 1917–1922 gg.: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 27–28 noyabrya 1997 g.* [Russian province in the years of revolution and Civil war of 1917–1922: materials of all-Russian scientific-practical conference 27–28 November 1997]. N. Novgorod, NNGU Publ., 1998, pp. 135–138.
4. Gol'tsov A.A. Organizatsiya partii sotsialistov-revolutsionerov v Nizhegorodskoi gubernii v 1902–1916 godakh [The organization of the party of socialists-revolutionaries in Nizhny Novgorod region in the years 1902–1916]. In: *Rossiya i Nizhegorodskii kraj: aktual'nye problemy istorii: materialy chtenii pamyati N.M. Dobrotvora*, 24–25 aprelya 1997 g. [Russia and Nizhny Novgorod region: history: materials of readings in memory of N. M. Dabratvor, 24–25 April 1997]. N. Novgorod, Nizhegorodskii gumanitarnyi tsentr Publ., 1998, pp. 180–182.
5. Dranishnikova E.A. [The emergence and development of the party press in Nizhny Novgorod]. In: *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2014, no. 1, pp. 46–53.
6. Egorova E.S. Mesto i rol' Nizhegorodskoi monarkhicheskoi organizatsii «Beloe znamya» v politicheskoi zhizni Nizhnego Novgoroda [The place and role of Nizhny Novgorod monarchist organization "White flag" in the political life of Nizhny Novgorod]. In: *Rossiya i Nizhegorodskii kraj: aktual'nye problemy istorii: materialy chtenii pamyati N.M. Dobrotvora*, 24–25 aprelya 1997 g. [Russia and Nizhny Novgorod region: history: materials of readings in memory of N. M. Dabratvor, 24–25 April 1997]. N. Novgorod, Nizhegorodskii gumanitarnyi tsentr Publ., 1998, pp. 138–141.
7. Zarubina L.V. ["The first Russian revolution of 1905–1907 in Nizhny Novgorod region. The problem of the use and publication of archival documents"]. In: *Otechestvennye arkhivy*, 2016, no. 1, pp. 123–124.
8. Ivankov E.V. [The election campaign of the cadets in the III State Duma of the Russian Empire]. In: *Retrospektiva: vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovatelei*, 2017, no. 10, pp. 48–58.
9. Il'ina I.N. [Socio-political processes, parties and movements in Nizhny Novgorod province in the late XIX – early XX centuries textbook in 2 volumes]. In: *Otechestvennaya istoriya*, 2006, no. 5, pp. 152–153.
10. Kolyabin V., Andryukhin V. [New song about Savelyev to the old way] In: *Novoe delo*, 2002, no. 10, pp. 6.
11. Korolev B.I. Rasprostranenie konstitutsionnykh idei v obshchestvennoi zhizni rossiiskoi provintsii nachala XX veka (Na materialakh Nizhegorodskoi gubernii): dis. ... kand. ist. nauk. [The spread of constitutional ideas in the public life of the Russian province of the early XX century (On materials of Nizhny Novgorod province): dis. kand. Hist. Sci. N. Novgorod, 2004. 241 p.
12. Kurakov D.V. [A provincial politician of the era of the revolution: Some of the pages of E.N. Kozin's political biography]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 8, pp. 21–25.
13. Medvedev A.V. Neonarodnichestvo i bol'shevizm v Rossii v gody grazhdanskoi voiny [Neonarodnik movement and Bolshevism in Russia during the civil war]. N. Novgorod, NNGU Publ., 1993. 146 p.
14. Medvedev A.V., Slepchenkova A.A. [Teachers of Nizhny Novgorod in the revolutionary movement of the early twentieth century (1900–1907).] In: *Vestnik Nizhegorodskogo univer-*

- siteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, no. 1–1, pp. 300–307.
15. Medvedev A.V., Slepchenkova A.A. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v Nizhegorodskom krae (1895–1923)* [The party of socialists-revolutionaries in Nizhny Novgorod region (1895–1923)]. N. Novgorod, Nizhegorodskii gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo Publ., 2012. 256 p.
 16. Medvedeva T.A. [Elections in I State Duma: the experience and lessons of the election campaign of Nizhny Novgorod political parties in 1905–1906] In: *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 200–210.
 17. Mikhailova E.M. [Promonarchist movement in the Volga region in the years 1905–1917]. In: *Otechestvennaya istoriya*, 2007, no. 1, pp. 126–134.
 18. Mikhailova E.M. [Right-wing parties of the Volga region in the years of the First World War]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii*, 2014, no. 4 (18), pp. 80–90.
 19. Nabatov G.V. *Osobennosti predvybornykh tekstov chernosotentsev v 1912 godu* [Features of the campaign texts of the black hundreds in 1912]. In: *Dokument, istochnik, tekst: gorizonty sovremennykh issledovaniy* [The document source text: the horizons of modern research]. N. Novgorod, Nizhegorodskii gos. tekhn. un-t im. R.E. Alekseeva Publ., 2015, pp. 42–46.
 20. Orchakova L.G. *Anarkhisty v politicheskoi zhizni Rossii (1903–1928 gg.): dis. dokt. ist. nauk* [Anarchists in the political life of Russia (1903–1928). Thesis D. Hist. Sci.]. Moscow, 2009. 384 p.
 21. Peich D.I. *Anarkhistskii terror v Rossii 1905–1907 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Anarchist terror in Russia 1905–1907: thesis. cand. Hist. Sci.]. Moscow, 2013. 220 p.
 22. Popkov S.R. *Terroristicheskaya deyatel'nost' partii sotsialistov-revolutsionerov v Nizhegorodskoi gubernii v nachale XX v.* [The terrorist activities of the socialists-revolutionaries party in Nizhny Novgorod region in the early XX century]. In: *Aktual'nye problemy sotsial'noi kommunikatsii: materialy pervoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of social communication: proceedings of the first international scientific-practical conference]. N. Novgorod, Nizhegorodskii gos. tekhn. un-t im. R.E. Alekseeva Publ., 2010, pp. 405–407.
 23. Romanova N.A. *Men'sheviki Povolzh'ya v 1917 godu: dis.kand. ist. nauk* [The Mensheviks of the Volga region in 1917, thesis.Cand. Hist. Sci.]. Ulyanovsk, 1998. 230 p.
 24. Ryzhakov D.G. *Organy politicheskogo syska v bor'be s RSDRP i partiei eserov v 1902–1917 gg. (na materialakh Nizhegorodskoi gubernii): dis. kand. ist. nauk* [The bodies of political investigation in the suppression of the RSDLP and of the social-revolutionaries in 1902–1917 (on materials of Nizhny Novgorod province): thesis. Cand. Hist. Sci.]. N. Novgorod, 2009. 290 p.
 25. Sapon V.P. ["The fighting rainbow of new culture" (Anarcho-mystical movement in Nizhny Novgorod province)]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2007, no. 1, pp. 26–32.
 26. Sapon V.P. ["The familiar mysticism" (Nizhny Novgorod anarcho-mystical organization "Order of the spirit")]. In: *Rossiiskaya istoriya*, 2010, no. 2, pp. 138–146.
 27. Sapon V.P. *Nizhegorodskaya guberniya v gody pervoi mirovoi voiny (dofevral'skii period)* [Nizhny Novgorod province during the First World War (period before February revolution)]. In: *Voina. Obshchestvo. Chelovek: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21 fevralya 2014 g.* [War. Society. People: materials of international scientific-practical conference, February 21, 2014]. N. Novgorod, NF URAO Publ., 2014. pp. 126–143.
 28. Sapon V.P. *Nizhegorodskaya guberniya v 1916–1917 gg.: ot "fevralizma" k bol'shevizmu*. [Nizhny Novgorod province in 1916–1917: from "fevralizm" to Bolshevism]. N. Novgorod, 2017. 310 p.
 29. Sapon V.P. [Nizhny Novgorod liberal opposition on the eve of the February revolution of 1917] In: *Rossiiskaya istoriya*, 2017, no. 5, pp. 30–43.

30. Seleznev F.A. Vyборы i vybor provintsii: Partiya kadetov v Nizhegorodskom krae (1905–1917 gg.) [Elections and the choice of the provinces: the Party of cadets in Nizhny Novgorod region (1905–1917 gg.)]. N. Novgorod, Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo Publ., 2001. 314 p.
31. Seleznev F.A. Vyборы 1906 goda v I Gosudarstvennyu Dumu ot Nizhnego Novgoroda kak regional'noe politicheskoe sobytie [1906 elections to I State Duma from Nizhny Novgorod as a regional political event]. In: *Regiony mira: problemy istorii, kul'tury i politiki* [Regions of the world: problems of history, culture and politics]. N. Novgorod, Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo Publ., 2017, pp. 389–395.
32. Seleznev F.A. Nizhegorodskie kadety: Regional'nyi opyt parlamentskoi partii (1905–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. [Nizhny Novgorod cadet Regional experience of the parliamentary party (1905–1917): thesis Cand. Hist. Sci.]. N. Novgorod, 1997. 373 p.
33. Semenova E.Yu. [The role of political parties of national freedom and socialist-revolutionaries in shaping the world of the urban population of the Volga region in the years of the First World War]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no. 4-3, pp. 150–156.
34. Sinyaeva N.A. Pravovye osnovy i praktika vyborov v Gosudarstvennyu dumu Rossiiskoi imperii na regional'nom urovne: dis. kand. yurid. nauk. [Legal framework and practice of the elections to the State Duma of the Russian Empire at the regional level: thesis Cand. Law. Sci.]. N. Novgorod, 2010. 196 p.
35. Slepchenkova A.A. [The intelligentsia and the social revolutionaries (early twentieth century – 1917)]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, no. 11 (67), pp. 311–316.
36. Slepchenkova A.A. Organizatsiya partii sotsialistov-revolutsionerov v Nizhegorodskoi gubernii: osnovnye etapy stanovleniya, razvitiya i raspada: dis.kand. ist. nauk. N [The organization of the party of socialists-revolutionaries in Nizhny Novgorod region: main stages of formation, development and disintegration: thesis....Cand. Hist. Sci.]. N. Novgorod, 2010. 304 p.
37. Fomenkov A.A. Pravomonarkhicheskoe dvizhenie v Nizhegorodskoi gubernii (1905-1917 gg.): dis. kand. ist. nauk. N [Promonarchist movement in Nizhny Novgorod region (1905–1917 gg.): thesis....Cand. Hist. Sci.]. N. Novgorod, 2009. 230 p.
38. Kholyaev S.V. [On the question about the split of the RSDLP] In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no. 6-1, pp. 210–212.
39. Shakurova A.V. [Nizhny Novgorod teachers and the revolutionary events of 1905-1907] In: *Nizhegorodskoe obrazovanie*, 2015, no. 2, pp. 142–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал: Нижегородский институт управления);
e-mail: nn9222@yandex.ru

Костина Ольга Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал: Нижегородский институт управления);
e-mail: oal2@yandex.ru

Фоменков Артём Александрович – доктор исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал: Нижегородский институт управления);
e-mail: artjom2310@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Dakhin – doctor of philosophy, Professor, Nizhny Novgorod Institute of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;
email: nn9222@yandex.ru

Olga A. Kostina – candidate of Psychological Sciences, associate professor, Nizhny Novgorod Institute of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;
email: oal2@yandex.ru

Artem A. Fomenkov – doctor of Historical Sciences, associate professor Nizhny Novgorod Institute of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;
email: artjom2310@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дахин А.В., Костина О.А., Фоменков А.А. Постсоветская историография деятельности дореволюционных политических партий в Нижегородской губернии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 30–39.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-30-39

FOR CITATION

Dakhin A., Kostina O., Fomenkov A. Post-soviet historiography of prerevolutionary activities of political parties in Nizhny Novgorod region. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 30–39.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-30-39

Всеобщая история

УДК 94.(32).04.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-40-47

СЕТ – «ВЛАДЫКА ИСЕФЕТ»: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭПИТЕТА

Карлова К.Ф.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые специфические черты, которыми стал наделяться бог Сет в Поздний период древнеегипетской истории, и связанную с этим мировоззренческую и идеологическую трансформацию египетского общества в I тыс. до н.э. В этот период облик Сета существенно демонизировался и претерпевал негативную трансформацию.

Ключевые слова: Древний Египет, Сет, *исефет*, *маат*, XXX династия, ритуал.

SETH – «THE LORD OF ISEFET»: ON THE INTERPRETATION OF THE EPITHET

K. Karlova

Moscow Region State University

10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article examines some of the specific features that god Seth was given in the Late period of the ancient egyptian history. The related world outlook and ideological transformation of the egyptian society in the 1st millennium BC is also described. During this period the image of Seth was demonized and undergone the negative transformation.

Key words: ancient Egypt, Seth, *isefet*, *maat*, Dynasty XXX, ritual.

В т.н. «Книге победы над Сетом» – записи ритуала, датирующегося IV в. до н.э., и направленного против Сета [15], приводится обширный список проступков, святотатств и бесчинств (см. табл.) бога Сета:

Таблица

Эпитеты Сета по «Книге победы над Сетом»

Эпитет Сета	Перевод
<i>ʕh3 m ht / k3.n.f dw nn pr.n.f m ht</i> (Urk. VI.7.4 / Urk. VI. 39.8)	сражавшийся во чреве / задумал он зло, прежде чем вышел он из чрева
<i>shpr hnn nn hpr.f</i> (Urk.VI.39.9)	создал беспорядок (шум), прежде чем воссуществовал он (т. е. Сет. – К.К.)
<i>iry (bw) dw</i> (Urk.VI.7.5)	творящий зло
<i>th3w mtnw</i> (Urk.VI.7.5)	сбившийся с пути
<i>mrw ʕh3</i> (Urk.VI.7.7)	любящий сражения
<i>htp hr hnnw</i> (Urk.VI.7.7)	довольный нарушениями
<i>hbs hr.f r i3w r.f</i> (Urk.VI.7.8)	укрывающий свое лицо от того, кто старше него
<i>tny dw/ iry dw</i> (Urk.VI.7.9/ Urk. VI.39.2)	возвысивший зло/ делающий зло
<i>wḏ šnnw</i> (Urk. VI.7.9)	установивший горе
<i>m hrwy n it itw.f</i> (Urk.VI.7.10)	во вражде к отцу отцов своих
<i>mk h3pw</i> (Urk.VI.7.11)	обходящий законы
<i>iry m phty</i> (Urk.VI.7.11)	применяющий силу
<i>hʕd3</i> (Urk.VI.7.13)	Вор
<i>nb izft</i> (Urk.VI.7.13)	владыка <i>исефет</i>
<i>hk3 n grg</i> (Urk.VI.7.13)	управитель лжи
<i>tsw pw n hbntyw</i> (Urk.VI.7.14)	командующий этот преступниками
<i>htpy hr tš</i> (Urk.VI.7.15)	довольный из-за разделения
<i>msdy snsn</i> (Urk.VI.7.15)	ненавидящий братство
<i>tw3 n ib.f m-ʕ ntrw</i> (Urk.VI.7.16)	неправедный сердцем перед богами
<i>wpt hrwy</i> (Urk.VI.7.17)	устанавливающий вражду
<i>shpr hbbbt</i> (Urk.VI.7.17)	сотворяющий разделение
<i>dbh3</i> (Urk.VI.7.18)	Злой (?)
<i>km3 h3k</i> (Urk.VI.7.18)	творящий разрушение
<i>nb hʕd3</i> (Urk.VI.7.19)	владыка грабежа
<i>htpy hr ʕwn</i> (Urk.VI.7.19)	радующийся из-за алчности
<i>nb iw3y</i> (Urk.VI.7.20)	владыка разбоя
<i>shpr ʕwʕy</i> (Urk.VI.7.20)	сотворяющий разбой
<i>iry kn(w) / whmy knw</i> (Urk.VI.7.21/ Urk.VI.39.2)	причиняющий зло/ умножающий зло
<i>shpr nkn</i> (Urk.VI.7.21)	сотворяющий вред
<i>hmt sbiw(t) m nf</i> (Urk.VI.7.22)	задумывающий мятеж в неправде

С момента своего рождения Сет внес в мир хаос, чем нарушил установленный порядок, поскольку обстоятельства его появления на свет показаны странными, необычными, противоестественными. «Книга...» говорит о том, что Сет сражался еще

в чреве матери. Рождение Сета в неположенный срок уже фиксируется в «Текстах пирамид»: «Выплевывается зачатый (Сет), осветил ты ночь» (Pyr. 205a: *nšnš iwrt isps̄.n.k grh*). Появление Сета, зачатого в теле богини Нут, происходит посредством выплевывания

его наружу. Употребление необычного глагола *nšnš* – «выплевывать» для акта рождения Сета, изначально представляет его как бога, чья природа отлична от природы других богов, появление которых обозначается в «Текстах пирамид» глаголом *ms* – «рождаться».

Такой набор эпитетов Сета как, например, «владыка грабежа», «радующийся из-за алчности», «владыка разбоя», «сотворяющий разбой», относится к тем нарушениям, в отношении которых в египетском обществе был наложен строгий запрет, который регулировал мир египтянина и обеспечивал постоянное функционирование египетского миропорядка – *маат* [5, S.60ff]. Действуя подобным образом, Сет не только попирает этот порядок, но и олицетворяет собой полную ему противоположность. По этой причине эпитеты Сета – «владыка *исефет*, управитель лжи», демонстрируют восприятие их египтянами родственными понятиями. Это нашло отражение в источниках времени Нового царства: «...живущие на земле, ненавидящие ложь и *исефет*» (...*anxw tp-t3 msddu grg izft*) [6, Pl. XXXIII]. В «Поучении Птахотепа» *grg* читается как понятие, противоположное *маат* [11, S. 202: 532].

Исефет как «беспорядок» и «хаос» является понятием, противоположным *маат*. Если *маат* (*m3ʿt*, букв. «истинное, праведное; правда»; Wb. II. 18–20) является нормой, регулирующей благое начало в мире (т.е. что-то «правильное» – естественное и приносящее пользу), то *исефет* означает отрицание и опровержение тех качеств, которые в совокупности составляют норму (Wb. I. 129). Как следует из 17-й главы «Книги мертвых», верши-

ла *маат* и наказывала творящих *исефет* коллегия богов: «Приветствую вас, владыки *маат*, совет богов позади Осириса, осуществляющий резню против преступников» (TB.XVII. 83: *ind-hr.tn nbw m3ʿt d3d3t h3t Wsir ddy sʿd m izftw*). Помимо этого, Сет в качестве *h33 n grg* («управитель лжи») противопоставляется термину *h33 m3at* («управитель *m3ʿt*»), т. е. тому, кто вершит дела по правде¹, эпитету с тем же значением *nb m3ʿt* (LGG V. 508 f.).

Само наделение Сета эпитетом *nb izft*, нигде более не подтвержденное, является оппозицией эпитету *nb m3ʿt*, который может присваиваться таким богам, как Осирис, Ра, Ра-Атум, Птах, Амон-Ра (LGG III.639 ff). Кроме того, под эпитетом *nb m3ʿt* с древнейших времен подразумевался сакральный царь, выполнявший ритуал [9, Col.1111], и в этом контексте Сет в качестве *nb izft* будет выступать как субъект, этот ритуал извращающий [3, с. 32], что представляется вполне логичным в связи с мотивом бесчинств Сета, собранных в «Книге победы над Сетом»². В «Рестаурационной стеле», закрепившей возврат к доамарнским религиозным представлениям, царь является тем,

¹ Может быть близким по значению эпитету *nb m3ʿt* – «владыка *маат*» (LGG V. 508 f.), однако последний эпитет, несомненно, имеет более сильное значение, поскольку обозначает того, кто фактически претворяет *маат* в жизнь, т. е. сакрального царя или верховное божество.

² Структурообразующим для «Книги победы над Сетом» является сюжет о злодеяниях, которые Сет совершил при своем вторжении в Египет после первого изгнания, и связанное с этим его вторичное изгнание. Этот сюжет отсутствует в текстах других магических практик и может иметь важное политическое значение, связанное с теми действиями, которые совершали в Египте чужестранцы (и в первую очередь со стремлением в условиях IV в. до н. э. предотвратить новое персидское вторжение).

кто возрождает истинный и законный порядок вещей: «Устранил он *исефет* по обеим землям, и утвердилась *маат* в [месте этом]. Дал он, чтобы ложь (стала) отвращением (для) земли как в первый раз»¹ (*dr.n.f izft ht t3wy m3t mnty m [st.s] di.f wn grg m bwt t3 mi sp.f tpy*) [10, S. 2026].

Атрибуты *исефет* возникают в мире практически почти одновременно с установлением *маат*. В то же время к середине I тыс. до н.э. принцип *исефет* переосмысливается в связи с мировоззренческим кризисом, который произошел в Египте в это время. Для того, чтобы проанализировать её, необходимо сделать краткие пояснения относительно воплощения *маат* в мире.

Ответственность за поддержание в мире идеального соотношения *маат* и *исефет* возлагается на сакрального правителя – «царя Верхнего и Нижнего Египта», не только обладающего подобно богам способностью к максимально адекватному проникновению в *маат*, но и отвечающего за ее функционирование [14, S. 129]. Однако в том случае, когда царская власть ослабевала или начинался династический кризис, *маат* истощалась, а её восстановление в полном объеме становилось возможным тогда, когда к власти приходил царь-ритуалист, способный с помощью ритуалов восстановить *маат* и далее оптимально сохранять ее. В качестве подтверждения нарушения *маат* следует вспомнить о нескольких периодах смутных времен египетской истории, из которых хронологически первым и, пожалуй, наиболее значительным, исходя из того впечатления, которое сохранилось в

египетской исторической традиции, было смутное время I Переходного периода, наступление которого стало неотвратимым после отступления царей от *маат* в период Древнего царства [4, с. 12]. Катастрофы I Переходного периода ярко отразились в художественных текстах первой половины II тыс. до н. э., прежде всего таких, как «Пророчество Неферти» (pErm. 1116B)[8] и «Речение Ипувера» (pLeiden I. 344 *recto*) [7], которые связаны между собой темой описания бедствий, поразивших египетское общество. В ситуации наступления в I Переходный период полосу бедствий перед египтянами не могла не встать проблема объяснения истоков творимого в мире зла в противопоставлении с образом благого, правящего миром верховного солнечного бога. В «Речении Ипувера» вполне определенно рассматривается отказ от норм *маат* как сакральным царем, так и несовершенными людьми, а также крушение в связи с этим возможности привычного порядка установленного взаимодействия с верховным божеством. Вновь эта проблема возникла в Поздний период, когда дестабилизация внутренней жизни Египта сопровождалась внешнеполитической опасностью и нависшей угрозой утраты страной независимости. Так, три из четырех попыток персов отвоевания Египта в IV в. до н. э., пришлось на период правления XXX династии [13, р. 358–359]. Переосмысление причин этих событий, по-видимому, стали одной из важнейших задач общественно-религиозной мысли этого периода. По-видимому, непосредственно в эпоху оформления «Книги победы над Сетом», при правителях XXX династии, отнести проблемы страны за

¹ Т.е. при ее первоначальном состоянии.

счет каких бы то ни было промахов царей в ритуальной сфере или дефицита недостаточной их сакральности было неприемлемо и означало подорвать статус самих царей, которые, напротив, предпринимали определенные шаги, чтобы показать, что сакральность прочно и имманентно им присуща [1, с. 23]. Оппозиция *маат* и *исефет* в «Книге победы над Сетом» стала больше выражена и, во всяком случае, более персонифицирована, чем в религиозных текстах III–II тыс. до н. э. Сет по своим качествам и приписанным ему деяниям, а также по обозначенному в рамках его эпитетов статусу оказывается не просто антагонистом *маат* – он «владыка *исефет*», что влечет за собой возложение на него полной ответственности за все зло в мироздании. Такая трактовка теодицеи египетским жречеством в рассматриваемый период не только должна была быть наиболее приемлемой с их точки зрения, но и была обусловлена всеми предшествующими этапами развития египетской религии, которая к середине I тыс. до н. э. подошла к дуализму в осмыслении мира с резким противопоставлением светлого и темного начал в нем. Образ Сета в том виде, как он представлен на позднем этапе развития египетской религии, довольно точно описан Плутархом в его трактате «Об Исиде и Осирисе». Он сравнивает качества Осириса и Сета, отмечая, что в противоположность благому принципу, воплощающемуся в Осирисе, Сет действует как сила разрушительная в природе (DIO.45.369A; 59.375B) и в духовной сфере (DIO.27.361D). В своей интерпретации Сета-Тифона Плутарх соединяет духовные и материальные черты его природы, которые

вполне согласуются с обликом Сета, представленным в рассмотренных ритуалах: «Тифон же в пределах души – все бурное, титаническое, неразумное и непостоянное, а в материальной части – смертное, вредоносное, возбуждающее и связанное с неупорядоченными сроками, нарушением пропорций» (DIO.49.371B-C). П. Клемм предложил очень интересную интерпретацию причины демонизации Сета: по его мнению, наделение Сета качествами антибога стало возможным в результате изменений, произошедших в египетском религиозном сознании в эпоху Амарны, когда в наиболее широкой форме развернулась эксплицитная теология и развился теологический дискурс [12, р. 301–309].

Поиски истоков зла в мире в Поздний период воплощаются в некоем едином и, по законам архаического сознания, персонифицируемом начале, и связаны с переживаемыми государством политическими катастрофами, вызванными упадком царской власти. Однако причины трансформации направления в теологической мысли нельзя сводить только к упадку царской власти: независимо от своего политического могущества, какие бы патерналистские цели царская власть не ставила перед собой, она была бессила радикально изменить ситуацию в обществе Египта I тыс. до н. э., ставшего в гораздо большей степени, чем раньше, ареной конкурентной борьбы всевозможных частных и корпоративных интересов и, в целом, создавшего достаточно пессимистическое (особенно в сравнении с предыдущими эпохами) мировоззрение [2, с. 163–164, прим. 68]. Данный пессимизм проявляется, в частности, в уве-

ренности в том, что люди подвержены всевозможным соблазнам и мирятся со злом, когда оно приносит им выгоду; однако свести истоки зла в мире исключительно к несовершенству человеческого общества при общем для архаики позитивном отношении к земному миру и его ценностям было бы едва ли возможно. Не случайно в «Речении Ипувера», которое, как уже говорилось, возводило истоки зла в мире как к несовершенству людей, так и к персональной ответственности царя, первый мотив присутствует скорее на уровне абстрактного представления, в то время как второй предлагает конкретное объяснение текущего бедственного положения страны. В ситуации I тыс. до н. э. именно Сет объявлялся источником зла для всего существующего, что стало логичным итогом развития его образа в контексте мифа об Осирисе, поскольку, убив Осириса, Сет привнес в мир преступление и зло. Если ранее, в религиозной традиции до Позднего периода, любой кризис завершался торжеством принципа *маат*, то теперь Сет выступает как антагонист *маат*, который не подвластен единому для всех богов закону мироздания и способен его поколебать. По этой причине определяющим вектором развития религии Позднего периода стала боязнь несоблюдения ритуалов и предписаний, которые были необходимы для функционирования *маат*. Не случайно, что в Поздний период приобретают актуальность представления о возможной эсхатологической катастрофе в том случае, если ритуалы и предписания не будут исполняться в необходимом объеме. Теперь этот образ мыслей в гораздо более значительной степени,

чем раньше, связан с представлением о том, что весь мир за пределами Египта враждебен и опасен по причине того, что там нет *маат*. По этой причине Сет воплощает в себе не только всю чужеземную и враждебную силу, но и хаос пограничья между Египтом и областями инобытия, каковым представляются чужеземные страны. Иными словами, он начинает представлять опасность в двойном аспекте – не только как враг порядка в египетском обществе, но и как враждебное существо инобытийного мира, способное поколебать основы мироздания. Ранее такие функции страшного космического врага, как известно, приписывались только змею Апопу, нападающему на солнечную барку.

Подводя итог, можно заключить, что представление о Сете как об абсолютно злом начале мироздания, которое является в «Книге победы над Сетом» основным, породило фундаментальное несоответствие поведения Сета нормам *маат*. При этом некоторые отрицательные качества Сета получают свое развитие еще в Древнем царстве, в то время как другие он приобретает только на стадии демонизации в I тыс. до н. э. Весь образ действий Сета является отклонением от норм, и в итоге он становится той собирательной фигурой, в которой сосредоточились все принципы, противоположные закону *маат*. И в этой связи наделение Сета эпитетом *nb izft* – «владыка *исефет*» в «Книге ..» очень показательным, поскольку наиболее полно обозначает именно такое обобщенное восприятие его образа, ставшее особенно актуальным к Позднему периоду.

Статья поступила в редакцию 04.04.2018

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- CAH2** – Cambridge Ancient History. 2-nd ed. Cambridge
DIO – Griffiths J. Gw. Plutarch's De Iside et Osiride. Ed. with engl. transl. and comm. Cardiff, 1970
ЛД – Lexikon der Ägyptologie // W. Helck, E. Otto, W. Westendorf (Hrsg.). Bd.I–VI. Wiesbaden, 1975–1986
LGG – Leitz Chr. Lexikon der ägyptischer Götter und Götterbezeichnungen (OLA 115).Bd. III, V. Leuven – Paris – Dudley, 2002
Pyr. – Sethe K. Die altägyptische Pyramidentexte: 4bd. Leipzig, 1904–1922
Urk.VI – Schott S. Urkunden mythologischen Inhalts VI. Bucher und Sprüche gegen den Gott Seth. Leipzig – Berlin, 1929
Wb – Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. I–II. Leipzig, 1926–1931

ЛИТЕРАТУРА

1. Ладынин И.А. «Соколы-Нектанебы»: скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция // Вестник древней истории. 2009. № 4. С. 3–26.
2. Ладынин И.А. «Царь на пути бога: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV–III вв. до н. э. // Петербургские египтологические чтения 2009–2010 г. (Труды Государственного Эрмитажа LV) / Под ред. А.О. Большакова. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2011. С. 139–169.
3. Ладынин И.А. Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Навкрата и топосы древнеегипетской пропаганды // Вестник древней истории. 2013. № 2. С. 18–40.
4. Ладынин И.А. Циклы египетской истории и три тома труда Манефона Севеннитского (I) // Вестник древней истории. 2015. № 4. С. 8–21.
5. Assman J. Maat-Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Alten Ägypten. München: C.H. Beck, 1990. 319 S.
6. Boeser P. A. A. Beschrijving van de Egyptische Verzameling in het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden IV. Gravenhage, 1911. 2 p. l., 3–16 p. X pl. (3 col.; 1 fold.)
7. Gardiner A. H. The Admonitions of an Egyptian Sage from an Hieratic Papyrus in Leiden. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1909. vi, 116 p.
8. Helck W. Die Prophezeiung des Nfr.ti. Wiesbaden, 1970. S.
9. Helck W. Maat // LÄ. 1980. Bd. III. Col. 1110–1119.
10. Helck W. Urkunden der 18. Dynastie. Text des Heftes 22. Berlin, 1984.
11. Junge F. Die Lehre Ptahhoteps und die Tugenden der ägyptischen Welt. Freiburg – Göttingen, 2003. 286 S.
12. Klemm P. Die Verfemung des Seth als Folge der Reform Echnatons // Studium Generale. 1955. Bd. 8. S. 301–309.
13. Lloyd A. B. Egypt, 404–332 B.C. // CAH2. 1994. Vol. VI. P. 337–345.
14. Morenz S. Religion und Geschichte des Alten Ägypten. Köln–Wien, 1975. 652 p.
15. Schott S. Urkunden mythologischen Inhalts VI. Bucher und Sprüche gegen den Gott Seth. Leipzig–Berlin: Hinrichs, 1929. 59 S.

REFERENCES

1. Ladynin I.A. ["The falcons-Nectanebus": sculptures of Nectanebo II in front of the God Chorus and their concept] In: *Vestnik drevnei istorii*, 2009, no. 4, pp. 3–26.
2. Ladynin I.A. «Tsar' na puti boga: O printsipakh otsenki deyatel'nosti tsarya v egipetskoi ideologii IV–III vv. do n. e. ["The king on the path of God: principles of assessment activities of the king in Egyptian ideology of the IV–III centuries BC.]. In: *Peterburgskie egiptologicheskie*

- chteniya 2009–2010 g.* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha LV). Pod red. A. O. Bol'shakova [St. Petersburg egyptologic readings of 2009-2010 (transactions of the State Hermitage LV), ed. by A.O. Bolshakov]. SPb., Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2011, pp.139–169.
3. Ladynin I.A. [Information from Pseudo-Aristotle's "Economy" on Cleomenes of Naucratis and the topos of the ancient Egyptian propaganda]. In: *Vestnik drevnei istorii*, 2013, no. 2, pp. 18–40.
 4. Ladynin I.A. [The cycles of Egyptian history and the three labor Tomos of Manetho Sevedged (I)]. In: *Vestnik drevnei istorii*, 2015, no. 4, pp. 8–21.
 5. Assman J. Maat-Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Alten Ägypten. München, C.H. Beck, 1990. 319 S.
 6. Boeser P.A.A. Beschrijving van de Egyptische Verzameling in het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden IV. Gravenhage, 1911.2 p. l., 3–16 p. X pl. (3 col.; 1 fold.)
 7. Gardiner A.H. The Admonitions of an Egyptian Sage from an Hieratic Papyrus in Leiden. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1909. vi, 116 p.
 8. Helck W. Die Prophezeiung des Nfr.ti. Wiesbaden, 1970. S.
 9. Helck W. Maat. LÄ. 1980. Bd. III. Col. 1110–1119.
 10. Helck W. Urkunden der 18. Dynastie. Text des Heftes 22. Berlin, 1984.
 11. Junge F. Die Lehre Ptahhoteps und die Tugenden der ägyptischen Welt. Freiburg – Göttingen, 2003. 286 S.
 12. Klemm P. Die Verfemung des Seth als Folge der Reform Echnatons. Studium Generale. 1955. Bd.8. S. 301–309.
 13. Lloyd A.B. Egypt, 404–332 B.C. C.A.H. 1994. Vol. VI, p. 337–345.
 14. Morenz S. Religion und Geschichte des Alten Ägypten. Köln–Wien, 1975. 652 p.
 15. Schott S. Urkunden mythologischen Inhalts VI. Bucher und Sprüche gegen den Gott Seth. Leipzig–Berlin: Hinrichs, 1929. 59 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карлова Ксения Федоровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, истории Древнего мира и средних веков историко-филологического Института Московского государственного областного университета;
e-mail: kseniadom87@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia F. Karlova – PhD in history, senior lecturer at the Department of Archaeology, Ancient and Medieval History, Historical-Philological Institute, Moscow Region State University;
e-mail: kseniadom87@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карлова К.Ф. Сет – «Владыка Исефет»: к вопросу об интерпретации эпитета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 40–47.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-40-47

FOR CITATION

Karlova K. Seth – «The Lord of Isefet»: on the Interpretation of the Epithet. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 40–47.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-40-47

УДК 94(410.1+540.33)1599/1874" + 334.726(410)16/18"

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-48-58

ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В ХОДЕ И НА ОПЫТЕ КОЛОНИЗАЦИИ БЕНГАЛИИ

Сапунцов А.Л.

Институт Африки Российской академии наук

123001, г. Москва, ул. Спиридоновка д. 30/1, Российская Федерация

Аннотация. В статье затрагивается проблематика «приватизации» англичанами функций государства при колониальной экспансии в отдаленные регионы (военное дело, налогообложение, регулирование общественных отношений). Основное содержание исследования составляет анализ деятельности Английской Ост-Индской компании (ОИК) в Бенгалии, когда в условиях враждебной внешней среды частнопредпринимательский капитал опирался на собственные силовые структуры. По мере наделения бизнеса функциями государства нарушилась способность к оценке доходности в будущем, что трансформировало торговцев в алчный институт жестокого ограбления поработощенных народов и агрессивных территориальных захватов. По итогам работы автором сделан вывод о разрушительном характере масштабного вторжения частных интересов в сферу влияния государства, приведшем к конфликту интересов ОИК и прочих субъектов как в Индии, так и в Великобритании, что завершилось восстаниями, национализацией собственности компании и её ликвидацией.

Ключевые слова: Английская Ост-Индская компания (ОИК), Бенгалия, колониальная экспансия, транснациональная корпорация (ТНК), многонациональное предприятие (МНП), частная армия, налогообложение, заморская торговля.

FUNCTIONS OF THE STATE IN THE ACTIVITIES OF THE ENGLISH EAST INDIA COMPANY DURING THE COLONIZATION OF BENGAL

A. Sapuntsov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

30/1, Spiridonovka Street, Moscow, 123001, Russian Federation

Abstract. The article covers the English approach to "privatizing" functions of the state during the colonial expansion to the remote regions (armed forces maintenance, imposition and collection of taxes, social regulation). The Bengali ventures of the East India Company (EIC) are analyzed in the main part of the research. Due to the hostile environment, the private capital was forced to rely on its own security structures. While the business was acquiring excessive governmental authority, the ability to assess future profitability was disrupted. The merchants had transformed themselves into a violent institute for avaricious plundering of the enslaved people and aggressive territorial acquisitions. The author comes to the conclusion that the large-scale

intervention of private interests into the sphere of state affairs was detrimental. Consequently, the EIC had developed the conflict of interests in both India and Great Britain which resulted in uprisings, nationalization of EIC's property, and corporate dissolution.

Key words: English East India Company (EIC), Bengal, colonial expansion, transnational corporation (TNC), multinational enterprise (MNE), private army, taxation, overseas trade.

Задолго до XVI в. ткани (такие, как индийский набивной коленкор и муслин), специи (перец, чатни и другие), драгоценные металлы и камни, а также прочие диковинные товары поставлялись в Европу из Ост-Индии. Продолжительные заморские экспедиции (путь туда и обратно занимал несколько лет) были сопряжены с риском захвата людей, груза или кораблекрушения. Значимым препятствием в расширении торговли выступало применение возобновляемого капитала, который собирался под отдельный проект и возвращался учредителям после его успешной реализации, а в противном случае – терялся. Эпоха Великих географических открытий и внедрение новаций в хозяйственную практику европейских стран обусловили стремление англичан к проведению вертикальной интеграции торговых операций с Востоком посредством применения акционерных обществ и установления прямого контроля не только над мореплаванием, но и над заготовкой товара в собственных факториях за рубежом.

В прошлом хозяйственные структуры функционировали в форме семейного товарищества, что ограничивало ввод новых мощностей или приобретение действующих предприятий объёмом реинвестируемой прибыли. Петиция о создании торгового общества нового типа была подана 24 сентября 1599 г. королеве Елизавете I. Документ подготовили 80 купцов и

дельцов, находившихся под впечатлением коммерческого успеха голландцев в условиях «подорожания перца с трех до восьми шиллингов за фунт» и заинтересованных во внешнеэкономической экспансии бизнеса на Востоке [11, р. 70]. Прошение было удовлетворено, и 31 декабря 1600 г. была подписана королевская хартия об учреждении Английской Ост-Индской компании (ОИК) [15]. К февралю 1601 г. 218 инвесторов агрегировали капитал в объеме 68,373 тыс. ф. ст. (огромную по тем временам сумму – квалифицированный плотник зарабатывал порядка семи пенсов в день) и снарядили флотилию из четырех небольших судов, которая «отплыла на поиски английской ниши в этом прибыльном бизнесе» [13, р. 43]. Так было положено начало золотому веку доходной, кровопролитной и нестабильной экспансии ОИК, продолжавшемуся с 1680 по 1760 гг. [12, р. 17].

Помимо задачи по получению дохода от торговых операций и ввоза ценных товаров в Великобританию, которые должны были быть «куплены, выменаны, заготовлены, обменяны или получены другими способами», хартия наделяла ОИК очевидной функцией органов государственного регулирования: «достижение прогресса во внешнеторговых связях» [15]. Для её реализации компания получила сроком на 15 лет право монополии во внешней торговле Великобритании со странами к востоку от мыса Доброй

Надежды, а также широкие полномочия по принятию законодательных актов, регламентирующих деятельность зарубежных факторий, и применению мер наказания (отправление правосудия). Вышеуказанные права позволили ОИК сформировать собственные вооруженные силы и использовать их в боевых действиях для защиты своей заморской собственности. Но все же ОИК не определялась как прямое «продолжение государства»: в указанной хартии не упоминались права по захвату и оккупации заморских территорий [6].

Вышеприведенные правительственные решения следует рассматривать в контексте проблематики территориальной экспансии государственных образований, которая в силу многогранности движущих сил и условий протекания не поддается обобщению в рамках единой теории. Применение междисциплинарных исследований, в особенности клиометрии, позволяет получить определённые результаты, однако сужение действий экспансионистов до решения задачи по максимизации прибыли компании (с учетом сохранения её положения на рынке) приводит к формированию упрощённых, а зачастую и искажённых представлений о становлении империй Древнего мира и, тем более, распаде государств новейшего времени.

В связи с этим анализ мотивов организаторов ОИК к проведению экспансионистской политики необходимо проводить с учётом формы распространения влияния на зависимую территорию. Обычаи населяющего её этноса, оформленные в некоторые структуры социальной организации,

определяют институциональную среду и властные органы, результативность функционирования которых уступает аналогичным структурам метрополии. В крайней форме колонизация основывается на политике «выжженной земли»: местное население истребляется и территория осваивается переселенцами. Имеются отдельные примеры реализации такого подхода, проводимые на ограниченной территории, причем даже при сильной дезорганизации туземцев колония «переселенческого типа» в итоге обретает независимость.

Более рациональным представляется проведение колонизации, в ходе которой будут использоваться не только земельные и иные природные ресурсы новой территории, но также включаться в хозяйственный оборот местное население и образованные им предпринимательские структуры, тем самым повышая результативность экспансии. Колониальные державы располагали финансовыми, технологическими и военными ресурсами, тогда как зависимые территории – природными, людскими и тезаврационными. Возможность использования указанных ресурсов в комбинации во многом определяла внешнюю стратегию развитых стран по отношению к периферии мира, причем анализ «мягкой» экспансии, проводимой в более позднее время с элементами неокolonизма, показывает: «налицо желание „старых центров силы“ при помощи институциональных рычагов использовать мировую ресурсную базу в своих интересах» [5, с. 28].

Некоторые важнейшие события в истории мира произошли под воздействием частнопредпринимательского капитала, в особенности организован-

ного в форме транснациональной корпорации (ТНК). Например, компании снабжали военной техникой противоборствующие стороны вооружённых конфликтов в XX в., участвовали в разжигании войн, а после их завершения – требовали выплаты компенсации за разрушенные производства. Ряд переворотов в развивающемся мире произошёл при непосредственном участии ТНК, которые более позитивно оценивали деловой климат при новом правительстве. В современных условиях подобное влияние сохраняется и становится более разноплановым. «Последователи» ТНК – многонациональные предприятия (МНП), привлекающие капитал в принимающих странах и наделённые способностью к координации предпринимательской деятельности через зарубежные производственно-сбытовые филиалы, не только занимают центральное место в мировой экономике, но и обладают способностью влиять на политическую, военную, культурную, научно-образовательную и иные сферы общественной жизни стран-реципиентов капитала.

Формирование стратегии колонизации, равно как и в широком смысле любого государственного управления, основывается на установлении тонкого баланса между отправлением властных функций правительственных органов и предоставлением свободы деятельности (в особенности экономической) частным субъектам. За время существования человечества указанный баланс постоянно смещался: от анархических форм существования кочевых народностей и раздробленных феодальных образований до встречавшегося в XX в. тотального огосударствления общества с монотеистической

идеологией и запрещённой частной собственностью на средства производства. Декларируемая в современных условиях прерогатива государства на деятельность в имманентных для него сферах глубоко пронизана выполнением работ частными предприятиями по заказу и от лица правительственных учреждений (военное дело, обеспечение правопорядка, денежное обращение, налогообложение, государственные закупки товаров и услуг, выборы). К этой деятельности все активнее привлекаются МНП.

Перевод государственных функций на аутсорсинг частным фирмам делает страны более уязвимыми к мировым кризисам – они получают новые каналы распространения через дестабилизацию деятельности МНП и прочих коммерческих предприятий. В сравнении с кризисами перепроизводства первой половины XX в., финансовые шоки в 2008 г. оказали куда более негативное влияние, которое слабо ощущалось лишь в отдалённых уголках планеты. Эксперты оценивали, что «основная масса населения Африки, живущая в деревне, не чувствует изменения своего положения, поскольку она просто никак не связана с мировым рынком, а живёт практически в условиях полунатурального хозяйства» [1, с. 93]. Тем не менее остальные страны активнее вовлекаются в глобальное пространство через трудоустройство граждан за рубежом, когда «денежные переводы мигрантов на родину часто становятся не только важнейшим дополнительным (а порой и основным) источником регулярных доходов для их семей, но и каналом валютных поступлений для государства в целом» [2, с. 90].

Вышеприведенные закономерности, обусловленные стремлением повысить результативность государственного управления и оптимизировать издержки за счет привлечения частных субъектов, в действительности не являлись принципиально новым явлением для XVII в.: еще в Древнем Египте задействовались греческие наемники; частные подрядчики поставляли вооружение на армейские склады Римской империи [4, с. 29], банк Англии изначально был учрежден в 1694 г. как частное общество по оказанию финансовых услуг в интересах правительства и т.д. С методологической точки зрения вопрос о целесообразности «приватизации» государственных функций и о последствиях чрезмерного допущения к ним частных предпринимателей основывается на рассмотрении последними непосредственных и отдаленных результатов своей деятельности, причём в таком планировании центральное место занимает оценка условий неопределенности и риска.

Модели колонизации Азии, принятые европейцами в XVI в., достаточно сильно варьировали: португальцы использовали исключительно государственные институты экспансии, голландцы – смешанные формы государственно-частного партнерства, а англичане поставили во главу угла частный предпринимательский капитал [13, р. 23]. В Англии и ранее учреждались независимые корпорации по общественному обслуживанию, занятые в муниципалитетах и университетах. Первым акционерным обществом коммерческой направленности по типу ТНК стала английская компания Московии, получившая в 1555 г. коро-

левскую хартию. Компания планировала организовать торговлю с Китаем по северо-восточному пути, а позже – с Персией, однако такая деятельность не принесла особого успеха.

Учреждение ОИК следует трактовать как видный шаг британской короны к повышению результативности заморских кампаний за счет предпринимательской инициативы, мобилизуемой при акционировании колонизаторских структур и объединении свободных от родственных связей купцов в торговле товарами под общим «зонтиком». Для функционирования ОИК был необходим финансовый рынок, на котором акции могли свободно продаваться и покупаться, а также формы организации торговли этими ценными бумагами, включая спекуляции [7, р. 185]. В новых условиях снималась зависимость от терминабельного характера формирования капитала компании и существенно расширялись возможности по его мобилизации в большем объёме на открытом рынке. Этому способствовала ограниченная ответственность инвесторов, которые с передачей управленческих функций совету директоров далее не принимали непосредственного участия в принятии коммерческих решений. Значимой чертой этой новации стала зависимость цены на акции от результатов хозяйственной деятельности компании.

Географическая отдаленность колонизируемых территорий и очевидная невозможность формирования там благоприятной деловой среды вынудила руководство ОИК усилить военную составляющую своего бизнеса. Учреждение за рубежом необходимых административных органов, форми-

рование сухопутных и морских вооружённых частей, сооружение цитаделей, опорных пунктов, складов, хранилищ верфей и прочих объектов было достаточно затратным делом, которое требовало внедрения развитых механизмов долгосрочного управления, присущих ТНК и МНП. «Очевидно, что отдельная группа случайных лиц не смогла и не захотела бы принимать участие в таком всестороннем, рискованном и сложном мероприятии без предоставленных гарантий безопасности и доходности» [10, р. 24]. Сохранение монопольного положения на рынке обуславливало необходимость применения военной силы для продолжения коммерческой деятельности.

Англичане пришли в Бенгалию позже португальцев и голландцев. В августе 1608 г. экспедиция ОИК, включавшая в себя корабль «Гектор» под командованием Уильяма Хокинса, высадилась близ Сурата и в следующем году добралась до Агры, где провела неудачные переговоры с падишахом Империи Великих Моголов Джахангиром об открытии фактории. Спустя несколько лет посланник Великобритании сэр Томас Роу, выражая пацифистские взгляды как преимущество перед европейскими колонизаторами – конкурентами, получил для ОИК разрешение падишаха на открытие торговой базы. Фактория в Сурате быстро развивалась, в 1625 г. через неё экспортировалось порядка 220 тыс. ед. ткани [13, р. 44]. Совокупный торговый оборот ОИК достиг циклопических масштабов, когда в 1658–1688 гг. между Лондоном и Ост-Индией были осуществлены 404 экспедиции [8, р. 91] и в 1648 г. оттуда было экспортировано 1,76 млн ед. ткани.

Существенно улучшилось и финансовое положение ОИК. В 1664 г. цена на акции колебалась от 60 до 70 ф. ст., а в 1677 г. подскочила до 245 ф. ст. и достигла 300 ф. ст. в 1680 г. Дивиденды по ставке 50% годовых были выплачены в 1680 г. (против 20% в предыдущей декаде), а также в 1682, 1689 и 1691 гг.; к 1682 г. акционерный капитал ОИК увеличился до 740 тыс. ф. ст. [13, р. 47]. Предпринимательская деятельность была взаимовыгодной – экономическое положение Индии также существенно улучшилось: наблюдались увеличение объемов выпуска продукции, рост занятости населения и повышение его доходов. Экспортные поставки товаров выгодно оплачивались на условиях, сформированных рыночным механизмом. Например, в 1681–1685 гг. ОИК поставила в Индию 250 т серебра и 7 т золота [9, р. 150].

Военная компонента ОИК в Бенгалии формировалась медленно, и только в 1696 г. близ Калькутты, ставшей новой торговой базой в 1690 г., была сооружена парапетная стенка с бойницами, позже перестроенная в Форт Уильям – оплот британского владычества в Индии. К середине XVIII в. население Калькутты увеличилось до 120 тыс. чел., из которых лишь 250 человек были служащими ОИК [13, р. 11]. Бизнес в Бенгалии быстро развивался, и к 1720 г. на него приходилась половина импорта ОИК из Азии, причем поставки осуществлялись преимущественно через Калькутту.

Однако к 1750 г. назрели противоречия между англичанами и местными структурами в Индии, экспорт вошел в фазу стагнации. Это привело к снижению котировок акций ОИК на лондонском фондовом рынке до 197 ф. ст.

в декабре 1752 г. и 133 ф. ст. в январе 1757 г.; дивидендный доход упал с 8,6% в 1752 г. до 5,8% в 1756 г. [13, р. 65–66]. Строительство фортификационных сооружений компании, в особенности укрепление Форта Уильяма, также вызывало недовольство у наваба, который самостоятельно гарантировал свободу торговли, защиту прав собственности и поддержку. Учитывая кризисные экономические явления, руководство ОИК более не хотело вести дела исключительно в качестве предпринимателей, а стремилось к расширению функций ТНК посредством получения суверенной власти и установления собственных «правил игры».

Указанное противостояние переросло в боевые действия, когда 19 июня 1756 г. войска бенгальского наваба Сираджа уд-Даулы захватили Форт Ульям. В ночь на следующий день порядка 150 плененных англичан были посажены в плоховентилируемый каземат площадью примерно 4,2x5,5 м, где температура воздуха достигла 38 °C [14]. Несмотря на вскрывшиеся противоречия в оценках численности заключенных и погибших, информация о «черной яме» активно распространялась ОИК в качестве эталона варварства наваба и использовалась в целях аргументации усиления военной машины, а также силового покорения Бенгалии. Англичане не заставили себя долго ждать, и возмездие наступило уже в следующем году.

Центральным событием Карнатикских войн признается битва при Плесси от 23 июня 1757 г., в результате которой войска ОИК под командованием Роберта Клайва (численностью в три тысячи человек, включая две

тысячи сипаев) нанесли сокрушительное поражение 50-тысячным частям Сираджа уд-Даулы – бенгальского наваба [13, р. 72]. Несмотря на очевидный дисбаланс в силе, победа была достигнута благодаря огневой мощи, лучшей подготовке, а также предательству в рядах бенгальцев, которые так и не смогли использовать поддержку французских колонистов. Указанная битва, с явными чертами хозяйственной сделки, стала важным элементом милитаристской (а не торговой, как ранее) экспансии Британии в Индию.

Марионеточным правителем Бенгалии был назначен Мир Джафар – один из военачальников наваба, закулисно способствовавший победе англичан. В результате этого ОИК приобрела в Бенгалии важнейшие функции государства: установление и взимание налогов, а также распоряжение средствами государственной казны. Это не было кардинальной новацией, так как частные компании и ранее участвовали в реализации технической части указанных полномочий по аутсорсингу, готовили методологические обоснования по устанавливаемым видам налогов и ставкам, а также по объектам для вложения государственных активов. Однако в данном случае принципы межвременного сопоставления результатов финансовых операций были нарушены, на что, вероятно, повлияли негативные оценки будущего.

Историкам известны многочисленные факты жёсткого ограбления колоний, когда захватчики вывозили оттуда запас драгоценного металла и прочих резервных активов, местное население частично обращалось в рабов для выполнения трудовых обязанностей за рубежом, изымался стратегический

запас продовольствия, чрезмерно эксплуатировались месторождения полезных ископаемых. В таких случаях задача по максимизации объема богатства, которое можно было получить из колонии, решается на ограниченном временном горизонте планирования: со временем возникают голод и массовая гибель туземцев, вспыхивают восстания, нарушается заведенный порядок аграрного и ремесленного производства, – в конечном счёте, население метрополии формирует негативное мнение о заморских кампаниях и правитель оказывается в затруднительном положении.

Запас золота и серебра, хранившийся в казначействе Бенгалии, был погружен на примерно сто лодок и переплавлен вниз по течению Ганга в калькуттскую базу ОИК. Указанная операция принесла компании доход в размере 2,5 млн ф. ст. и лично Р. Клайву – 234 тыс. ф. ст. [13, р. 3]. В августе 1765 г. обедневший император моголов шах Алам II признал владычество ОИК и передал ей право дивани в Бенгалии – устанавливать и взимать налоги. Компания воспользовалась этим правом достаточно неумело, введя конфискационное налогообложение, к индийцам-плательщикам применялись пытки и проводились обыски. В условиях засухи бремя налогов только усилилось, причем англичане осуществляли спекуляции с посевным материалом, – это привело в 1769 г. к голоду, жертвами которого стали порядка 10 млн человек – $\frac{1}{3}$ населения Бенгалии [13, р. 92]. Была монополизирована торговля на внутреннем рынке колонии, что позволило резко снизить закупочные цены, а также организовать принудительный труд ткачей в фак-

ториях. К 1803 г. численность частной армии ОИК достигла 260 тыс. бойцов, что позволило взять Дели и ряд крупных городов, а 1840 г. практически полностью захватить Индию. Помимо прямого правления, ОИК практиковала феодальные методы, когда часть полномочий княжества передавалась компании и вводилась обязанность осуществлять выплаты на её содержание.

Нельзя утверждать, что такие ситуации относятся исключительно к прошлому и современное мироустройство, с его видимым либерализмом и равноправием, идёт по пути искоренения неравенства – закабаление и порабощение территорий приняло завуалированные формы, в том числе реализуемые с использованием МНП. «При этом мы являемся свидетелями интереснейшего экономического парадокса, существование которого всё ещё ждёт своего объяснения. С одной стороны, растёт роль развивающихся стран в мировой экономике, укрепляются их позиции в ней, а с другой – разрыв между развитыми странами, большинство из которых вступили в постиндустриальную стадию развития, и мировой периферией, большая часть которой только вступает в индустриальную стадию, всё ещё продолжает расти» [3, с. 75].

Резкие колебания доходов ОИК и цен на экспортные товары приводили, подобно эффекту «мыльного пузыря», к скачкообразным изменениям котировок её акций. Например, за 1757–1769 гг. акции ОИК удвоились в цене и стали стоить 276 ф. ст. [13, р. 25]. Более того, в Лондоне негативно освещалась жестокость действий ОИК по отношению к туземному населению.

Сотрудники компании обвинялись в коррупции (по этой причине Р. Клайв совершил в 1774 г. самоубийство), подкупе парламентариев и недоплате налогов английской короне. Резко увеличивавшиеся расходы на военные нужды стали тяжёлым бременем в структуре ОИК, которая прежде всего была коммерческой торговой организацией, а неблагоприятная институциональная среда обуславливала необходимость устранения её недостатков собственными силами [13, р. 22]. В нещадной погоне за прибылью в краткосрочном периоде времени руководство ОИК оказалось неспособным к выполнению в Индии функций государства, что на долгие годы ввергло угнетенные народы в бедность и изменило уклад их жизни.

В мае 1857 г. началось восстание сипаев против жестокой колонизаторской политики ОИК, в котором участвовали её собственные вооружённые формирования. Оно было кроваво подавлено и закончилось публичными казнями десятков тысяч подозреваемых повстанцев, что стало одним из самых кровавых эпизодов в истории британского колониализма. В 1859 г. прибывший в Форт Улиам лорд Чарлз Каннинг объявил о национализации собственности ОИК в Индии и введении прямого правления английской королевы Виктории, а сама ОИК была ликвидирована в 1874 г.

Проведенный анализ показывает, что применение англичанами акционерных форм управления колониальной экспансией обладало рядом существенных преимуществ перед освоением заморских территорий исключительно средствами государства. Важно отметить, что первые англий-

ские ТНК учреждались в качестве частнопредпринимательских обществ, которым в ограниченном объеме были предоставлены функции государства для управления риском в условиях враждебной институциональной среды. На начальных этапах торговый бизнес ОИК активно развивался, однако усиление её военной компоненты обусловило трансформацию предпринимательства в институт территориальных захватов, происходивших в условиях междоусобных противоречий. Эмбриональное состояние фондового рынка Великобритании привело к нарушению финансового планирования ОИК и обострило её стремление к получению краткосрочной прибыли.

В результате ОИК начала конфисковать сокровища свергнутых правителей Бенгалии, практиковать элементы феодальных отношений, а также хищнически устанавливать и взимать налоги. В Англии чиновников компании обвинили в подкупе парламентариев и коррупции. Это привело к крайнему обнищанию населения Индии, массовому голоду, нарушило заведенный порядок ведения хозяйства и в целом оказало деструктивное воздействие на общественные отношения. Проведенный анализ показывает пагубность ситуации, в которой ТНК чрезмерно «приватизируют» функции государства. Несмотря на то, что английская корона извлекла из этого определенные уроки, ТНК и позже осуществляли практически бесконтрольную деятельность, в особенности в конце XIX – начале XX вв., а проблематика регулирования деятельности МНП особенно актуальна в настоящем.

Статья поступила в редакцию 19.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.О. Глобальный экономический кризис и страны Африки // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 90–98.
2. Абрамова И.О. Денежные переводы мигрантов: роль в социально-экономическом развитии Африки // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7. С. 82–90.
3. Абрамова И.О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: формирование новой архитектуры международных отношений // Проблемы современной экономики. 2011. № 1. С. 70–75.
4. Негин А.Е. Вооружение римской армии эпохи принципата: экономические, технологические и организационные аспекты производства и снабжения // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 15–138.
5. Фитуни Л.Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении // Восток. Афро-азиатские сообщества: история и современность. 2013. № 4. С. 18–29.
6. Dalrymple W. The East India Company: The original corporate raiders // *The Guardian*. 2015. Mar. 4.
7. Davis R. The Rise of the Atlantic Economies. London: Cox & Wyman, 1975. 352 p.
8. Furber H. Rival Empires of Trade in the Orient, 1600–1800. London: Oxford University Press, 1976. 408 p.
9. Keay J. The Honourable Company: a History of the English East India Company. London: HarperCollins, 1991. 475 p.
10. Klein P.W. The Origins of Trading Companies // Companies and Trade. Essays on Overseas Trading Companies during the Ancien Régime / Leonard Blussé & Femme S. Gaastra Eds. Leiden: Leiden University Press, 1981. P. 17–28.
11. Milton G. Nathaniel's Nutmeg: How One Man's Courage Changed the Course of History. London: Hodder & Stoughton, 1999. 388 p.
12. Oritz C. Overseas Trade in Early Modernity and the Emergence of Embryonic Private Military Companies // Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects / Thomas Jäger and Gerhard Kümmel Eds. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. P. 11–22.
13. Robbins N. The Corporation that Changed the World. How the East India Company Shaped the Modern Multinational. London; Ann Arbor, MI, 2006. 218 p.
14. Spurling H. Is this the Hole truth? // *The Observer*. 2006. Jun. 25.
15. The Company of Merchants of London trading into the East Indies // British Library [website]. - URL: <http://www.bl.uk/learning/timeline/large102770.html> (accessed: 19.05.2018).

REFERENCES

1. Abramova I.O. [The global economic crisis and African countries]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2009, no. 9, pp. 90–98.
2. Abramova I.O. [Migrants' remittances: their role in socio-economic development of Africa]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2009, no. 7, pp. 82–90.
3. Abramova I.O. [Developing countries in the global economy of the XXI century: the formation of a new architecture of international relations]. In: *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2011, no. 1, pp. 70–75.
4. Negin A.E. [Weapons of the Roman army of the Principate era: economic, technological, and organizational aspects of production and supply]. In: *Stratum plus*, 2014, no. 4, pp. 15–138.

5. Fituni L.L. [Changing patterns of the world development and global governance in the civilizational dimension]. In: *Vostok. Afro-aziatskie soobshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2013, no. 4, pp. 18–29.
6. Dalrymple W. The East India Company: The original corporate raiders. In: *The Guardian*, 2015, Mar. 4.
7. Davis R. The Rise of the Atlantic Economies. London, Cox & Wyman, 1975. XIV, 352 p.
8. Furber H. Rival Empires of Trade in the Orient, 1600–1800. London, Oxford University Press, 1976. 408 p.
9. Keay J. The Honourable Company: a History of the English East India Company. London, HarperCollins, 1991. 475 p.
10. Klein P.W. The Origins of Trading Companies. In: *Companies and Trade. Essays on Overseas Trading Companies during the Ancien Régime*. Leonard Blussé & Femme S. Gaastra Eds. Leiden, Leiden University Press, 1981, p. 17–28.
11. Milton G. Nathaniel's Nutmeg: How One Man's Courage Changed the Course of History. London, Hodder & Stoughton, 1999. 388 p.
12. Oritz C. Overseas Trade in Early Modernity and the Emergence of Embryonic Private Military Companies. In: *Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects*. Thomas Jäger and Gerhard Kümmel Eds. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007, p. 11–22.
13. Robbins N. The Corporation that Changed the World. How the East India Company Shaped the Modern Multinational. London; Ann Arbor, MI, 2006. 218 p.
14. Spurling H. Is this the Hole truth? In: *The Observer*, 2006, Jun. 25.
15. The Company of Merchants of London trading into the East Indies. British Library [website]. Available at: <http://www.bl.uk/learning/timeline/large102770.html> (accessed: 19.05.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапунцов Андрей Леонидович – доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук;
e-mail: andrew@sapuntsov.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Sapuntsov – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences;
e-mail: andrew@sapuntsov.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сапунцов А.Л. Функции государства в деятельности английской Ост-Индской компании в ходе и на опыте колонизации Бенгалии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 48–58.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-48-58

FOR CITATION

Sapuntsov A. Functions of the state in the activities of the English East India company during the colonization of Bengal. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 48–58.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-48-58

УДК 94 (4) "1945/1951"

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-59-68

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПЛАНЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ НАЧАВШЕЙСЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ (1945–1951)

Ганжа К.Ю.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на основе использования исторических публикаций, документальных источников и некоторых архивных сведений рассматривается роль Великобритании в разработке планов и их осуществлении по военно-политическому объединению Европы в контексте «холодной войны» между Западом и Востоком. При этом подчеркивается, что власти Великобритании, лавируя между «атлантическим» и «европейским» вариантами этого объединения, исходили не только из естественных желаний по обеспечению собственной безопасности и безопасности своих политических и идеологических партнеров. Английские правящие круги, прикрываясь лозунгом о коммунистической и советской угрозах, преследовали также цели уничтожения коммунистического влияния в Европе, нанесения военно-политического ущерба СССР и его союзникам. В целом делается вывод о том, что действия Великобритании и некоторых других ведущих государств по формированию самостоятельно функционирующего военно-политического объединения западноевропейских стран нельзя назвать успешными; США создают НАТО.

Ключевые слова. Холодная война, Запад, Восток, Дюнкеркский договор, Брюссельский пакт, план Маршалла, план Плевена, Европейское оборонительное сообщество, НАТО.

GREAT BRITAIN AND THE PLANS TO CREATE THE EUROPEAN MILITARY AND POLITICAL ASSOCIATION DURING THE COLD WAR BETWEEN THE WEST AND THE EAST (1945–1951)

K. Ganja*Moscow Region State University**10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the role of Great Britain in elaborating the plans for creating a military and political association in Europe and the implementation of these plans during the Cold War between the West and the East. The article is based on historical publications, documentary sources and some archival information. It is emphasized that the British authorities, maneuvering between the "Atlantic" and "European" versions of this association, based not only on their will to ensure their own security and the security of their political and ideological partners. The British ruling circles, hiding behind the slogan of communist and Soviet threats, also pursued the goal of eliminating communist influence in Europe, causing military and political

damage on the USSR and its allies. In general, the conclusion is drawn that the actions of the United Kingdom and some other leading states in forming a self-functioning military-political association of the western European countries cannot be called successful; The United States created NATO.

Key words: the Cold War, the West, the East, the Dunkirk Treaty, the Brussels Pact, the Marshall's Plan, the Plevan Plan, the European Defense Community, NATO.

После Второй мировой войны в Европе отчетливо проявилась тенденция политического сближения развитых европейских стран; возникают планы и их военно-политического объединения. И всё это происходило «на фоне развернувшейся между Западом и Востоком «холодной войны», которая не раз ставила мир на грань катастрофы» [5, с. 52].

В политической жизни XX столетия с понятием «Запад – Восток» достаточно ясно отождествлялись противостояние и противодействие «двух поляризованных государственно-правовых, общественно-политических и экономических систем» [4, с. 97].

В западноевропейских планах военно-политического объединения активную роль играла Великобритания. Воссоздание исторической картины усилий этой страны по обеспечению собственной и западноевропейской безопасности в первые послевоенные годы возможно постичь только в контексте «холодной войны».

Хорошо известна критическая оценка «имперской», «классовой» и политически обусловленной внешней политики Советского Союза в период его противостояния с Западом. В то же время следует признать, что и США вместе со своими европейскими союзниками, как отмечает отечественный исследователь И.Г. Жиряков, «не были такими идеалистами в своей внешней политике»; «жесткое применение во-

енной силы, тайные операции, нарушение норм международного права и морали были нередким явлением в западной политике на протяжении десятилетий “холодной войны”» [3, с. 10].

Говоря об обеспечении безопасности западноевропейских стран, нужно заметить, что существовали два подхода: «атлантический» и «европейский»/«европеистский». Смысл первого заключался в утверждении о том, что безопасность западных стран можно было обеспечить только при активном сотрудничестве европейских государств и США. Второй подход предусматривал обеспечение безопасности с опорой европейцев на собственные силы.

Многие историки полагают, что Лондон был сторонником атлантического курса. При этом они ссылаются на Черчилля и на внешнеполитический курс лейбористов, управлявших страной с июля 1945 по октябрь 1951 гг. По их мнению, лейбористов несколько не смущали перспективы превращения Великобритании в «младшего партнёра» США. Руководство лейбористской партии рассматривало, якобы, времена былого бесспорного мирового лидерства Британской империи как закрытую страницу истории, память о которых не должна препятствовать принятию взвешенных решений в новых условиях противоборства Запада с коммунистическим Востоком.

Среди советских историков было немало сторонников исследования

данной проблемы с позиции атлантического подхода, утверждавших, что английская политическая элита признала свою «вторую роль» в мире и европейских делах, являясь чуть ли не «дипломатическим агентом США».

Чтобы понять мотивы европейского внешнеполитического курса Великобритании, надо учитывать многие обстоятельства. Необходимо иметь в виду сложную экономическую ситуацию, сложившуюся после войны в Европе и Великобритании. Английские власти питали большие надежды на американскую помощь, которая могла быть щедро оказана в случае демонстрации Лондоном военно-политической преданности США.

Следует также отметить, что переговоры по германскому урегулированию зашли в тупик и что, в силу ряда обстоятельств, в головах американских и западноевропейских политиков возникает гипертрофированное видение опасности «покраснения» Европы. В значительной мере по этой причине, правительство Эттли стало всё больше склоняться к политике атлантической солидарности.

В Западной Европе отсутствовало чёткое представление о том, как выстраивать новую архитектуру безопасности в условиях железного занавеса. У Франции и Великобритании были разные подходы к проблеме создания будущего военного альянса. В 1945–1947 гг. Франция, исходя из горького исторического опыта, не считала необходимым создание союза с привлечением широкого круга государств; французская политическая элита исключала возможность вхождения в этот союз Германии, опасаясь её, как полагают некоторые авторы, даже

больше, чем угрозы «мирового коммунизма».

Британия отчасти разделяла французские опасения, но ей важно было не допустить раскола среди западноевропейских государств. Власти Великобритании, активно посредничавшие между Францией и Германией, стремились содействовать формированию в Западной Европе системы военно-политической безопасности, включавшей присутствие Германии. С этой целью британские внешнеполитические руководители в начале 1947 г. начинают переговоры с французскими коллегами, отбросив разногласия, существовавшие между ними в отношении германской проблемы. Это был весьма примечательный факт, поскольку впервые речь шла о возможности Великобритании вступить в военно-политический союз с ведущей страной материковой Европы, изменяя, тем самым, вековому принципу британской дипломатии – сохранять «свободу рук» в отношении существовавших и возможных конфликтов на континенте.

4 марта 1947 г. министром иностранных дел Великобритании Э. Бевином и министром иностранных дел Франции Ж. Бидо в Дюнкерке был заключен франко-британский Договор о союзе и взаимопомощи сроком на 50 лет¹. Выбор места подписания договора был не случаен; в Дюнкерке в 1940 г., как известно, была проведена, как утверждают западные историки, и героическая, и, одновременно, трагиче-

¹ Treaty of alliance and mutual assistance between His Majesty in respect of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the President of the French Republic (Signed at Dunkirk, on 4 march 1947).

ческая операция по эвакуации окруженных британских войск из Франции. Таким образом, английская и французская стороны, подписав договор, проявили свою готовность никогда не допускать повторения чего либо подобного дюнкеркской трагедии.

Дюнкеркский договор стал первым шагом на пути военно-политического объединения Западной Европы. Он состоял из 6 статей и преамбулы, в которой подтверждалась «сердечная дружба и теснейшая общность интересов Великобритании и Франции», указывалось на полную решимость «сотрудничать друг с другом, а также с другими Объединёнными нациями в деле сохранения мира и сопротивления агрессии, в соответствии с Уставом Объединённых Наций». Договор гласил, что Великобритания и Франция немедленно придут на помощь друг другу и окажут взаимную поддержку всеми имеющимися в их распоряжении военными и прочими средствами в случае военных действий со стороны Германии; подписанты обязались также не заключать какого-либо союза и не принимать участие в какой-либо коалиции, направленной против одной из них [2, с. 129–130].

Следующим шагом в военно-политическом объединении западноевропейских стран стал договор, подписанный 17 марта 1948 г. в Брюсселе¹ уже не двумя, а пятью европейскими странами – Великобританией, Бельгией, Люксембургом, Нидерландами и Францией, и получивший название Брюссельского пакта [2, с. 243–244].

¹ Treaty between Belgium, France, Luxembourg, The Netherlands and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, signed at Brussels, on march 17th, 1948.

В советской политической и исторической литературе особо подчеркивалось, что Брюссельский договор (или, как принято было писать в советских изданиях, – Западный союз) явился первым военным блоком западноевропейских стран, созданным по инициативе Англии и направленным «против СССР и народно-демократических государств» [7, с. 136].

Главное внимание в этом документе было сосредоточено на проблеме обеспечения коллективной безопасности в Западной Европе, хотя официально он назывался «Договор об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной самообороне». Согласно Брюссельскому пакту его участники, в случае вооруженного нападения на кого-либо из них, были обязаны «предоставить атакованной стороне военную поддержку и другую помощь».

Западная Европа впервые в своей истории сделала реальный шаг на пути к созданию регионального военно-политического союза. Подписание Брюссельского договора было, несомненно, успехом европейского/европеистского подхода к обеспечению безопасности.

Таким образом, Великобритания вместе с некоторыми другими европейскими странами продемонстрировала, что она не собирается окончательно связывать себя с Вашингтоном серьёзными обязательствами, вынашивая планы по формированию региональной военной группировки.

Как отмечалось выше, Брюссельский договор был направлен на недопущение германского реваншизма; и по тексту в нём нет даже намёка на антисоветскую направленность. Однако советская сторона обнаружила в нём

тайные помыслы. Ссылки подписантов договора о том, что он направлен против возможной агрессии со стороны Германии, в Советском Союзе называли «маскировкой, необходимой для обмана народов» [7, с. 136].

И действительно, как стало известно позднее, английский министр иностранных дел Э. Бевин, докладывая на заседании правительства о ходе подготовки Брюссельского пакта, считал важным сделать обязательным ссылку на Германию, чтобы избежать «недопонимания с Россией» [8, с. 130]. А в меморандуме правительства Великобритании от 4 января 1948 г. Бевин уже рассматривал возможность включения Германии в сообщество западноевропейских стран, хотя и признавал эту идею «фантастической» [8, с. 131].

На состоявшихся после подписания договора переговорах министров иностранных дел стран – членов Западного союза было принято решение о придании ему определенных полицейских функций. Согласно этой договоренности их секретные службы должны были обмениваться информацией в интересах противодействия деятельности коммунистических партий [8, с. 131].

Вместе с тем представляется, что советская оценка Брюссельского пакта была не вполне точная, поскольку в ней утверждалось, что этот пакт был направлен исключительно против СССР.

Нельзя не отметить, что под воздействием достигнутых на Ялтинской и Потсдамской конференциях договоренностей руководство ведущих западных стран-участниц антигитлеровской коалиции, учитывая уроки победы над фашизмом, стремилось в

рассматриваемое время к созданию такого послевоенного устройства мира, в котором бы стало невозможным возрождение германского милитаризма и его попыток развязывания войн. Поэтому подписанты брюссельского документа декларировали свою готовность гарантировать выполнение Германией условий капитуляции и тем самым не допустить повторения ее милитаризации. Можно предположить, что полное и добросовестное выполнение Западом взятых на себя обязательств по закреплению новой обстановки в послевоенной Европе могло бы предотвратить и раскол Германии, и превращение континента в плацдарм «холодной войны».

Однако анализ последующих политических решений и практических действий ведущих держав Запада дает нам право, как утверждает российский аналитик В. Олевский, считать, что эти державы не стремились к урегулированию послевоенных проблем с учетом интересов всех народов; они преследовали цель не позволить Советскому Союзу использовать его решающий вклад в разгром Германии для упрочения своего положения в Центральной и Восточной Европе [11, с. 3–9].

В 1947–1948 гг. имели место события, серьезно повлиявшие на процесс военно-политического объединения западноевропейских стран. Запущенный США «план Маршалла» смягчил позицию Франции в отношении Германии. Париж согласился на включение будущей ФРГ в систему европейских институтов. Менялись взгляды на военный союз и у Лондона. Министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин стал акцентировать внимание на необходимости создания

«системы западных демократий» с участием США. В 1948 г. Бевин фактически согласился с американским видением этой проблемы.

Президент США Трумэн на словах поддержал Брюссельский пакт, но, как вскоре выяснилось, США вовсе не были намерены поощрять европейскую самостоятельность. Об этом Трумэн недвусмысленно намекнул 17 марта 1948 г. в специальном послании конгрессу [13, р. 184]. По его мнению, гарантом безопасности европейского дома должен был быть Вашингтон, и в этом случае Запад может успешно противостоять коммунистической и советской угрозе.

В апреле 1949 г. по инициативе США было подписано в Вашингтоне соглашение о создании нового крупного военно-политического блока — Организации Североатлантического договора (НАТО). На Западе принято считать, что роль предтечи Организации Североатлантического договора сыграл Брюссельский пакт. Правда, появление НАТО несколько девальвировало значение Брюссельского пакта в плане обеспечения коллективной обороны европейских стран, поскольку функции Организации Брюссельского договора фактически перешли к НАТО.

В Уставе Североатлантического блока (The North Atlantic Treaty, Washington D.C., 4 April 1949) нет положений о том, что новое военно-политическое объединение направлено против коммунистических режимов. Но всем объективным аналитикам абсолютно был ясен антисоветский замысел создателей западного военного союза. В этой связи утверждения некоторых отечественных авторов, что «на

публичном уровне Москва сдержанно отреагировала на появление Североатлантического альянса» [11, с. 3–9] не выдерживает критики.

Ещё до официального появления НАТО в январе 1949 г. МИД СССР выступил с заявлением, в котором указывалось, что цели создаваемого военного блока тесно связаны с планами насильственного установления мирового англо-американского господства под эгидой Соединенных Штатов Америки «всюду, куда только дотянутся руки» [1, с. 57]. Советская оценка планов создания НАТО была официально доведена до сведения будущих участников этого блока в адресованном им Меморандуме правительства СССР о Североатлантическом договоре от 31 марта 1949 г. [1, с. 89–94]. В этом Меморандуме прямо заявлялось, что атлантический пакт направлен против Советского Союза.

После создания НАТО некоторые западноевропейские правительства не собирались расставаться с идеей регионального оборонительного союза. Премьер-министр Франции Р. Ж. Плевен 24 октября 1950 г. выступил с заявлением о создании «европейской армии» с участием вооруженных сил ФРГ [12]. Это заявление известно как план Плевена. Естественно, идею создания «европейской армии» надо рассматривать как важную часть проекта западноевропейской военно-политической интеграции.

Черчилль, лидер английской консервативной партии, находясь в оппозиции, ратуя за быстреее «объединение Европы», призывал к немедленному созданию «европейской армии»¹. В этой связи вызывают недо-

¹ Российский государственный архив соци-

умение утверждения некоторых российских авторов, о том, что Черчилль якобы никогда не говорил о намерении Великобритании вступить в «европейскую армию» [9, с. 116]. Черчилль заявил 12 сентября 1950 г в английском парламенте: «Мы должны создать по возможности скорее европейскую армию в составе 60 или 70 дивизий... 10 дивизий должны, конечно, предоставить США, 2 или 3 – Канада, 6 или 8 должна дать Англия».¹

Видимо, Черчилль представлял себе «европейскую армию» как коалицию национальных сил (европейских и даже неевропейских), служащих задаче обеспечения военной безопасности Европы, но без подчинения этих сил органам наднационального контроля.

Правительственные круги Великобритании вначале с некоторой настроенностью отнеслись к созданию «европейского оборонительного сообщества»; определенное время английское правительство не давало согласия на участие Западной Германии «в европейской армии».²

Объясняется это тем, что английская политическая элита, активно стремясь реализовать планы объединения Европы, противопоставляла идее создания наднациональных руководящих органов принцип координации деятельности правительств. Особенно ярко это проявилось в деятельности Англии, направленной на подчинение общеевропейских организаций Европейскому совету, рассчитывая тем самым установить свой контроль, в частности, и над «европей-

ским оборонительным сообществом», не связывая себя участием в этой организации³.

Только в результате давления США англичане в сентябре 1951 г. пошли на уступки, и отказались от противодействия созданию «европейской армии» с участием ФРГ; однако сама Англия в «европейское оборонительное сообщество» отказалась вступить⁴.

Пришедшие через месяц к власти консерваторы придерживались политики отказа от участия в «европейском объединительном сообществе»⁵. Черчилль, продолжая заверять о своей поддержке идеи создания «европейской армии», замечая, что «это не означает, что Великобритания станет элементом объединенной на федеративных началах Европы или что ее армия, уже находящаяся в общем строю на континенте и непрерывно увеличивающаяся, будет слита так, что она потеряет свое лицо»⁶.

Как хорошо известно, подписанный 27 мая 1952 г. договор о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), в которое должны были войти вооруженные силы шести западноевропейских стран – Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, так и не вступил в силу.

В завершение статьи необходимо сделать следующие выводы. В первых, анализ внешнеполитической деятельности Великобритании по рассмотренному направлению позволяет утверждать, что правящие круги Великобритании лавировали между «атлантическим» и «европейским» ва-

ально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 89.

¹ Там же. Л. 94.

² Там же. Л. 88.

³ Там же. Л. 89.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 94.

риантами военно-политического объединения Европы.

Во-вторых, Великобритания, прилагая усилия по военно-политическому объединению западноевропейских стран, исходила не только из естественного желания обеспечить собственную безопасность и безопасность своих политических и идеологических партнеров. Английские правящие круги, прикрываясь лозунгом о коммунистической и советской угрозе, преследовали также цели устранения коммунистического влияния в Европе, нанесения военно-политического ущерба СССР и его союзникам.

В-третьих, действия Великобритании и некоторых других ведущих государств по формированию самостоятельно функционирующего военно-политического объединения западноевропейских стран нельзя назвать успешными; США создают НАТО. Как

верно заметил известный российский исследователь В.Я. Швейцер, послевоенная Европа не имела шансов на создание собственного военного альянса [6], учитывая ведущую роль США в «системе западных демократий».

В-четвертых, идея военно-политического объединения Европы, создания «европейской армии» жива и сегодня. В декабре 2017 г. лидеры стран ЕС официально одобрили программу Постоянного структурированного сотрудничества в сфере безопасности и обороны. Глава европейской дипломатии Федерика Могерини назвала это событие «историческим» [10]. Нельзя при этом не заметить, что все эти действия стран Евросоюза происходят на фоне развернувшейся политической борьбы против правопреемника СССР – новой России.

Статья поступила в редакцию 02.04.2018

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя политика Советского Союза: документы и материалы, январь – декабрь 1949 г. М.: Госполитиздат, 1953. 686 с.
2. Дипломатический словарь: в 3-х томах. Том 1 / Главная редакция А.А. Громыко, И.Н. Земсков, В.М. Хвостов. М.: Политиздат, 1971. 612 с.
3. Жиряков И.Г., Макаренков И.В. Австрия и европейская экономическая интеграция в контексте отношений Запад–Восток. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 220 с.
4. Жиряков И.Г. Запад и Восток в конце 1940–1960-е годы: экономические отношения в контексте «холодной войны» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 2. С. 96–106.
5. Жиряков И.Г., Максимова О.В. Основные этапы австрийско-советских отношений после заключения Государственного договора: позиции политических партий // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. № 2. С. 50–64.
6. Заквасин А. «Рубашка на вырост»: почему Европе не удалось создать военный альянс без США // Радио RT [сайт]. – URL: <https://russian.rt.com/science/article/493095-evrop%D0%B0-armia-nato-ssha> (дата обращения: 25.05.2018).
7. История внешней политики СССР, 1917–1980 гг.: в 2-х томах. Т. 1 (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1980. 496 с.
8. История внешней политики СССР, 1917–1985: в 2-х томах. Т. 2 (1945–1985 гг.). М.: Наука, 1986. 691 с.
9. Лекаренко О.Г. У. Черчилль и планы создания «европейской армии» // Вестник Том-

ского государственного университета. Серия: История. Краеведение. Этнология. Археология. 2003. № 276. С. 115–119.

10. Оборонительный пакт: станет ли PESCO европейской альтернативой // Геополитика [сайт]. – URL: <http://geo-politica.info/oboronitelnyy-pakt-stanet-li-pesco-evropeyskoy-alternativoy-nato.html> (дата обращения: 25.05.2018).
11. Олевский В. Западноевропейский союз в системе европейской безопасности // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 11. С. 3–9.
12. Statement by René Pleven on the establishment of a European army (24 October 1950) // CVCE [website]. – URL: https://www.cvce.eu/en/obj/statement_by_rene_pleven_on_the_establishment_of_a_european_army_24_october_1950-en-4a3f4499-daf1-44c1-b313-212b31cad878.html (дата обращения: 25.05.2018).
13. Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1949: Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President, January 1 to December 31, 1949. D.C.: OFR, 1964. 705 p.

REFERENCES

1. Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza: dokumenty i materialy, yanvar' – dekabr' 1949 g [Foreign policy of the Soviet Union: documents and materials, January – December 1949]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 686 p.
2. Diplomatseskii slovar': v 3-kh tomakh. Tom 1 / Glavnaya redaktsiya A. A. Gromyko, I.N. Zemskov, V. M. Khvostov [Diplomatic dictionary in 3 volumes. Volume 1 / Chief editors, A.A. Gromyko, I.N. Zemskov, V.M. Khvostov]. Moscow, Politizdat Publ., 1971. 612 p.
3. Zhiryakov I.G., Makarenkov I.V. Avstriya i evropeiskaya ekonomicheskaya integratsiya v kontekste otnoshenii Zapad–Vostok [Austria and European economic integration in the context of relations of West–East]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2016. 220 p.
4. Zhiryakov I.G. [The West and the East in the late 1940–1960-ies: economic relations in the context of the cold war]. In: *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2017, no. 2, pp. 96–106.
5. Zhiryakov I.G., Maksimova O.V. [The main stages of the Soviet–Austrian relations after the conclusion of the State Treaty: positions of political parties]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*, 2010, no. 2, pp. 50–64.
6. Zakvasin A. «Rubashka na vyrost»: pochemu Evrope ne udalos' sozdat' voennyy al'yans bez SSHA ["A shirt to be worn a bit later": why Europe failed to create a military alliance without the United States]. In: Radio RT [website]. Available at: <https://russian.rt.com/science/article/493095-evropD0B0-armia-nato-ssha> (accessed: 25.05.2018).
7. Istoriya vneshnei politiki SSSR, 1917–1980 gg.: v 2-kh tomakh. T. 1 (1917–1945 gg.) [The history of foreign policy of the Soviet Union, 1917–1980: in 2 volumes. Vol. 1 (1917–1945)]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 496 p.
8. Istoriya vneshnei politiki SSSR, 1917–1985 [The history of Soviet foreign policy, 1917–1985] in 2 vols. Vol. 2 (1945–1985). M., Nauka Publ., 1986. 691 p.
9. Lekarenko O.G. U. [Churchill's plans to create a "European army"]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Kraevedenie. Etnologiya. Arkheologiya*, 2003, no. 276, pp. 115–119.
10. Oboronitel'nyi pakt: stanet li PESCO evropeiskoi al'ternativoi [Defensive Pact: whether PESCO will become a European alternative]. In: *Geopolitics* [website]. Available at: <http://geo-politica.info/oboronitelnyy-pakt-stanet-li-pesco-evropeyskoy-alternativoy-nato.html> (accessed: 25.05.2018).

11. Olevskii V. [The Western European Union in the European security system]. In: *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2010, no. 11, pp. 3–9.
12. Statement by René Pleven on the establishment of a European army (24 October 1950). In: CVCE [website]. Available at: https://www.cvce.eu/en/obj/statement_by_rene_pleven_on_the_establishment_of_a_european_army_24_october_1950-en-4a3f4499-daf1-44c1-b313-212b31cad878.html (accessed: 25.05.2018).
13. Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1949: Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President, January 1 to December 31, 1949. D.C.: OFR, 1964. 705 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ганжа Карина Юрьевна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ganzha.karina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karina Yu. Ganja – postgraduate student of the Department of New, Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: ganzha.karina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ганжа К.Ю. Великобритания и планы военно-политического объединения Европы в условиях начавшейся холодной войны между Западом и Востоком (1945–1951) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 59–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-59-68

FOR CITATION

Ganja K. Great Britain and the plans to create the European military and political association during the cold war between the west and the east (1945–1951). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Political Sciences, 2018, no. 3, pp. 59–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-59-68

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-69-73

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КОНСЕРВАТИВНЫХ КАБИНЕТОВ С.ХАРПЕРА В КАНАДЕ В 2006–2015 ГГ. (ОБЩИЙ ОБЗОР)

Комаров А.Н.^{1,2}, Балкылыч Е.О.²

¹ Российский государственный гуманитарный университет

125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования данной статьи являются основные направления внешней политики консервативных кабинетов (2006–2015 гг.) Стивена Харпера в Канаде. Исследование проведено с использованием отечественных и зарубежных публикаций по данной проблематике. Авторы пришли к выводу о том, что канадская внешняя политика отразила приверженность Канады англосаксонскому единству и военно-стратегическому сотрудничеству в рамках альянса НАТО. В то же время авторы отмечают, что внешняя политика Канады представляет собой многостороннее комплексное явление, включая широкую североамериканскую интеграцию.

Ключевые слова: НАТО, Канада, США, геополитика, сотрудничество, дипломатия, Россия

THE MAIN DIRECTIONS OF FOREIGN POLITICS OF THE CONSERVATIVE OFFICES OF STEPHEN HARPER IN CANADA IN 2006–2015 (BRIEF SUMMARY)

A. Komarov^{1,2}, E. Balkylych²

¹ Russian State University for the Humanities

125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya sq., 6, Russian Federation

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82/5, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract. The subject of the article is a brief overview of the main directions of foreign policy of the conservative offices of Stephen Harper in Canada in 2006-2015. The above mentioned research is based on the review of the domestic and foreign publications on the subject. In this study the authors come to the conclusion that Canadian foreign policy reflects Canada's commitment to the Anglo-Saxon Unity and military-strategic cooperation in the Framework of the NATO alliance in particular. The authors finalize that the Canadian foreign policy is a multifaceted complex phenomenon, which includes deep North American integration.

Key words: NATO, Canada, the USA, geopolitics, cooperation, diplomacy, Russia.

Основные направления внешней политики консерваторов во главе с С. Харпером в Канаде реализовывались последовательно после прихода Консервативной партии к власти в январе 2006 г. и формирования ею первого правительства парламентского меньшинства [3, с. 147]. После длительного перерыва канадские консерваторы сменили находящихся у власти с 1993 г. либералов во главе с Ж. Кретьеном и П. Мартином [4, с. 100–101].

Необходимо отметить, что в период с 2006 по 2015 гг. внешняя политика канадских консерваторов, безусловно, некоторым образом видоизменялась и корректировалась, однако ее базовые направления оставались последовательными и неизменными. Какие же основные линии внешней политики консерваторов можно выделить?

Во-первых, традиционную приверженность Канады англосаксонскому единству, включая военно-стратегическое сотрудничество в рамках альянса НАТО. Именно эта тенденция явилась основой неоконсервативной идеологии во внешней политике, которая активно была использована канадскими консерваторами после Второй мировой войны. С момента вступления Канады в военно-политический альянс НАТО в 1949 г. она всегда четко реализовывала приверженность последнему. Это обстоятельство являлось важнейшим для Канады как в годы «холодной войны», когда, вместе с США и своими партнерами по НАТО, она противодействовала СССР и его союзникам по ОВД, так и после 1991 г. В последний обозначенный нами период Канада поддерживала операции военного альянса НАТО в Афганистане против талибов в период с 2001 по 2011 гг., в

Ливии в 2011 г. и боевых действиях против «Исламского государства» с 2014 г. по настоящее время.

Во-вторых, продолжение углубленного сотрудничества с США во всех возможных направлениях, включая внешнеэкономическое, военное и т.д., что получило название континентализма. При консерваторах во главе с С. Харпером эта тенденция оказывалась неизменной и была реализована, прежде всего, в углублении масштабной континентальной интеграции, основы которой были заложены еще при консервативных правительствах Б. Малруни и К. Кэмпбелл, в период заключения соглашений ФТА в 1988 г. и НАФТА в 1993 г. [5, с. 150–151].

В-третьих, Канада стала активно использовать предоставленную ей в XX в. возможность проведения самостоятельной внешней политики, пытаясь следовать концепции мультилатерализма, т.е. многосторонней дипломатии, активно участвуя в заседаниях G-7 и G-20, деятельности ООН, высказывая свою точку зрения и предлагая различные инициативы по вопросам разрешения глобальных вызовов современности. В отечественной историографии концепция мультилатерализма в канадской внешней политике была детально раскрыта Е.В. Исраелян [2, с. 231–232].

В-четвертых, важнейшей частью внешнеполитической деятельности консервативного кабинета С. Харпера стало арктическое направление его политики, связанное с усилением безопасности канадской части Арктики, в частности строительство патрульных кораблей, ледокола и т.д. Свои намерения по усилению суверенитета канадской части Арктики правительство

консерваторов неоднократно подкрепляло программными заявлениями, озвученными в результате всего их нахождения у власти [9, р. 2–3].

В-пятых, под давлением США правительство С. Харпера приняло самое активное участие в принятии санкций в 2014 г. против Российской Федерации. Введение санкций против Российской Федерации после присоединения Крыма явилось частью неоконсервативной политики кабинета парламентского большинства Стивена Харпера, выработки жесткого бескомпромиссного подхода к Российской Федерации в духе «холодной войны». Тем самым Канада поддержала геополитические устремления США и других союзников по альянсу НАТО, направленные на раскол постсоветского пространства, противостояние Российской Федерации, глобальное доминирование в современном мире, стремление сформировать однополюсный миропорядок. Как отметила Е.В. Израелян, в качестве законодательной базы для применения санкций канадцы используют закон 1992 г. «Об особых экономических мерах» и др. акты [1, с. 181]. Немаловажную роль в принятии санкций против Российской Федерации оказала и точка зрения многочисленной антиросийски настроенной украинской диаспоры, проживающей в Канаде.

Таким образом, в целом канадско-российские отношения в постсоветский период можно охарактеризовать через призму трех последовательных этапов: период сотрудничества и нормализации отношений с 1991 по 2011 г.,

когда был подписан ряд важных двусторонних соглашений; период охлаждения отношений с 2011 по 2014 гг., связанный с различным видением Россией и Канадой сирийской и ливийской проблематики, и период с 2014 г. до настоящего времени, связанный с введением Канадой антиросийских санкций и, соответственно, кризисом в канадско-росийских отношениях [6, р. 5–10]. Причем необходимо отметить, что именно консерваторы во главе с С. Харпером способствовали углублению кризиса в канадско-росийских отношениях, безоговорочно следуя общей стратегической политике альянса НАТО во главе с США [7, р. 2–3]. Необходимо также отметить, что общие направления внешней политики Канады были очерчены консерваторами накануне парламентских выборов 2006 г. [8, р. 1–47] и 2008 гг. [10, р. 1–41].

Таким образом, следует отметить существенное различие принципов подхода канадских консерваторов к реализации внутренней и внешней политики своей страны. Если внутренняя политика основывалась на четком и последовательном проведении в жизнь идей консерватизма (эволюционного, без революционных потрясений и волнений развития общества, что, безусловно, отражало национальные интересы страны), то в области внешней политики Канада была менее самостоятельной, целиком поддерживая геополитические притязания США.

Статья поступила в редакцию 05.02.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Израелян Е.В. Санкции как инструмент внешней политики Канады // Канадский ежегодник. Труды Российского общества изучения Канады. Вып. 19. М.: РОИК, ИВИ РАН, 2015. 392 с.
2. Канада: современные тенденции развития (К 150-летию государства) / Отв. ред. В.И.Соколов. М.: Весь мир, 2017. 432 с.
3. Комаров А.Н. Отличительные особенности канадского консерватизма в период нахождения у власти правительств Б. Малруни и С. Харпера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 1. С. 144–149.
4. Комаров А.Н. Канадские консерваторы: от оппозиции к власти, 1990–2010-е гг. М.: РГГУ, 2014. 240 с.
5. Комаров А.Н. Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010. 250 с.
6. Canada Continues Humanitarian Support in Libya. News Release. Ottawa: Canadian International Development Agency, 2011. 50 pp.
7. Conservative Party: Here for Canada. Ottawa, 2011. 40 pp.
8. Stand Up for Canada: Conservative Party of Canada Federal Election Platform. Ottawa, 2006. 47 pp.
9. Statement on Canada's Arctic Foreign Policy. Exercising Sovereignty and Promoting Canada's Northern Strategy Abroad. Ottawa: Government of Canada, 2010. 27 pp.
10. True North Strong and Free: Stephen Harper's Plan for Canadians. Ottawa: The Conservative Party of Canada, 2008. 41 pp.

REFERENCES

1. Israelyan E.V. [Sanctions as a tool of Canadian foreign policy]. In: *Kanadskii ezhegodnik. Trudy Rossiiskogo obshchestva izucheniya Kanady* [Canadian Yearbook. The works of the Russian society on studying Canada], no. 19. Moscow, ROIK, IVI RAN Publ., 2015.
2. Kanada: sovremennyye tendentsii razvitiya (K 150-letiyu gosudarstva). Otв. red. V.I. Sokolov [Canada: current trends of development (To the 150th anniversary of the state). Ed. edited by V. I. Sokolov]. Moscow, Ves' mir Publ., 2017. 432 p.
3. Komarov A.N. [Distinctive features of Canadian conservatism in the period of B. Mulroney and Stephen Harper's governments]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2010, no. 1, pp. 144–149.
4. Komarov A.N. Kanadskie konservatory: ot oppozitsii k vlasti, 1990–2010 gg [Canadian conservatives: from opposition to power, 1990–2010 years]. Moscow, RGGU Publ., 2014. 240 p.
5. Komarov A.N. Kanadskii konservatizm v epokhu B. Malruni v 1984–1993 godakh [Canadian conservatism in the era of B. Mulroney in 1984–1993 years]. Moscow, RUDN Publ., 2010. 250 p.
6. Canada Continues Humanitarian Support in Libya. News Release. Ottawa: Canadian International Development Agency, 2011. 50 pp.
7. Conservative Party: Here for Canada. Ottawa, 2011. 40 pp.
8. Stand Up for Canada: Conservative Party of Canada Federal Election Platform. Ottawa, 2006. 47 pp.
9. Statement on Canada's Arctic Foreign Policy. Exercising Sovereignty and Promoting Canada's Northern Strategy Abroad. Ottawa: Government of Canada, 2010. 27 pp.
10. True North Strong and Free: Stephen Harper's Plan for Canadians. Ottawa: The Conservative Party of Canada, 2008. 41 pp.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комаров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; профессор кафедры всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: ruslan10@inbox.ru

Балкылыч Екатерина Олеговна – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: gella-ket@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey N. Komarov – Doctor in Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; Professor at the Department of General History, School of Actual Humanitarian Research of the Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: ruslan10@inbox.ru

Ekaterina O. Balkylych – postgraduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: gella-ket@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Комаров А.Н., Балкылыч Е.О. Основные направления внешней политики консервативных кабинетов С. Харпера в Канаде в 2006–2015 гг. (общий обзор) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 69–73.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-69-73

FOR CITATION

A. Komarov, E. Balkylych. Main directions of foreign policy of the conservative offices of Stephen Harper in Canada in 2006–2015 (brief summary). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 69–73.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-69-73

Отечественная история

УДК 9 (433)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-74-79

МОСКОВСКИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ В СЕНТЯБРЕ – ОКТЯБРЕ 1812 Г.

Павлова М.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация.*

Аннотация. Долгое время в историографии французский император Наполеон представлялся как губитель русского народа, а в русском православном сознании – как Антихрист. Но был ли Наполеон на самом деле таким, или же это только ярлыки, приписанные политизированными взглядами отечественных историков? В данной статье рассматривается проблема состояния Московского Воспитательного дома в сентябре – октябре 1812 г. Ключевой идеей исследования является описание подвига И.А. Тутолмина, а также милости французского императора, проявленной к воспитанникам этого заведения.

Ключевые слова. Наполеон, французская оккупация, Москва в сентябре–октябре 1812 г., Московский Воспитательный дом, И.А. Тутолмин, Ф.В. Ростопчин, дети, Отечественная война 1812 г., грабежи.

MOSCOW EDUCATIONAL HOUSE IN SEPTEMBER – OCTOBER 1812

M. Pavlova

*Moscow Region State University
10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. For a long time in historiography the French Emperor Napoleon was introduced as a destroyer of the Russian people. The Russian Orthodox consciousness considered him to be an Antichrist. But was Napoleon really the person described or was he just labelled by the politicized views of domestic historians? This article discusses the problem of the state of the Moscow Orphanage in September – October 1812. The key idea of the study is to describe the feat of I. A. Tutolmin, as well as the mercy of the French Emperor shown to the pupils of this institution.

Key words: Napoleon, French occupation, Moscow in September–October 1812, Moscow Orphanage, I. A. Tutolmin, F. V. Rostopchin, children, Patriotic war of 1812, robberies.

Война 1812 г. оставила след на историко-культурном фоне всех народов, участвующих в ней. Наряду с великой трагедией великого отступления, полагаем, что далеко идущее влияние на общественное сознание народов имела француз-

ская оккупация Москвы в сентябре-октябре 1812 г.

Незадолго до входа неприятелей в Москву в 1812 г., императрица Мария Федоровна в своем рескрипте Почетному опекуну А.М. Лунину от 7 августа 1812 г. предложила ряд мер по спасению Московского воспитательного дома [1, с. 190]. Заметим, однако, что исследователь А.Д. Яновский относит данный рескрипт к 9 сентября [10, с. 105].

Воспитательный дом и воспитанники, находящиеся в нем, вместе с родильными домами, а также Екатерининское, Александровское училища, Вдовый Куринский дом и Больница бедных перешли под руководство И.А. Тутолмина – действующего статского советника. Под его опеку также попали: Оппель – главный врач больницы для бедных, смотритель Павловской больницы Носков, а также смотритель Инвалидного дома Шереметьевой Иванов [2, с. 108]. Именно через Тутолмина в период пребывания неприятеля в городе французский император пытался дважды заключить мир с Александром 1. Но все эти попытки потерпят фиаско [7, с. 124].

Из Вдовьего дома 52 женщины были отпущены по домам. Им предоставили пенсии и необходимые вещи. А 9 больных женщин перевели в Воспитательный дом, где они расположились в родильном отделении. После того, как из Институтов и Вдовьего дома вышли все воспитанницы, здания её величества были переданы в особое распоряжение московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина для размещения в них раненых русских солдат.

Все эти меры осуществлялись в спешном режиме, поэтому большая

часть имущества осталась в городе. Аптекарская посуда и медицинские препараты, принадлежавшие Военному госпиталю, были отданы для сохранности в аптеку Воспитательного дома.

Вопрос о численности отправленных воспитанников и штата Дома среди исследователей до сих пор является спорным. Так, Яновский А.Д. говорит о 350 воспитанниках [10, с.105]. Земцов В.Н. утверждает, что эвакуировано 333 ребенка. Из них – 143 мальчика и 190 девочек [5, с.17]. Исследователь Васькин А.А. полагает, что отправлено было 600 детей [3, с 7].

Всех воспитанников богоугодных заведений с большей частью чиновников эвакуировали в Казань. Чтобы хоть как-то разгрузить учреждение, некоторых чиновников отправили в отпуск для сопровождения своих семей из Москвы. Следует отметить, что большинство из них после выхода французов из города вернулись к своим должностям. Не явились только два чиновника по особому присмотру за приносимыми детьми, а также без особого разрешения отлучились оба священника Воспитательного дома и дьякон. Вместо них Тутолмин пригласил других [10, с. 108].

Но, несмотря на это, в Доме оставалось 1125 воспитанников и воспитанниц младше 11 лет [4, с. 150]. М. Артамонов полагает, что осталось 1000 человек [2, с. 9]. Этим людей решили оставить до того момента, пока опасность не станет неизбежной. Так сообщает секретное распоряжение императрицы Марии Федоровны – покровительницы богоугодных заведений.

Все происходившее в доме во время занятия Москвы неприятелем с 1 сен-

тября по 11 октября описано в кратких донесениях Тутолмина императрице Марии Федоровне. Данные донесения обладают высокой точностью, поскольку он являлся прямым очевидцем событий. Зачастую он, естественно, пытался приукрасить свою роль. После отправления из Москвы взрослых воспитанников в Казань по распоряжению Тутолмина, с 1 сентября было приказано немедленно переводить отдельную больницу из Окружного строения. Но из-за неожиданного вступления неприятельских войск этого не удалось сделать, поэтому смотритель вынужден был их оставить там и «хранить за печатями» [10, с.108].

Вечером 31 августа было получено известие, что французскими передовыми войсками разграблен скотный двор, поэтому Тутолмин отдал приказ пригнать уцелевший скот в Дом. Его предполагалось использовать дляготовки еды детям, что впоследствии и было сделано [10, с. 108].

Сразу после вступления французской армии в город, несмотря на творимые захватчиками насилия, Тутолмин с двумя чиновниками безбоязненно отправился в Кремль, где встретился с назначенным Наполеоном губернатором графом Дюронелем. Он рассказал ему о Доме и его грудных воспитанниках и малолетних детях. Тутолмин просил всего об одном человеке для охраны, однако, Наполеон приказал дать двенадцать человек конной гвардии с одним офицером [10, с. 109]. Исследователь В.Н. Земцов приводит завышенные данные о предоставленных 300 жандармах [5, с. 17]. Караул разместили в Корделожи, а лошадей поставили в конюшни. За все время французской оккупации караул вместе

с его посетителями получал питание. Следует отметить, что каждый день к столу приходило 18–25 человек.

В ночь на 3 сентября в Москве начался пожар, который не утихал до 6 сентября. В период пожара Дом находился под потенциальной угрозой возгорания, поскольку его окружило пламя со всех сторон. Известно также, что в тот вечер был сильный ветер, которых разносил искры на все постройки [10, с. 110].

Как только начался пожар, Тутолмин заставил всех воспитанников и служащих Дома быть начеку, и, если есть необходимость, то тушить очаги возгорания. Примыкающие к Воспитательному дому деревянные заборы и постройки были разобраны, чтобы избежать новых возгораний.

Как мы знаем, перед выходом из города московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин приказал вывести весь огнегасительный снаряд, однако, в Воспитательном доме остались 4 пожарные трубы, которые впоследствии помогли защитит его от пожара [10, с.110].

Вечером 4 сентября пожар из-за вновь сильно поднявшегося ветра разразился с новой силой. Сначала загорелась аптека, после пламя перекинулось на конюшни и сараи. Таким образом, огонь подошел к одному из корпусов. В Корделожи и Окружном строении воспламенились оконные рамы. Тутолмин вместе с воспитанниками тушили огонь несколько ночей, не щадя себя и своих сил. При этом он находил силы для того, чтобы несколько раз возвращаться к детям и приставникам, находящимся в Квадратном дворе, пытаясь избавить их от страха и возможной гибели. Благодаря своим отчаянным дей-

ствиям, чести и отваге, Туттолмин смог спасти всех детей от гибели [9, с. 210].

Сгорели здание аптеки вместе со всеми медикаментами, а также дом акушера Танненберга. В Инвалидном доме был поврежден один угол [10, с. 110]. Хотя Воспитательный дом и был спасен от пожара, но около него постоянно ходили поджигатели. Поэтому из чиновников и служителей были организованы обходы вокруг Дома, а со всех его сторон была поставлена вода.

Наряду с трагедией пожара, к Дому постоянно подкрадывались мародеры французской армии, даже несмотря на находившийся в нем французский караул, который, к слову сказать, не особо и пытался справляться со своими полномочиями [10, с. 110]. Однако Земцов В.Н. утверждает, что со стороны мародеров не было сделано ни одной попытки грабежа или другого насилия. Таким образом, мы видим очередное противоречие во взглядах исследователей. Стоит отметить, что попытки грабежей дома действительно могли быть, поскольку мы знаем, что неприятельская армия находилась на стадии разложения. И часто солдаты не подчинялись командному составу.

Для предотвращения попыток грабежей у ворот Дома были поставлены носители французского языка. Среди них были служащие и посторонние, прибывшие в Дом. Также у всех ворот были поставлены доски с французскими надписями, что это заведение есть Дом несчастных детей и детей-сирот. Даже при таких распоряжениях нельзя было избежать беспокойств. Но, тем не менее, внутри Дома все были избавлены от бедствий, а за ворота старались не выходить, чтобы не быть ограблен-

ными [10, с. 111]. Московский Воспитательный дом устоял от пожара, однако, при подрыве французами Кремля, окна и двери здания были выбиты ударной волной от взрыва. А восточное строение дома было французами разграблено. Впрочем, разграблению подверглась большая часть известных строений [2, с. 8].

3 сентября Туттолмин получил известие, что русские больные и раненные, находящиеся в Екатерининском и Александровском училищах, содержатся без пищи и должного присмотра. А мертвые были не похоронены. При всем своем желании помочь Туттолмин не смог этого сделать.

Об отношении французов с русскими ранеными солдатами мы можем узнать из прошения штабс-капитана Буофала. Он был помещен в Инвалидное заведение Шереметьевой, в котором находился в числе больных. В момент очищения госпиталя французами, его выбросили со второго этажа вместе с почившими людьми. Буофала спустя несколько дней снова поместили в госпиталь [6, с. 115]. Можем полагать, что это был далеко не единичный случай

4 сентября, как нам известно, Наполеон, спасаясь от пожаров, покинул Кремль и отправился в Петровский дворец. 6 сентября, возвращаясь обратно по набережной Москвы-реки от Москворецкого моста в сторону Яузы, Наполеон увидел Воспитательный дом целым. «Император проезжал по большой набережной Москвы-реки, – писал секретарь-архивист Наполеона Фэн, – и увидел, что Воспитательный дом остался цел. Он обратился к своему секретарю-переводчику Лелорню: «Поезжайте и посмотрите от моего

имени, – сказал он, – что случилось с этими маленькими несчастными» [6, с. 114].

Таким образом, мы видим явную заинтересованность Наполеона в благополучии детей. Война показала, что нет разделения детей на своих и чужих. Французский император на примере Воспитательного дома стремился показать, как он пытался бы выстраивать отношения с оставшимся местным населением, если бы не было того страшного пожара [8, с. 125]. Несмотря на отсутствие продовольствия в армии и сложное положение оставшихся в городе москвичей, Воспитательный дом снабжался всем необходимым [8, с. 125].

Туттолмин всячески пытался продемонстрировать Марии Федоровне учти- тивое отношение французов к обыва-

телям Дома. Все воспитанники и штат не пострадали, не подверглись грубому обращению [8, с. 125].

Таким образом, мы видим, что над- зирателю Воспитательного дома Туттол- мину удалось организовать снабжение детей продовольствием и медикамен- тами, а главное, отстоять сохранность всех зданий от пожара, бушевавшего в непосредственной близости. При этом Наполеон не всегда был жестоким, та- ким как он порой представлен в оте- чественной историографии. Дети-си- роты и бесстрашие Туттолмина смогли растопить сердце великого полковод- ца. Война сняла ярлыки на разделение детей на своих и чужих. А может, в полководце играли его отцовские чув- ства, ведь он был вдалеке от сына.

Статья поступила в редакцию 16.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбицкий В., Шер С. Императорский московский Воспитательный дом во время Отечественной войны 1812 г.// Вопросы современной педиатрии. 2010. № 9(2). 190–193 с.
2. Артамонов М. Московский воспитательный дом// Московский журнал 2017. № 6(318) 7–15.
3. Васькин А. А. Как москвичи в 1812 году Воспитательный дом отстояли // Московский журнал. 2012. № 4. 6–15 с.
4. Васькин А.А. «Москва, спаленная пожаром». Первопрестольная в 1812 году. М.: Спутник+, 2012. 320 с.
5. Земцов В.Н. Русские дети Наполеона, или Московский Воспитательный дом // Зна- ние-сила. 2011. №10. 16–18 с.
6. Земцов В. Н. Наполеон в Москве. М.: ООО Медиа-Книга, 2014. 364 с.
7. Кудрин В.А. Да, были люди в наше время... (К 200-летию Победы в Отечественной во- йне 1812 года)// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (54). 18–25 с.
8. О.В. Соколов. Французы в Москве: Взгляд российского историка // Вестник Санкт- Петербургского университета 2016. №1. 123–129 с.
9. Фруменкова Г. Петербургский воспитательный дом и Франция (вторая половина XVIII – начало XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена 2004 . № 7. С. 208–219.
10. Яновский А.Д. Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные докумен- ты из собрания отдела письменных источников Государственного исторического му- зея. М.: 2012. 448 с.

REFERENCES

1. Al'bitskii V., Sher S. [Imperial Moscow Educational house during the war of 1812]. In: *Vo-prosy sovremennoi pediatrii*, 2010, no. 9 (2), pp. 190–193.
2. Artamonov M. [The Moscow foundling]. In: *Moskovskii zhurnal*, 2017, no. 6 (318), pp. 7–15.
3. Vas'kin A.A. [How the Muscovites defended the Orphanage in 1812]. In: *Moskovskii zhurnal*, 2012, no. 4, pp. 6–15.
4. Vas'kin A.A. *Moskva, spalennaya pozharom». Pervoprestol'naya v 1812 godu [Moscow scorched by fire". The capital in 1812]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2012. 320 p.*
5. Zemtsov V.N. [Russian children of Napoleon, or Moscow Orphanage]. In: *Znanie-sila*, 2011, no. 10, pp. 16–18.
6. Zemtsov V.N. *Napoleon v Moskve [Napoleon in Moscow]. Moscow, OOO Media-Kniga Publ., 2014. 364 p.*
7. Kudrin V.A. ["Yes, there were people in our time..." (the 200th anniversary of the victory in the Patriotic war of 1812)]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2013, no. 2 (54), pp. 18–25.
8. Sokolov O.B. [The French in Moscow: a view by a Russian historian]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2016, no. 1, pp. 123–129.
9. Frumenkova G. [St. Petersburg foundling hospital and France (second half of XVIII - beginning of XX century)]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2004, no. 7, pp. 208–219.
10. Yanovskii A.D., Petrov F.A. *Moskva v 1812 godu. Vospominaniya, pis'ma i ofitsial'nye dokumenty iz sobraniya otdela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Moscow in 1812. Memories, letters and official documents from the collection of the Department of written sources of the State Historical Museum]. Moscow, Yazykislavyanskoikul'turyPubl., 2012. 448 p.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Мария Николаевна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: maripavlova2007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya N. Pavlova – postgraduate student, Department of Russian history, Middle ages and modern times, Moscow Region State University;
e-mail:maripavlova2007@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Павлова М.Н. Московский воспитательный дом в сентябре–октябре 1812 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 74–79.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-74-79

FOR CITATION

M. Pavlova. Moscow educational house in September – October 1812. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2018, no. 3, pp. 74–79.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-74-79

УДК 93 (37) (34)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-80-85

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Мозжегоров А.Б.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В настоящей статье автор попытался показать влияние Государственного совета Российской империи на реформирование системы образования в начале XIX в. Указанная реформа примечательна тем, что ее можно считать одной из первых фундаментальных реформ просвещения в России в начале XIX в. Автор подробно останавливается на анализе основных решений Государственного совета по вопросам образования. Отдельно освещается вопрос реформирования Министерства народного просвещения, при этом в настоящей статье рассмотрен в динамике вопрос об определении ведомственной принадлежности организаций народного просвещения и сделана попытка определения начала зарождения основ инклюзивного образования в России.

Ключевые слова: Государственный совет Российской империи, реформа образования, Александр I, Министерство народного просвещения.

PARTICIPATION OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN EMPIRE IN REFORMING THE SYSTEM OF EDUCATION IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

A. Mozzhegorov*Moscow Region State University**10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. In this article the author made an attempt to show the influence of the State Council of the Russian Empire on the reform of the education system in the early nineteenth century. The reform mentioned is noteworthy as it can be considered one of the first fundamental educational reforms in Russia in the early 19th century. The author dwells in detail on the analysis of the main decisions of the State Council for Education. The issue of reforming the Ministry of Public Education is highlighted separately. The issue of determining the departmental membership of public education organizations and an attempt to determine the origin of the foundations of inclusive education in Russia is given in this article in dynamics.

Key words: State Council of the Russian Empire, education reform, Alexander I, Ministry of Education.

Путь реформ Александра I начался с центрального управления. Манифестом Александра I от 1 (13) января 1810 г. «Образование Государственного совета» в ходе проведения реформ государственного управления создан законосовещательный орган Российской империи – Государственный совет. Образование этого органа входило в план преобразования системы власти в России, разработанный М.М. Сперанским. Предшественником Государственного совета являлся Непременный совет (учрежден в 1801 г.), который неофициально именовался Государственным советом.

В структуру Государственного совета входили департаменты, одним из которых был департамент Государственной экономии, просуществовавший вплоть до 1906 г. В круг вопросов, рассматриваемых этим департаментом, входили вопросы торговли, финансов, промышленности и народного просвещения (образования) и науки. Председателем Государственного совета являлся император или один из членов по его назначению.

Государственный совет не являлся органом законодательной власти, а был совещательным органом при разработке нормативных правовых актов. Основной его задачей было осуществление централизации законодательного процесса, обеспечение единообразия правовых норм и недопущения противоречия в законах.

Манифестом императора Александра I от 8 (20) сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» [3] создается Министерство народного просвещения, которое стало правопреемником Комиссии об учреждении народных училищ. В результате министерской

реформы Комиссия об учреждении народных училищ вошла в состав Министерства народного просвещения, предметом ведения которого были: «все ученые общества, академии, университеты, все общие учебные заведения, исключая духовные, военные и те училища, кои особенно учреждены для образования юношества к отдельной какой-либо части управления, как-то: Горный корпус и другие сему подобные установления, кои, находясь в особенном ведомстве, сохраняют однако же в делах общих нужную связь и сношение с министром просвещения» [2].

На пост руководителя Министерства народного просвещения был назначен П.В. Завадовский, который возглавлял Комиссию составления законов (1801–1802 гг.), вошедшую впоследствии в состав Государственного совета Российской империи.

В состав Министерства народного просвещения было включено Главное Училищ Правление. 27 июня 1803 г. при непосредственном участии первого министра народного просвещения П.В. Завадовского при Главном Училищ Правлении был создан комитет для рассмотрения учебных книг.

В 1803 г. было принято Положение об устройстве учебных заведений. Данное положение впервые установило принципы системы образования, к которым необходимо отнести: бессословность учебных заведений, бесплатность обучения на низших его ступенях, преемственность учебных программ. Система образования была поделена на уровни в соответствии с административно-территориальным делением, а именно: в крупных городах – университет, в губернских городах – гимназии, в уездах – училища, в

церковных приходах – одноклассные училища. Однако во второй половине правления Александра I начали создаваться привилегированные образовательные организации – лицеи: 1811 г. – Царскосельский (г. Пушкин, Царское село), 1817 – Ришельевский (г. Одесса), 1820 г. – Нежинский (г. Нежин).

С 1803 г. в ведение Министерства также перешла Императорская академия наук.

Министерство народного просвещения руководило, прежде всего, составлением уставов и правил для университетов, учебных заведений среднего и низшего звена, снабжением их учебной и иной литературой. Кроме всего прочего, в предмет ведения министерства входили вопросы назначения, перемещения и освобождения от должности профессорско-преподавательского состава.

Одним из важных вопросов для того периода времени в сфере образования, рассмотренных Государственным советом, был вопрос о возможности передачи Комиссии об учреждении народных училищ от губернских начальников права назначения директоров в подведомственные ей училища (1801 г.). В своей записке Комиссия отмечала, что в ряде губерний руководители училищ не занимаются управлением вверенными им учреждениями. Вместе с тем губернаторы назначают на места директоров не по воле, а по «полезности и политическому умозрению».

В результате рассмотрения данного вопроса Государственный совет рекомендовал оставить за губернаторами право назначения директоров училищ. Однако отметил, что в случае допущения злоупотреблений: назначения по

пристрастию или в случае отсутствия подходящих кадров назначение производить исключительно посредством направления кандидата на должность директора в Комиссию, которая и должна определить и назначить на должность лучшего из кандидатов.

Вместе с тем Государственный совет изложил основные профессиональные характеристики руководителя образовательного учреждения, которые актуальны и по сей день. Государственный совет полагал, что «в директора должны быть избираемы люди достойные, он должен любить науку, порядок и добродетель; доброхотствующий юношеству и знающий цену воспитанию он смотрит за исполнением должностей всех подчиненных, принимает месячные рапорты от учителей, дает свидетельства выучившимся учебному методу, старается о благе учителей, наблюдает за приемом учеников в школу ...» [4, с. 668].

5 (17) ноября 1804 г. утвержден «Устав учебных заведений, подведомственных университетам», согласно которому создавалась сеть местных учебных заведений, носивших всесословный характер [5].

На заседаниях Государственного совета Российской империи рассматривались вопросы финансирования образовательных организаций. Так, 3 февраля 1802 г. на заседании Государственного совета Российской империи был заслушан доклад генерал-прокурора «О средствах распространения и усовершенствования Московского университета». В результате рассмотрения доклада была отмечена особая социальная значимость образовательных организаций в «приготовлении людей способных на службу» [3, с. 670].

В январе 1803 г. в России утверждены Предварительные правила народного просвещения [1]. В основу Правил была положена идея общеобразовательной школы. Вся территория Российской империи была поделена на 6 учебных округов, каждый из которых находился под попечительством одного из членов «высшего правления».

Государственный совет не обходил вниманием рассмотрение вопросов об образовании лиц с ограниченными возможностями. В мае 1805 г. в Государственный совет Российской империи поступило письмо графа Ильинского с предложением создать институт для глухих и немых в принадлежащем ему поместье. Государственный совет поддержал эту инициативу и повелел Ильинскому «привести оное в исполнение».

С 1804 г. и вплоть до 1826 г. за Министерством народного просвещения была закреплена функция по осуществлению цензуры печати. Для этой цели при университетах создавались специальные цензурные комитеты и утвержден цензурный устав.

В 1810 г. на пост министра народного просвещения назначен А.К. Разумовский. В первые два года его управления Министерством в Государственный совет Российской империи были внесены целый ряд проектов. По итогам их рассмотрения были открыты дополнительно 72 приходские школы и 24 уездных училища. При личном содействии А.К. Разумовского разработан устав Императорского Царскосельского лицея и состоялось его торжественное открытие.

В период деятельности министра народного просвещения А.Н. Голицына (10.08.1816–15.05.1824 гг.) вектор

развития российского образования был изменен. А.Н. Голицын провозгласил благочестие основанием истинного просвещения и взял курс на клерикализацию образования. В связи с этим усилилась цензура за авторами и печатными изданиями того времени.

С 1810 г. А.Н. Голицын вошел в состав Государственного совета Российской империи, в котором продолжал продвижение идеи клерикализации образования.

В результате реформ 1817 г. Министерство народного просвещения, Главное управление духовных дел православного исповедания Святейшего Синода и Главное управление духовных дел иностранных исповеданий объединены в Министерство духовных дел и народного просвещения. Позднее в 1820 г. во все университеты была направлена инструкция о «правильной» организации учебного процесса.

Управление А.Н. Голицына духовным ведомством ознаменовало реформу духовных школ. Во главе всего духовно-учебного дела учреждена Комиссия духовных училищ из высших духовных и светских сановников. Духовные школы были созданы в виде сословных школ смешанного типа, с общеобразовательными и специальными курсами вместе. Образование в них стало обязательным для детей духовенства.

Подводя итоги, необходимо отметить, что Государственный совет Российской империи сыграл немаловажную роль в формировании и развитии системы российского образования. Министерством народного просвещения при содействии Государственного совета Российской империи были созданы народные школы, в уездах

— уездные училища, в губерниях — гимназии; были учреждены учебные округа, изданы уставы университетов и основаны Казанский, Харьковский и Дерптский университеты, открыт Петербургский педагогический институт. Необходимость создания университетов в России было обусловлено тем, что они являлись не только учебно-научными организациями, но и органами управления учебными заведениями в целом (в том числе с автономией в вопросах внутреннего управления

и суда) вокруг которых создавались учебные округа. Такая структура российской образовательной системы (сеть мощных концентров с попечителями во главе) была обусловлена историческими особенностями страны, в частности, ее огромными пространствами и крайней бедностью материальных и финансовых ресурсов, нехваткой культурного опыта и педагогических кадров.

Статья поступила в редакцию 04.05.2018

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.). М.: Педагогика, 1987. 560 с.
2. Манифест 25 июня 1811 г. об «Общем учреждении министерств» // Российское законодательство X-XX вв.: в 9-ти т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / Отв. ред. О.И. Чистяков. М., Юридическая литература, 1988. С. 92–134.
3. Манифест 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» // 100 главных документов российской истории [сайт]. – URL: <http://doc.histrf.ru/19/manifest-ob-uchrezhdenii-ministerstv/> (дата обращения 06.05.2018).
4. Россия. Государственный совет. Архив. Архив Государственного совета: в 5-ти т. Т. 3: Царствование императора Александра I-го (1801–1810 гг.) [Ч. 2]. СПб.: 1878. 1276 стб.
5. Устав учебных заведений, подведомственных университетам (1804 г.) / Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина [сайт]. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13661> (дата обращения 06.05.2018).

REFERENCES

1. Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii pervoi poloviny XIX v. (do reform 60-kh gg.) [Anthology of pedagogical thought of Russia in the first half of the XIX century (before the reforms of the 60s)]. Moscow, Pedagogika Publ., 1987. 560 p.
2. Manifest 25 iyunya 1811 g. ob «Obshchem uchrezhdenii ministerstv» [Manifesto of 25 Jun 1811, on "General establishment of ministries"] Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9-ti t. T. 6. Zakonodatel'stvo pervoi poloviny XIX veka / Otv. red. O.I. Chistyakov [Russian law X–XX centuries: in 9 vols. Vol. 6. Legislation of the first half of the XIX century / Ed. the editorship of O.I. Chistyakov]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1988, pp. 92–134.
3. Manifest 8 sentyabrya 1802 g. «Ob uchrezhdenii ministerstv» // 100 glavnykh dokumentov rossiiskoi istorii [The Manifesto of 8 September 1802, "On the establishment of the ministries" / top 100 documents of Russian history [website]]. Available at: <http://doc.histrf.ru/19/manifest-ob-uchrezhdenii-ministerstv> (accessed: 06.05.2018).
4. Rossiya. Gosudarstvennyi sovet. Arkhiv. Arkhiv Gosudarstvennogo soveta: v 5-ti t. T. 3: Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I-go (1801–1810 gg.) Ch. 2. [Russia. The Council of State. The Archive. The Archive of the State Council: in 5 v. V. 3: the Reign of Emperor Alexander I (1801–1810.). Part. 2. SPb.: 1878.

5. Ustav uchebnykh zavedenii, podvedomstvennykh universitetam (1804 g.) / Muzei istorii rossiiskikh reform imeni P.A. Stolypina [The regulations of schools under the jurisdiction of the universities (1804) / Museum of the History of Russian reforms named after P. A. Stolypin [website]]. Available at: <http://museumreforms.ru/node/13661> (accessed: 06.05.2018).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозжегоров Артем Борисович – начальник правового управления Московского государственного областного университета;
e-mail: 99-99-11@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem B. Mozzhegorov – head of the Legal Department, Moscow Region State University;
e-mail: 99-99-11@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мозжегоров А.Б. Участие Государственного совета Российской империи в реформировании системы образования в первой четверти XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 80–85.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-80-85

FOR CITATION

A. Mozzhegorov. Participation of the State Council of the Russian Empire in reforming the system of education in the first quarter of the XIX century. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 80–85.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-80-85

УДК 94 (47).083

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-86-94

УЧАСТИЕ ЧИНОВ ЖАНДАРМСКОГО ВЕДОМСТВА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ В СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Румянцев П.П.*Томский государственный университет**634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуется вопрос о роли жандармских штаб-офицеров в совершенствовании технической стороны частной золотопробышленности в Сибири в середине XIX в. Автор обращается к жандармской документации для выявления этой роли. Основными источниками для написания статьи послужили архивные материалы, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Автор пришел к выводу о заинтересованности штаб-офицеров Корпуса жандармов в техническом прогрессе процесса золотодобычи, а также представленное исследование хорошо продемонстрировало механизм взаимодействия жандармского ведомства с исполнительной властью как высшей, так и на местах.

Ключевые слова: XIX в., Сибирь, жандармерия, надзор, золотопробышленность, техника добычи золота.

THE PARTICIPATION OF GENDARME STAFF OFFICERS IN IMPROVING THE TECHNICAL BASE OF THE GOLD INDUSTRY IN SIBERIA IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

P. Rumyantsev*Tomsk State University**36, Lenin prosp, Tomsk 634050, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of the gendarme staff officers' role in improvement of technical aspect of private gold mining in Siberia in the middle of the 19th century. The author addresses gendarme documentation for finding out this role. The main sources for writing the article are archival materials, the majority of which is for the first time introduced for scientific use. The author has come to the conclusion that the gendarme staff officers were interested in technical progress of the gold mining process. Besides, the presented research has demonstrated the mechanism of the gendarme department interaction with the executive power both central and local.

Key words: 19th century, Siberia, gendarmerie, supervision, gold mining, technology of gold mining.

Жандармский надзор за частной золотопромышленностью в Сибири появился как ответная реакция правительства на выступления приисковых рабочих, произошедших в большом количестве на рубеже 30-х – 40-х гг. XIX в. Такое решение было вполне обоснованным в русле политики, проводимой центральной имперской властью в ту эпоху. Корпус жандармов, как известно, появился в 1827 г., и на его сотрудников возлагалось исполнение большого круга обязанностей, которые первоначально сводились к наблюдению за деятельностью местной администрации и общественным мнением. В дальнейшем выполняемые жандармскими чинами функции постоянно расширялись, и они уже исполняли обязанности комендантов ярмарок, следили за правильностью проведения рекрутских наборов, а также важной обязанностью для них стало наблюдение за политическими преступниками, отбывавшими наказания в различных районах империи. Тем самым жандармское ведомство стало для центральной власти своеобразным «всевидящим оком», имея достаточно объективную информацию о положении дел в том или ином регионе. Поэтому нет ничего удивительного, что было принято решение задействовать жандармерию для осуществления надзора за деятельностью частных золотых промыслов, когда по ним в указанное время прокатилась волна выступлений рабочих.

В представленной статье будет предпринята попытка выявления роли жандармских штаб-офицеров в совершенствовании технической стороны частной золотопромышленности в Сибири – вопрос, нашедший отра-

жение в жандармской документации. Необходимо отметить, что история появления и функционирования жандармского надзора только с недавнего времени попала в сферу обзора отечественных исследователей [1–7], однако поднятый нами вопрос не рассматривался в исторической науке, что актуализирует наше исследование. Хронологические рамки исследования – 40-е – 50-е гг. XIX в., когда существовали специальные должности жандармских штаб-офицеров, находящихся на частных золотых приисках в Западной и Восточной Сибири.

Жандармский надзор за частными золотыми промыслами был учрежден по инициативе высшей местной исполнительной власти в регионе – генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков 8 марта 1841 г. обратился к шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, подробно перечислив негативные явления, сопровождающие развитие местной золотопромышленности, в заключение указав главную причину своего отношения: «...почему и обращаюсь к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбой – исходатайствовать Высочайшее соизволение на определение для наблюдения собственно за порядком на частных золотых приисках особого благонадежного офицера от Корпуса Жандармов, который находился бы там постоянно во время производства работ и об оказываемся доносил непосредственно мне и Начальнику 8-го округа Корпуса Жандармов»¹.

Необходимо отметить, что по инструкции, данной жандармским штаб-офицерам, осуществляющим надзор

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 541. Л. 1 об.

за частной золотопромышленностью в Сибири, требовалось, прежде всего, личное присутствие в летнее время на золотых промыслах, где в первоочередную их обязанность входило наблюдение за рабочей командой: проверять правильность всех разрешительных документов для работы на промыслах, следить за материально-бытовым положением работников, принимать жалобы как от рабочих, так и от хозяев промыслов и т. п. [3]. Однако, как видно из жандармской делопроизводительной документации, на этом деятельность их не ограничивалась: жандармские штаб-офицеры наблюдали за полицейской, технической, медицинской частями, церковной жизнью на приисках, состоянием дорог и пр. Обо всем этом жандармские чины в отдельных рапортах и ежегодных отчетах о состоянии местной золотопромышленности доносили начальнику 8-го (Сибирского) жандармского округа и генерал-губернаторам, на которые следовала реакция со стороны последних.

Первым жандармским штаб-офицером, назначенным для наблюдения за развитием частной золотопромышленности в Западной Сибири, стал майор Иван Михайлович Огарев, к тому моменту исполнявший обязанности штаб-офицера жандармского ведомства в Тобольской губернии. Уже в первом своем отчете о состоянии местного золотого промысла (1842 г.) Огарев акцентировал внимание своего начальства на деятельности управляющего Аполлоновского прииска золотопромышленной компании Поповых помещика Бурлакова, который «...изобрел самый малосильный механизм, так что обыкновенный плотник устроить ее может и будет стоить только

1200 руб., промывает золотоносного песку до 20 тыс. пудов с 5 часов и до 4-х часов вечера, а прежние дорогие машины до 8 тыс.»¹. В конце своего отчета Огарев приложил на 4-х листах чертежи изобретения Бурлакова под названием «План золотопромывальной фабрики, устроенной в виде сельской сновалки при Аполлоновском промысле наследственной компании гг. Поповых каинским помещиком Львом Бурлаковым в 1842 году».

Огарев на имя своего руководства – начальника 8-го округа Корпуса жандармов генерал-майора Н.Я. Фалькенберга – выступил с идеей правительственного поощрения Бурлакова за его изобретение. Фалькенберг, в свою очередь, по этому вопросу обратился к шефу жандармов – Александру Христофоровичу Бенкендорфу. Последний вошел в положение и 13 ноября 1842 г. отношением за № 4262 обратился к министру финансов Е.Ф. Канкрину, где кратко перечислял достоинства нового изобретения, подытоживая свое обращение тем, что изобретатель не искал личной выгоды, а потому «ходатайство генерал-майора Фалькенберга о награждении его серебряной медалью я признаю вполне заслуживающим внимания и приемлю честь покорнейше просить Ваше Сиятельство удостоить оное милостивым Вашим покровительством»².

Однако на этом отношении по вопросу о награждении Бурлакова медалью за его изобретение переписка между шефом жандармов и министром финансов не окончилась. Бенкендорф оказался в этом вопросе настойчи-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 64. Д. 169. Л. 19.

² Там же. Л. 2–2 об.

вым, стараясь довести до логического завершения свое предложение о награде. Так, в следующем своем отношении (№ 394 от 2 февраля 1843 г.) он напоминал главе финансового ведомства о своем ходатайстве насчет награждения Бурлакова, отправляя также «копии с трех документов, выданных Бурлакову и свидетельствующих о существенной пользе приносимой его изобретением», которое будет способствовать «бескорыстному распространению оного на пользу золотопромышленников, сопряженную с казенным интересом»¹.

И действительно, к этому отношению прилагались три копии следующих документов. В первом из них, от Каинской городской ратуши, сообщалось, что Бурлаков 40 лет от роду, православный, женат, в штрафах и под судом не состоял, с 1843 г. на 3 года избран в должности заседателя этой ратуши, а общий тон этого документа свидетельствует о добропорядочном образе Бурлакова. Второй документ был написан горным ревизором маркшейдером 9-го класса Мейгинером, утверждавшим о несравненном удобстве и выгоде изобретения Бурлакова, которое требует малое количество людей и может промывать от 16 тыс. до 20 тыс. пудов породы в день, в то время как другие машины промывают от 6 тыс. до 8 тыс. пудов. И, наконец, третий документ был составлен от имени золотопромышленников И.Д. Асташева, Ф. Горохова, А. и Х. Поповых, А. и Н. Филимоновых и полковника М. Атапова. Они писали, что машина Бурлакова несравненно удобнее прежних, изобретенных на Урале: устройство ее достаточно простое и собрать

ее сможет любой плотник, а сама сборка обходится довольно дешево. Помимо прочего, эксплуатация машины, по их мнению, требует в три раза меньше людей и лошадей, «...не нужно промышленнику заботиться, что она повредится и сделает остановку, как это обыкновенно бывает там, где устроены чугунные механизмы...». В итоге и они приходили к выводу, что машина принесет большую пользу всем золотоискателям².

Однако на этом ходатайства о поощрении Бурлакова за его изобретение не заканчивались. Томский гражданский губернатор и по совместительству Главный начальник Алтайских горных заводов С.П. Татаринов рапортом № 62 от 14 января 1843 г. обратился к главноуправляющему корпусу горных инженеров. В нем он также перечислял достоинства изобретения и просил рассмотреть вопрос о награждении Бурлакова. Ученый комитет Корпуса горных инженеров высоко оценил новшество Бурлакова, посчитав, что «...машина сия <...> по общему удобству расположения частей, удостоверенному уже опытом, заслуживает особое внимание, посему Комитет и полагает поместить описание и чертеж сей машины в "Горном журнале"»³.

В итоге все эти ходатайства возымели должную силу на министра финансов Е.Ф. Канкрин, который 26 февраля 1843 г. отношением «О награждении каинского мещанина Льва Бурлакова серебряной медалью» обратился к императору. В нем он перечислил следующие достоинства изобретения: «1) на ней промывается золотосодержащих песков в дневной урок более нежели в

² Там же. Л. 36–39.

³ Там же. Л. 40–41 об., 49–49 об.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 169. Л. 35–35 об.

двое; 2) механизм состоит почти из одного дерева и до того малосложен, что может быть устроен всяким плотником; устройство этой машины стоит не более 1 200 руб. асс., тогда как устройство прежних машин стоило до 8 тыс. руб.; 3) при машине требуется менее рабочих и лошадей и они не подвержены никакому опасению. Машину эту предположено ввести и на казенных золотых промыслах Алтайского горного округа». Резюмируя все сказанное, Канкрин ходатайствовал о награждении Бурлакова серебряной медалью с надписью «за полезное» для ношения на Анненской ленте, на что Николай I наложил резолюцию «согласен»¹.

Вскоре «награда нашла своего героя». Министр императорского двора П.М. Волконский 3 марта 1843 г. отправил Канкрину запрашиваемую медаль с Анненской лентой для ношения на шее. А уже 8 мая Главный начальник Алтайских горных заводов написал главноуправляющему Корпуса горных инженеров, что 3 мая он получил эту медаль и ленту и сделал распоряжение о передаче её Бурлакову².

История с награждением Бурлакова демонстрирует, насколько непросто было получить правительственное поощрение за техническое изобретение. Также из этой истории хорошо просматривается интерес со стороны жандармского ведомства, выступившего первоначальным инициатором награждения изобретателя и внедрения его в производство. В этом случае жандармские чины исходили из казенных интересов, считая, что это изобретение будет способствовать уменьшению количества рабочих, выполнявших самые простые

операции, а также приведет к механизации процесса золотодобычи, что в конечном итоге обернется увеличением количества добываемого золота.

Из дальнейших жандармских отчетов о состоянии частной золотопромышленности видно, что изобретение Бурлакова прижилось и использовалось: это видно из отчета того же жандармского подполковника Огарева за следующий, 1843 г.³ Более того, из отчета полковника Д.Г. Пономарева, который в 1844 г. сменил Огарева на посту жандармского офицера, наблюдавшего за частной золотопромышленностью в Западной Сибири, следует, что Бурлаков на прииске Шалтыр-Кожухском компании наследников коммерции советника Попова внес усовершенствования в конструкцию изобретенной им машины, и теперь она «промыывает от 24 до 32 тыс. пудов песка в день, занимая людей менее, нежели сколько употребляется для машины, промывающей 16 тыс. пудов песка в день»⁴.

Жандармские офицеры, наблюдавшие за состоянием частной золотопромышленности в Восточной Сибири, тоже обращали свое внимание на техническую сторону процесса золотодобычи. Так, уже первый жандармский штаб-офицер на этой должности, полковник Я.Д. Казимирский, выступил с целой серией предложений по оптимизации этого процесса. Так, одно из его предложений сводилось к тому, что «для сбережения рук, в которых большой недостаток на сибирских промыслах понудить золотопромышленников в тех работах их, кои возможно, заменить лошадьми и машинами». Специально созданный комитет

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 169. Л. 51–52.

² Там же. Л. 57–59.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 593. Л. 18, 22.

⁴ Там же. Д. 635. Л. 10 об.

по рассмотрению предложений этого жандармского штаб-офицера признал актуальность этой идеи, предложив «Внушить золотопромышленникам, что собственная польза их требует дабы они более старались заменить на промыслах своих ручную работу лошадьми и машинами конными, вододействующими, либо паровыми, сообразно местным способом»¹.

В своем отчете о состоянии частного золотого промысла в Восточной Сибири за 1844 г. Казимирский положительно оценивал стремление ряда промышленников к механизации процесса золотодобычи, приводящего к сокращению количества рабочих рук, чего, как мы уже выяснили, и добились жандармские штаб-офицеры, олицетворявшие правительственный надзор за частной золотопромышленностью в Сибири. Казимирский, так же как и жандармские штаб-офицеры в Западной Сибири, указывал в своих отчетах примеры совершенствования техники добычи золота. Так, на Спаском прииске Компании коммерции советника Мясникова он выделял паровую машину «...в десять сил для движения 4 борон, протирающих на решетках золотоносные пески, каждая борона протирает хозяйских песков в день с 5 часа утра по 4-й пополудни по 3000 пудов и после сего времени протирает старательских песков по 2000 пудов, а всего на 4-х боронах в день промывается 20000 пудов»².

Как следует из жандармских отчетов, совершенствование процесса золотодобычи в Сибири происходило медленно, долгие годы в этом деле не было никаких технических прорывов.

По сути, золотопромышленники использовали все те же механизмы, появившиеся в первые годы развития золотого промысла в Сибири, и которые, естественно, имели свои недостатки. Жандармский полковник Пономарев в отчете о состоянии частной золотопромышленности в Западной Сибири за 1852 г. указывал, что по причине несовершенства машин достаточное количество золота попросту не промывается и остается в отвалах горных и земных пород, что заставляет золотопромышленных деятелей приступать к повторной промывке этих пород³.

Тем самым можно сделать вывод, что золотопромышленниками упор делался не на механизацию производства золотодобычи, а на рабочую силу, количество которой с каждым годом становилось все больше и больше, что также зафиксировано в отчетах жандармских чинов. Если в 1842 г. рабочих на всех промыслах Восточной Сибири находилось до 11 тыс., то в 1857 г. численность выросла до цифры в 27 тыс.⁴

Эта ситуация не вызывала удовлетворения у жандармских чинов, которые с каждым годом всё скептичнее относились к перспективам развития золотодобычи. Так, в отчете о состоянии частной золотопромышленности в Восточной Сибири за 1856 г. жандармский полковник Мосолов писал, что «большинство же [приисков] остается еще при тех машинах, которые изобретены без пособия науки, как бы ощупью, наглядно, и, следовательно, не приносят той пользы и той экономии в живых силах, которые доставить

³ Государственный исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3242. Л. 2 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 593. Л. 12; Ф. 109. Оп. 78. Д. 19. Л. 584.

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 775. Л. 1 об.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 635. Л. 66 об.–67.

могут хорошие машины». В качестве выхода из этой ситуации Мосолов предлагал за общий счет владельцев промыслов содержать на каждой золотоносной системе одного-двух механиков, «обязанностью которых было бы всевозможно улучшать машины, согласно местным требованиям каждого прииска и руководить при постройке таковых на всех приисках»¹.

Резюмируя все сказанное, можно сделать следующие выводы. Деятельность жандармских штаб-офицеров в рамках правительственных мер по надзору за состоянием частной золотопромышленности в Сибири в середине XIX в. была многогранной. Жандармские чины в своих рапортах и отчетах не только фиксировали случаи происшествий, нарушений, злоупотреблений, происходящих в местной золотопромышленной сфере, но также выступали с предложениями, направленными на улучшение положения в этой отрасли производства, в чем можно увидеть их прямую заинтересованность в деле развития золотопромышленности в Сибири. Как видно из нашего исследования, особое внимание жандармские штаб-офицеры уде-

ляли технической стороне процесса золотодобычи, ее механизации, что, по их мнению, могло бы способствовать, с одной стороны, увеличению количества добываемого золота, а с другой стороны, сокращению количества рабочих, на содержание которых у владельцев золотопромышленных предприятий уходило достаточно средств, соответственно для самих жандармских чинов в этой связи облегчался бы надзор за массой рабочего народа. Сокращение числа рабочих жандармов устраивала еще и потому, что это могло бы вести к снижению и числа волнений. Тем самым можно заключить, что такая позиция жандармского ведомства преследовала интересы как казны, так и самих золотопромышленников. Жандармское ведомство, используя свое привилегированное положение в структуре центральной власти, способствовало продвижению вопроса о техническом совершенствовании процесса золотодобычи и стремилось к поощрению изобретателей, как это видно на примере изобретения каинского мещанина Бурлакова.

Статья поступила в редакцию 02.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакшт Д.А. Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной сибирской золотопромышленностью в первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 5–11.
2. Бакшт Д.А., Румянцев П.П. «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 5–10.
3. Бибиков Г.Н. «Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям» инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. // Исторический архив. 2017. № 2. С. 166–171.

¹ Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 593. Л. 165.

4. Бибииков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24.
5. Зиновьев В.П. Жандармско-полицейская отчетность как источник по социальному облику рабочих Сибири в XIX веке // Документ в контексте истории: материалы II Международной научной конференции. Омск: ОмГУ, 2009. С. 28–33.
6. Румянцев П.П. Борьба надзирающих за частной золотопромышленностью в Сибири жандармских штаб-офицеров с коррумпированностью волостного крестьянского правления // Восточно-Европейский научный вестник. 2017. № 2 (10). С. 60–64.
7. Rumyantsev P. The Efficiency of Gendarme Supervision of a Private Gold Mining in Western Siberia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Relationship with Local Executive Power) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. P. 487–494.

REFERENCES

1. Baksht D.A. [The practice of appointing officers of the gendarmerie responsible for the supervision of private Siberian gold in the first half of the XIX century]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, no. 50, pp. 5–11.
2. Baksht D.A., Rumyantsev P.P. ["Police supervision" over private goldmining in Siberia (1870–1880-ies): its essence, forms and problems of implementation]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, no. 6 (44), pp. 5–10.
3. Bibikov G.N. ["To make the working people in the mines be in proper obedience to the local authorities," the instructions of the gendarmerie headquarters officers on the gold fields of Western and Eastern Siberia. 1842 y.] In: *Istoricheskii arkhiv*, 2017, no. 2, pp. 166–171.
4. Bibikov G.N., Baksht D.A. [The establishment of the gendarmerie surveillance in the gold mines of Siberia in 1841–1842]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, no. 3 (41), pp. 16–24.
5. Zinov'ev V.P. Zhandarmsko-politseiskaya otchetnost' kak istochnik po sotsial'nomu obliku rabochikh Sibiri v XIX veke [Gendarmerie-police reporting as a source of social image of the workers of Siberia in the XIX century] *Dokument v kontekste istorii: materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The document in historical context: materials of II International scientific conference]. Omsk, OmGU Publ., 2009, pp. 28–33.
6. Rumyantsev P.P. [The struggle with the corrupt peasant volost Board of the gendarme staff officers supervising the private goldmining in Siberia,]. In: *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi vestnik*, 2017, no. 2 (10), pp. 60–64.
7. Rumyantsev P. The Efficiency of Gendarme Supervision of a Private Gold Mining in Western Siberia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Relationship with Local Executive Power). In: *BylyeGody*, 2017, vol. 44, iss. 2, pp. 487–494.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект МК-2135.2018.6)

ACKNOWLEDGMENTS

The study was performed with financial support of the President of the Russian Federation grant for young Russian scientists (project МК-2135.2018.6).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Румянцев Петр Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета;
e-mail: petroom@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Peter P. Rumyantsev – PhD in History, Associate Professor of the Department of Domestic History, Tomsk State University;
e-mail: petroom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Румянцев П.П. Участие чинов жандармского ведомства в совершенствовании технической базы золотопромышленности в Сибири в середине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 86–94.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-86-94

FOR CITATION

P. Rumyantsev. The participation of gendarme staff officers in improving the technical base of the gold industry in Siberia in the middle of the 19th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 86–94.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-86-94

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-95-114

Ф.Е. КАПЛАН И ПОКУШЕНИЕ НА В.И. ЛЕНИНА 30 АВГУСТА 1918 Г.

Морозов К.Н.*Российская академия народного хозяйства и государственной службы**при Президенте Российской Федерации**119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1, Российская Федерация*

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотрение и анализ степени причастности и форм участия Ф.Е. Каплан в покушении на В.И. Ленина в ряде контекстов, и прежде всего – в контексте отношения к террору в эсеровской партии. В результате исследования автор приходит к выводу, что, будучи членом ПСР, Ф.Е. Каплан с весны 1918 г. обращалась к видным руководителям ПСР с предложением совершить покушение на Ленина, но, убедившись в невозможности получить разрешение на партийный акт (с правом на допросе объявить акт совершенным по поручению партии и назвать себя членом партии), пошла на индивидуальный акт (с выходом из партии и от своего имени и под свою ответственность), на который получила разрешение от члена ЦК ПСР и члена Московского Бюро ЦК ПСР Д.Д. Донского, поручившего Г.И. Семенову оказать ей содействие (чем он и воспользовался для выхода за допустимые рамки), и что именно Каплан стреляла в Ленина. Официальная версия, что покушение было произведено с санкции ЦК ПСР «Центральным боевым летучим отрядом» под руководством Г.И. Семенова, не соответствует действительности.

Ключевые слова: Партия социалистов-революционеров, терроризм, Гражданская война, В.И. Ленин, Ф.Е. Каплан, покушение на Ленина.

F. KAPLAN AND ATTEMPT ON LENIN'S LIFE ON AUGUST 30, 1918

K. Morozov*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration**82/1, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation*

Abstract. The purpose of this article is to review and analyze the degree of involvement and forms of F.E.Kaplan's participation in the attempt on V.I.Lenin in a number of contexts, and above all in the context of the attitude to terror in the Socialist-Revolutionary Party. As a result of the research, the author comes to the conclusion that, as a member of the PSR, F.E.Kaplan, from the spring of 1918, appealed to the prominent leaders of the PSR with the proposal to commit an attempt on Lenin, but making sure that it was impossible to obtain permission for a party act (with the right to declare the act committed on behalf of the party and call herself a member of the party while being interrogated), committed an individual act (with withdrawal from the party and on her own behalf and under her responsibility), to which she received permission from a member of the Central Committee of the PSR and a member of the Moscow Bureau of the Central Committee of the PSR, D.D. Donskoy, who entrusted G.I.Semenov to

© CC BY Морозов К.Н., 2018.

assist her (and Semenov used this fact in order to go beyond the permitted), and that it was Kaplan who shot at Lenin. The official version that the attempt was committed with the sanction of PSR Central Committee by "Central combat flying unit" headed by G.I. Semenov is not true.

Key words: Party of Socialist-Revolutionaries, terrorism, Civil War, V.I. Lenin, F.Ye. Kaplan, attempt on Lenin's life.

Покушение на Ленина 30 августа 1918 г. и роль в нем Ф.Е. Каплан продолжает волновать как историков, так и публицистов, добавивших к прежним оценкам и трактовкам новые версии. Диапазон существующих на сегодня версий (разной степени аргументированности и убедительности) достаточно велик – от официального обвинения в покушении ЦК ПСР, якобы давшего санкцию на совершение своей боевой структурой партийного акта, до утверждений о непричастности к нему ЦК ПСР и партии в целом; от отрицания факта того, что стреляла Каплан, и утверждений о полной фальсификации ее причастности к покушению до версий о «кремлевском заговоре»; от версий о причастности к покушению английских дипломатов и спецслужб до утверждений об инсценировке покушения самими большевиками [3; 4; 5; 7; 10; 12; 13; 17; 19; 20; 26; 27; 27; 28; 32; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 41].

Тема террора против большевистских лидеров в 1918 г. попала в поле исследовательского интереса автора в 1996 г., когда он включился в работу над сборником документов, посвященных судебному процессу с.-р. 1922 г. [30], где им был проанализирован ряд аспектов покушения на В.И. Ленина, проблемы статуса боевой группы Г.И. Семенова, возможной роли и места Ф.Е. Каплан, подвергнута критике версия «кремлевского заговора» и сформулирован ряд версий и выводов (одобренных соавторами), которые были затем развиты

в следующих работах [15; 16; 30]. Большая часть тогдашних предположений и выводов вполне подтвердилась в ходе дальнейших исследований, став ядром выводов, сделанных уже значительно позднее, часть подверглась серьезной коррекции как из-за введения в научный оборот новых источников, так и из-за нового прочтения старых. Для данного исследования источники и проблема их достоверности имеют особое значение, т.к. фальсификация этой темы была характерна для обеих противостоявших друг другу сторон на процессе с.-р. 1922 г., на котором одними из самых дискутируемых тем были покушения на Ленина и Володарского и отношение внутри ПСР к террору. Степень достоверности источников и проблема «третьего рисунка событий» будут подробно рассмотрены отдельно, а здесь лишь приведем свидетельство члена ЦК ПСР и одного из членов «руководящей пятерки» 1-й группы подсудимых А.Р. Гоца, из его собственноручных показаний 1937 г., «историческая часть» которых кажется в целом заслуживающей доверия: «Не желая демонстрировать разброд в рядах ЦК ПСР, руководящая пятерка обязала всех участников процесса стоять в вопросе о позиции партии в терроре на точке зрения большинства ЦК и категорически отрицать прикосновенность партии к теракту против Володарского и покушению Фани Каплан»¹.

¹ Центральный архив Федеральной службы

Цель данной статьи – рассмотрение и анализ степени причастности и форм участия Ф.Е. Каплан в покушении на В.И. Ленина в ряде контекстов, так как распространенное вырывание из исторических контекстов хотя и облегчает конструирование разных версий, но совершенно непродуктивно с точки зрения приближения к истине. За ее пределами останутся вопросы о причинах скоропалительного расстрела Ф.Е. Каплан и прекращения следствия, обстоятельств ее гибели и версии о причастности к покушению на В.И. Ленина Я.М. Свердлов и Ф.Э. Дзержинского, и вопрос о связях Б.В. Савинкова с Г.И. Семеновым и Ф.Е. Каплан.

Итак, тезисно перечислим часть из того, что удалось установить с большой степенью достоверности о формах и степени причастности Ф.Е. Каплан к покушению на Ленина.

1. Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что сюжет о покушении на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. нельзя рассматривать вне контекста отношения к террору в эсеровской партии. Большевистский захват власти накануне выборов в Учредительное Собрание, а затем его разгон и расстрелы большевиками демонстраций в его защиту спровоцировали рост антибольшевистских настроений в различных слоях общества и в различных партиях, в том числе и террористических настроений в эсеровской среде.

Но террористическая борьба эсеров, в отличие от дореволюционного периода, когда она была встроена в официальную тактическую концеп-

безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Н-1789. Т. 95. Л. 110.

цию партии, в послеоктябрьское время в силу преобладания в руководстве партии противников немедленного начала террористической борьбы (были и принципиальные противники террора против социалистов, и колеблющиеся, и те, кто считал применение террора против большевиков недопустимым до отрыва от них с помощью агитации поддерживающих их масс) в официальную тактику партии, вотируемую на IV съезде и на VIII, IX и X Советах партии в 1917-1921 гг., включена так и не была.

Сторонниками террора было предпринято две такие попытки: первая – на IV съезде ПСР (26 ноября — 5 декабря 1917 г.), вторая – на Пленуме ЦК ПСР в феврале 1918 г. Текст резолюции Февральского Пленума не был обнаружен ни среди тех неопубликованных протоколов ЦК ПСР, которые при арестах и обысках попали к чекистам и хранятся в фонде Н-1789, ни среди того, что было увезено эсерами за границу и с комментариями В.М. Чернова опубликовано Ю.Г. Фельштинским и Г.И. Чернявским [23], ни среди материалов, опубликованных Н.Д. Ерофеевым [21], ни среди той части протоколов ЦК, которые были обнаружены в семейном архиве секретаря Бюро ЦК ПСР В.Н. Рихтера и опубликованы в сборнике документов, посвященном ему [31], но, по словам члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева на процессе с.-р., «в настоящей социальной обстановке» террор решили не использовать потому, что «...в настоящий момент ставится в порядок дня не борьба с отдельными эксцессами, не борьба с отдельными лицами, а нарушение всей системы насилия, которую знаменует собой Советская власть. ...Но сверх того были и другие

мотивы, точно формулировать их я не берусь»¹.

2. Именно поэтому ЦК ПСР отказывал в постановке партийных актов (членами ПСР или ее структурами и от имени партии), а сторонники террора стали искать обходных путей. Одним из таких путей была возможность совершения индивидуального акта (с выходом из партии и от своего имени и под свою ответственность), что практиковалось еще в предшествующий дореволюционный период.

Крайне ценно свидетельство (доверенность которого несомненна) члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова на допросе 7 апреля 1922 г.: «Центральный комитет партии с.-р. в целом и Петроградское бюро Ц.К. в своих резолюциях высказывались против применения террора по отношению к Советской власти весной, в начале лета 1918 г. За применение террора была лишь небольшая часть членов Центрального комитета. Я лично в тот период был сторонником террора против Советской власти, но террора открытого, от имени партии. Ц.К. не давал Боевой организации санкции на совершение террористических актов и экспроприации советских учреждений, но исключения из партии с.-р. за совершение подобных актов производить не полагалось, т.к. условия борьбы того периода допускали методы боевых действий против Советской власти» [30, с. 433].

Из первой фразы Н.Н. Иванова явно видно, что были еще резолюции о терроре ЦК ПСР и Петроградского бюро ЦК «весной, в начале лета 1918 г.», о которых мы не знаем. Но главное, что последняя фраза Иванова

является своего рода ключом к разгадке всей этой ситуации. Действительно, двусмысленность этой установки, с одной стороны, позволяет действовать «на свой страх и риск» любому члену партии, желающему рискнуть совершить террористический акт, так как категорического партийного запрета (исключение из партии) нет, а вероятность в случае успеха стяжать славу и попасть под действие поговорки: «победителей не судят» весьма велика. С другой стороны, она, безусловно, дает потенциальную возможность отдельным сторонникам террора в руководстве партии, не нарушая партийной дисциплины и не давая никаких директив и санкций на партийный террористический акт, не запрещать желающим совершить индивидуальный террористический акт, негативные последствия и ответственность за который (в случае его неуспеха) падут лично на инициатора и исполнителя этого акта.

Предшествующая дореволюционная практика знала даже более скандальные примеры – такие, как, скажем, письменный договор части руководителей ПСР с А.А. Петровым в 1909 г. Признавшийся в соучастии с охранкой (якобы с революционными целями), он во искупление этого греха брался убить начальника Петербургской охранки генерала А.И. Герасимова, а руководитель БО ПСР Б.В. Савинков и член Заграничной Делегации ЦК ПСР И.И. Фондаминский (утаившие это весьма деликатное дело от остального руководства ПСР) обещали, что «... о нем публикуется в органах ПСР как об акте политического террора, совершенного с ведома и одобрения партии с.-р. В случае процесса товарищу Петрову предоставляется право за-

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 31. Л. 176.

явить о том же на следствии и суде» [1, с. 264]. Это обязательство выполнено не было (Савинков и Фондаминской мотивировали это невыполнением Петровым условий договора: он убил не Герасимова, а назначенного на его место полковника Карпова) [14].

Л.В. Коноплева на процессе с.-р. так охарактеризовала суть индивидуального акта: «Это значит, что акт этот должен совершиться с ведома партии, с ведома центрального комитета, но я, идя на это дело, не должна была заявлять, что это делается от имени партии, во-первых, и даже не должна была говорить, что я являюсь членом партии»¹.

Представляется, что Коноплева дала верный ответ, именно так индивидуальный акт и понимался в эсеровской партии и до революции, но сюда также можно добавить, что это вовсе не исключало помощи тех или иных членов партии. Кроме того, по существующим неписанным нормам и дореволюционной практике, каждый эсер в случае несогласия с тем или иным решением партии при отсутствии прямого запрета имел право выйти из партии и поступить так, как велела ему его совесть, отдавая, впрочем, себе отчет в том, что он может столкнуться с осуждением своих товарищей по партии, которая ответственности за его действия не несла и вполне могла от них отказаться. Но при этом считалось правильным для эсера, решившегося на индивидуальный акт, убедиться у руководства партии об отсутствии запрета на него. Можно уверенно утверждать, что именно такое разрешение/незапрещение на совершение индивидуального акта про-

тив Ленина получила Л.В. Коноплева в феврале-марте 1918 г. от Московского бюро ЦК ПСР (А.Р. Гоц явно лукавил, говоря, что на их запрос с Б.Н. Рабиновичем получился отрицательный ответ²) и Ф.Е. Каплан – в августе 1918 г.

3. Приехав в Москву из Крыма весной 1918 г., Ф.Е. Каплан, ставшая эсеркой еще на каторге, высказывала ряду видных эсеров свое намерение совершить террористический акт против В.И. Ленина и делала попытки изыскать весной–летом 1918 г. для этого те или иные организационные возможности и форматы. И если свидетельства об этом руководителей и членов боевой группы Семенова (по формулировке Обвинения – Центрального летучего боевого отряда ЦК ПСР) и впоследствии 2-й группы подсудимых Г.И. Семенова, Л.В. Коноплевой, Ф. Ставской и др. доверия, по понятным причинам, не вызывают, то ряд других свидетельств заслуживает самого серьезного отношения.

Первоначально Каплан обращалась к разным членам ЦК с предложением совершить террористический акт от имени партии, но поддержки не получила. Об этом есть свидетельства ряда зарубежных и российских эсеров – В.К. Вольского, В.М. Зензинова и др., чья достоверность не вызывает сомнений. Так, член ЦК ПСР В.К. Вольский говорил на допросе 23 марта 1922 г.: «С Фаней Каплан я встретился два раза в мае месяце 1918 г. ... Ф. Каплан в беседе со мной говорила о том, что она хочет совершить какой-нибудь террористический акт против представителей Коммунистической партии. Я её, насколько помню, старался отговорить от этого шага. Возможно, что я был

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 31. Л. 198–199.

² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 31. Л. 255.

осведомлен, что она была в то время членом партии с.р.»¹

Важное свидетельство есть в книге В.М. Зензинова 1919 г.: «Весной прошлого года он [Нил Фомин] предлагал мне, как члену Центрального Комитета партии социалистов-революционеров организовать вместе с Дорой Каплан покушение на Ленина (*Дора – партийная кличка Ф.Е. Каплан. – К.М.*). Партия тогда отказалась воспользоваться этим предложением и позднее Дора Каплан на свою собственную ответственность стреляла в Ленина и тяжело его ранила» [8, с. 152]². Об этом В.М. Зензинов чуть позже говорил В.М. Чернову [38].

В показаниях члена ЦК ПСР К.С. Буревоего подтверждается факт отказа ЦК от партийного акта: «По приезде в Москву в начале февраля 1919 года я слышал от Донского, что Ф. КАПЛАН обратилась в Ц.К. с предложением об убийстве ЛЕНИНА, причем ЦК или орган, его представлявший в то время в Москве, отверг это предложение, ввиду чего КАПЛАН вышла из партии и самостоятельно совершила покушение» [30, с. 421]. Член ЦК ПСР в 1917–1919 гг. Н.И. Ракитников на допросе в марте 1922 г. также свидетельствовал: «Что касается покушения на Ленина, то мне лишь много позже стало известно, что это покушение совершено членом партии, но самовольно без санкции какой бы то ни было организации»³.

Отметим, что в последних двух показаниях речь идет о совершении индивидуального акта без санкции партийного органа, разноречия лишь в трактовках: Буревой, со слов Донского, говорит о выходе Каплан из партии, а

Ракитников – о самовольном поступке члена партии.

4. Можно констатировать, что утверждения Г.И. Семенова и Обвинения на процессе с.-р. 1922 г., что покушение было произведено членами Центрального боевого летучего отряда ЦК ПСР (членом которого была Ф.Е. Каплан) под руководством Г.И. Семенова, получившего из рук ЦК ПСР именно такой официальной статус и получившего также санкции ЦК ПСР на подготовку и проведение террористических актов против Зиновьева, Володарского, Ленина и Троцкого [25; 18] не соответствует действительности.

В ходе судебных слушаний летом 1922 г. эта версия стала рушиться на глазах, когда из выступлений подсудимых и свидетелей стало выясняться, что ЦК ПСР, в котором сторонники террористической борьбы были в меньшинстве, не мог дать *in concreto* санкции на партийный террористический акт. Кроме того, Семенова, Коноплеву и Усова, утверждавших о наличии такой санкции ЦК их боевому отряду, подсудимые 1-й группы многократно ловили на лжи и несообразностях⁴.

В версии о санкции ЦК на партийный акт присутствует внутреннее противоречие.

Ведь когда Коноплева утверждает, что Гоц и Донской заявляли, что «террористические акты если не теперь, то позже будут открыто признаны партией» [30, с. 156], то это все равно значит, что после покушения ЦК ПСР или признает акт партийным или отказывается от него. Но если представить, что ЦК ПСР вдруг молчит месяц, полгода или год, то все в это время бу-

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 114. Л. 249.

² Там же. Т. 33. Л. 590.

³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 132.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Т. 32. Л. 75–77.

дут уверены, что ПСР к покушению не причастна. И ни исполнитель, если будет схвачен, ни Семенов с Коноплевой права заявить, что акт был партийным и с санкции ЦК, явно не имеют!

Но сама группа Семенова не выдумка, а реальность. Другое дело, что не все, что говорили о ней Семенов и Коноплева, можно верить. И нет ни малейших сомнений, что Коноплева, Семенов, Тисленко и Иванова лгали рабочим-боевикам о наличии у группы санкции ЦК, хотя таковой и не было. Однозначно свидетельство эсера М.А. Тисленко о совещании с Семеновым в июле 1918 г., данное им в своей объяснительной записке Заграничной Делегации в марте 1922 г.: «Мы вторично детально обсудили создавшееся положение и в виду отказа ЦК в санкции в нашей деятельности, решили продолжать террористическую деятельность, в партии же работая в общеорганизационным смысле. Оппозиция нам со стороны ЦК, была известна мне, Семенову, Коноплевой и Ивановой. От остальных товарищей отрицательное отношение ЦК мы скрывали по настоянию Семенова, надеясь что ЦК все таки станет на точку зрения террора (выделено нами. – К.М.)»¹. В высшей степени важно, что при публикации этой записки Тисленко в эмигрантской эсеровской газете «Голос России» текст был подвергнут правке. В данном фрагменте из него была убрана фамилия Е.А. Ивановой и во фразе «в партии же работая в общеорганизационным смысле», частица «же» была заменена на «не» [24, с. 3].

Но была ли Ф.Е. Каплан членом этого «отряда»?

5. Исследования подтверждают, что Ф.Е. Каплан шла на покушение в форме индивидуального, а не партийного акта. Представляется, что Ф.Е. Каплан, поняв, что ЦК ПСР не даст в обозримом времени согласия на партийный террористический акт, с одной стороны, стала искать помощи на стороне и, в частности, по свидетельству Семенова на суде, встречалась с Б.В. Савинковым (о проблеме причастности Б.В. Савинкова к покушению на Ленина будет написано отдельно), а с другой стороны – повела переговоры с руководством партии о своей готовности совершить акт индивидуального характера.

Между тем А.Р. Гоц, отвечая на вопрос подсудимого 2-й группы Дашевского, каково было отношение Каплан к партии с.р. на момент покушения, сказал: Ф.Е. Каплан «была раньше членом партии, но в этот момент совершенно никакого отношения к партии не имела». Дашевский справедливо стал требовать уточнений. Ответ Гоца крайне важен как для понимания ситуации, так и потому, что его объяснение опирается на то неписаное революционное право и традиции, которым руководствовались члены эсеровской партии и которое очень трудно было понять большевикам, воспитанным на принципах централизованной партии: «Письменного документа, доклада или какого-нибудь формального заявления от Каплан не поступало. Я думаю, что и вы понимаете, гр-н Дашевский, что лицо, которое идет вопреки той линии, которая установлена Центральным руководящим органом, тем самым это лицо ставит себя вне рядов партии, и я считаю, что Каплан так и поступила, ..., что она действовала совершенно

¹ Hoover Institution Archive. Nicolaevsky collection. Box. 8. Folder 19.

но индивидуально и самостоятельно»¹.

«Моментом истины» в вопросе о том, какой характер носил акт Ф.Е. Каплан, как ни странно, является то, что она сама говорила об этом на допросе. Дело в том, что по существующей практике признание покушения партийным актом давало право террористу при аресте объявить этот акт партийным. Это право очень ценилось террористами, и в глазах эсеровской среды подобный террористический акт, выполненный одиночкой, но получивший признание партии как «партийный акт», стоял значительно выше, чем т.н. «индивидуальный акт». Если бы санкция какого-либо партийного органа на покушение на Ленина была, то Ф.Е. Каплан обязательно воспользовалась бы своим законным правом объявить свой акт партийным и заявила бы об этом на допросе. В случае же акта индивидуального, она была обязана отрицать причастность к акту партии и свою причастность к ПСР.

На самом первом допросе 30 августа 1918 г. в военном комиссариате Замоскворецкого района в 11.30 вечера Ф.Е. Каплан показала: «Я стреляла по собственному побуждению... Стреляла в Ленина потому, что считала его предателем революции, и дальнейшее его существование подрывало веру в социализм. ... Я считаю себя социалисткой, сейчас ни к какой партии себя не отношу. ...К какой социалистической группе принадлежу сейчас, не считаю нужным сказать» [6, с. 195]. Она категорически утверждала и вновь повторяла: «Ни к какой партии не принадлежу. Я стреляла в Ленина потому, что считаю, что он предатель и чем дольше живет, тем он удаляет идею со-

циализма на десятки лет. Я совершила покушение лично от себя». Впрочем, в документе отмечено, что «показания Фани Каплан подписать отказалась». Подписан этот допрос председателем московского ревтрибунала А. Дьяконовым, пом. Военного комиссара 5-й московской советской военной дивизии С.Н. Батулиным, военкомом Замоскворецкого района И.Ф. Пиотровским [6, с. 196].

На допросе 31 августа в 2.25 утра, проводимом уже Я. Петерсом, Каплан заявляла: «...Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за это. По течению в эсеровской партии я больше примыкаю к Чернову.

...Стреляла в Ленина я. Решилась на этот шаг еще в феврале. Эта мысль во мне назрела в Симферополе, и с тех пор я начала готовиться к этому шагу» [6, с. 168, 171]. Этот протокол был ею подписан.

Зам. председателя ВЧК Петерс, тем не менее, в заявлении «От Всероссийской чрезвычайной комиссии» утверждал: «Благодаря энергичным мерам комиссии удалось задержать несколько лиц и в их числе стрелявшую в товарища Ленина женщину, отказавшуюся назвать свою фамилию. Предварительным допросом установлено, однако, что покушавшаяся эсэрка. В распоряжении Комиссии имеются данные, указывающие на связь покушавшейся с организацией, подготовившей покушение. И в этом направлении продолжается энергичное расследование. Определенно установлена также связь ее с самарской организацией» [6, с. 208].

Очевидно, что Петерс проигнорировал заявление Каплан о том, что она ни к какой партии не принадлежит и что ее покушение носит индивидуаль-

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 32. Л. 576–577.

ный характер, а утверждение Каплан, что по взглядам она стала социалистской-революционеркой, трактует как принадлежность к с.-р. партии. И совершенно непонятно, на чем базировалось утверждение Петерса о связи Каплан с Самарским Комучем. Но позже в заметке «Каплан – Ройд» (так была воспроизведена настоящая фамилия Каплан), опубликованной 3 сентября 1918 г. в «Известиях ВЦИК», говорилось: «Каплан проявляет признаки истерии. В своей принадлежности партии эсеров она созналась, но заявляет, что перед покушением будто вышла из состава партии» [9, с. 2]. Мы не знаем, базировалось ли это утверждение на каких-то новых допросах Каплан, сделанных уже в Кремле, или это ее заявление просто не включили в протоколы допросов от 30 и 31 августа. Но очевидно, что заявление Каплан, что она вышла из партии эсеров перед покушением и следовательно ее покушение носит индивидуальный, а не партийный характер – власти совершенно не устраивало, и они вдруг сделали вывод, что подобные заявления являются ...признаком истерии.

6. Нет сомнений, что Ф.Е. Каплан получила разрешение именно на индивидуальный акт от члена ЦК ПСР и члена Московского Бюро ЦК ПСР Д.Д. Донского (данное, по всей видимости, и от имени Московского Бюро ЦК ПСР, впрочем, в это время состоявшего всего из двух человек) при встрече во второй половине августа 1918 г.

Но Г.И. Семенов в своей брошюре утверждал, что на встрече Ф. Каплан с Д.Д. Донским, которая состоялась при участии Г.И. Семенова на одном из московских бульваров (очень важно, что Д.Д. Донской подтвердил сам

факт встречи втроем. – К.М.), «Донской ... говорил, что ЦК не откажется от признания акта делом Партии» [25, с. 26–34]. Но, допрашивая Семенова во время судебного разбирательства об отказе Усова стрелять в Ленина в августе 1918 г., Гендельман сумел вытащить из Семенова признание, что санкции на партийный акт все же не было, а была санкция на индивидуальный акт с правом исполнителя после ареста заявить лишь о своем членстве в партии, но не о том, что он действовал от имени партии¹.

Но если исполнитель не имеет права говорить, что он «действовал от имени партии», и сама партия, «может быть, заявит, что и исполнитель был член партии», то это нельзя считать партийным актом! Фактически то же самое Семенов вынужден был признать, отвечая на вопросы Лихача, в том числе и относительно Ф. Каплан².

Но именно свое членство в ПСР Ф.Е. Каплан на допросах и отрицала, а в статье в Известиях от 3 сентября даже было сказано, что она заявляла, что перед покушением вышла из партии.

Представляется, что Д.Д. Донской – по его свидетельствам на суде – от своего имени, а по всей видимости, от имени Московского бюро ЦК, членом которого он являлся, все же дал Ф.Е. Каплан в присутствии Семенова добро на индивидуальный акт (или не запретил его). Самое интересное, что в этой ситуации формально ни Донской, ни Московское бюро ЦК никаких партийных решений вроде бы не нарушали и ничьего согласия испрашивать не были обязаны. Но только формально и только с точки зрения сторонников

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 32. Л. 464–465.

² Там же. Т. 32. Л. 523–524.

террористической тактики. Узнай о санкции Московского бюро и о его (или лично Донского) разрешении даже на индивидуальный акт эсеры-противники террора – вряд ли бы согласились с такой трактовкой и подняли бы внутривластьный скандал. Об этом заставляет думать реакция эсера Б. Бабина-Корня на пересказ его женой диалога с Донским. И хотя сама Б.А. Бабина и в 1922 г., и полвека спустя думала, что Д.Д. Донской сказал ей правду, что Ф.Е. Каплан не была членом ПСР и что он правдиво обрисовал всю ситуацию и свои мысли (описывая то, как он отреагировал на сделанное ему лично «...предложение послать ее убить Ленина»: «Посмотрел я на нее тогда – женщина довольно красивая, но несомненно ненормальная, да еще с разными дефектами: глухая, полуслепая, экзальтированная вся какая-то. Слово юродивая! Меньше всего мне приходило в голову отнести к ее словам серьезно. Я ведь в конце концов не психиатр, а терапевт. Уверен был – блажь на бабенку напала!... Помню, похлопал я ее по плечу и сказал ей: "...наш ЦК никогда на это не пойдет. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет – выкинь это все из головы и никому больше о том не рассказывай!»)[2, с. 24–26]), но соглашалась с выводом своего мужа, считавшего, что в ситуации, когда «...какой-то безответственный тип доводит до сведения члена ЦК политической партии о своем намерении совершить безумный и вреднейший по политическому значению акт», Д.Д. Донской должен был доложить ЦК и «установить за таким субъектом наблюдение и, в случае необходимости, принять меры к его изоляции. ... Это безответственное поведение несе-

рьезных людей в самых серьезных обстоятельствах!» [2, с. 26].

7. Можно уверенно утверждать, что Семенов произвольно трактовал поручение Донского оказать организационную помощь Каплан, поставив значительную часть отряда (наблюдателями и исполнителями) на участие в покушении на Ленина, в прямое нарушение резолюции Февральского пленума ЦК ПСР.

Ответим на ранее поставленный вопрос – была ли Ф.Е. Каплан членом группы Г.И. Семенова? Точно можно утверждать, что она шла на индивидуальный акт с отрицанием причастности к нему партии, но Семенов и его группа должны были ей оказать организационную помощь (ее размер и формы Донской не оговорил, что открывало возможности Семенову для злоупотребления и выхода далеко за рамки «помощи»). Ф.Е. Каплан, безусловно бывала на базе группы в Томилино, некоторое время жила там и принимала участие в выходах вместе с наблюдателем на митинги. С учетом того, что Г.И. Семенов, Л.В. Коноплева, Е.А. Иванова скрывали от рабочих-боевиков отсутствие санкции ЦК ПСР, наверняка и об индивидуальном характере покушения Каплан, которой их группа должна оказать только организационную помощь, они им ничего не говорили, так как это разрушило бы ложь о наличии санкции ЦК на партийный акт группе Семенова. Поэтому для рабочих-боевиков нахождение в группе и совместная деятельность с Каплан могли выглядеть только как ее членство в группе, о чем они и свидетельствовали. Крайне ценен диалог боевика-рабочего Пелевина, показания которого, как представляется, за-

служивают доверия, с коммунистом-защитником 2-й группы Членовым, в котором Пелевин рассказывал о своем последнем разговоре с Ф.Е. Каплан за две недели до покушения: «Пелевин: Она говорила, что готовится.

Членов: И настаивала, что Центральный Комитет это разрешает.

Пелевин: Нет, такого разговора не было. Разговор был, где совершить, каким образом – бомбой или выстрелом из револьвера. Она меня спросила, как лучше сделать. Я сказал: если вы будете делать, то нельзя бомбой, потому что посторонние могут пострадать.

Членов: Какое получилось впечатление из разговора с ней, что она собирается это делать самолично, или от партии.

Пелевин: Когда она вошла в группу Семенова, ясно, что я вполне допустил мысль, что это центральный боевой отряд имени Центрального Комитета (*так в тексте.* – К.М.). Таким образом не могло быть никакого разговора об этом. Я так полагал. А так было или иначе, я не знаю»¹. После ее казни члены группы провели в Томилино собрание, посвященное ее памяти

О своем индивидуальном характере покушения Каплан могла по просьбе Семенова не говорить рабочим-боевикам, а на следствии, как уже отмечалось, она заявила о своем выходе из ПСР и непричастности к покушению каких-либо партийных организаций и членов партии. Кстати, свидетельство Пелевина ценно еще и тем, что оно проясняет, почему, вопреки предшествующему опыту БО ПСР, показавшему большую эффективность применения бомб, 30 августа 1918 г. было использовано огнестрельное оружие.

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 33. Л. 79–80.

8. Мы не имеем возможности разбирать версии и аргументы публицистов и историков, утверждающих, что Ф.Е.Каплан не стреляла в В.И.Ленина, отметим, только, что выводы о том, что она была полуслепой и не способной к стрельбе с нескольких метров не подтверждаются ни единым свидетельством, ни тем, что она самостоятельно передвигалась по городу, ни тем, что – будь у нее заметные постороннему человеку проблемы со зрением – ей бы немедленно запретили даже индивидуальный акт.

Более того, есть свидетельство эсера П.А. Соколова, члена кулебакской боевой дружины в Нижегородской области: «В разговоре как-то с Жидковым он мне рассказал, как готовилась Каплан на покушение Ленина. Прежде чем идти на террор, она по распоряжению ЦК сначала стреляла в цель, и стрельба у нее была превосходная: из 15 данных ей патронов она 14 попала в цель» [33].

Трудно судить о достоверности слов Соколова и Жидкова, но они вполне могут быть верны, хотя Жидков был членом подрывной группы Военной комиссии ЦК ПСР (о чем есть свидетельство ее руководителя Давыдова²), также базировавшейся в Томилино, а не членом боевой группы Семенова.

Весьма существенным фактом, мешающим считать, что стреляла не Ф.Е. Каплан, является то, что из 17 допрошенных свидетелей, приведенных председателем Московского ревтрибунала Дьяконовым с места покушения – 7 человек (П.С. Груздев [6, с. 177–178], И. Александров [6, с. 207], С.И. Титов [6, с. 236–237], Е. Мамонов [6, с. 266–267], Г.Я. Ромбальский [6, с. 268–269],

² ЦА ФСБ РФ. Н. 1789. Т. 2. Л. 121.

И.А. Богдеевич [6, с. 273–274]) показали, что стреляла женщина, которая и была задержана. И если в части из этих семи показаний еще при желании можно усомниться, то некоторые из свидетелей были в них очень уверены. В ходе работы с показаниями очевидцев и их анализа стало ясно, что в работах, где ставится под сомнение, что стреляла Ф.Е. Каплан, зачастую из показаний цитируются не все свидетельства, а в первую очередь приводятся показания шофера Ленина Гиля, комиссара Батулина и др. людей, не видевших стрелявшего.

Из-за недостатка места мы не приводим цитат из показаний этих семи человек, а всех интересующихся отсылаем к сборнику, в котором они опубликованы. Отметим лишь основные моменты из них. П.С. Груздев показал: «... стрелявшая бросилась бежать, но я бросился за нею. Немного отбежав, она была задержана» [6, с. 177–178].

Из показаний С.И. Титова видно, во-первых, что та женщина, которая стреляла, стояла на митинге рядом с ним, и он мог в достаточной степени ее рассмотреть, что он следил за ней, и сомнений, что именно её они задержали и отвели в военкомат – у него нет. Важно, что он сообщает и деталь, что во время стрельбы «она присела», что позволяет думать, что он действительно видел момент покушения своими глазами [6, с. 236–237]. И во-вторых, С.И. Титов совершенно очевидно свидетельствует, что у женщины, стрелявшей, задержанной и отведенной в военкомат (Ф.Е. Каплан), была сообщница. Подробности, которые он сообщает, не позволяют сказать, что это им было выдуманно. Титов описал ее одежду и сказал, что смог бы ее опоз-

нать. И если бы следователь Пузырев попросил его описать ее лицо, возраст, рост, фигуру, то возможно у историков был бы словесный портрет.

Е. Мамонов также идентифицирует стрелявшую женщину и задержанную как одно лицо [6, с. 266–267].

В показаниях девятнадцатилетнего М.З. Прохорова важно, что он видел стрелявшую женщину до выстрелов, видел, как у нее из рук вышибли оружие, как она бросилась бежать и как они, догнав, арестовали её [6, с. 269–270]. Обратим внимание на слова М.З. Прохорова – «женщина, которая впоследствии стреляла в тов. Ленина, все время вертелась около него, заходя то с одной, то с другой стороны». Именно так и вел бы себя человек, стараясь выбрать максимально удобную позицию для стрельбы в формирующейся толпе.

Допрошенный А. Дьяконовым В.М. Громов признал в предъявленной ему для опознания Каплан женщину, «подымавшуюся по лесенке за Лениным», «выйдя из завода, ...повернула налево, и вскоре раздалась три выстрела». Впрочем, из протокола неясно, видел ли Громов, как Каплан стреляла в Ленина, или нет.

И.А. Богдеевич, также допрошенный Дьяконовым, показал: «...женщина, стоявшая у ворот, впоследствии арестованная и при допросе назвавшаяся Фаней Каплан, произвела еще два выстрела, в результате которых Ленин упал на спину, а сама бросилась бежать. ... Предъявленную мне женщину в черном я признал именно за ту, которая стреляла в тов. Ленина» [6, с. 273–274].

9. Казанский историк А.Л. Литвин во «Введении» к т. 1-2 «Правоэсеро-

ский политический процесс в Москве» пишет: «Семенов ничего по существу не мог ответить А. Гоцу, утверждавшему, что Каплан непричастна к выстрелам в Ленина и напомнившему Семенову его же сообщения о том, что это сделал «дружинник». Кто был этот дружинник? Его имена варьируются до сих пор (А. Протопопов, В. Новиков, Л. Коноплева)» [22, с. 12].

А.Л. Литвин не указал ссылки на том и страницу стенограмм судебного процесса с.-р., но в результате наших поисков не найдено утверждений А.Гоца, что стреляла не Каплан, обнаружен лишь фрагмент, при чтении которого возникает предположение, что имело место путаница и неверная трактовка высказываний А.Р. Гоца.

Отвечая на вопросы коммуниста-защитника 2-й группы Шубина, Гоц говорил: «там были сказаны в газетах подробности, указана фамилия Фани Каплан. ...А тогда я её просто не знал и когда я прочел её имя, я никак не мог связать её с именем Семенова, потому что не знал, какие могли существовать отношения и взаимоотношения между ним и Каплан. Поэтому прочтя эту фамилию, я решил, что дело Фанни Каплан, ее индивидуальное дело, которое она замыслила и выполнила». Шубин напомнил Гоцу, что у него «был печальный опыт в этом отношении. Вы раз уже беседовали с Семеновым и убеждали его в том, что террор не нужен и в результате этого получилось убийство, и у вас тогда, насколько я помню, было смутное подозрение о том, что убийство совершенно из отряда Семенова. Теперь картина та же самая». Гоц возразил: «Нет, не та, ...у меня было смутное подозрение, которое заставило меня настаивать на немедлен-

ном свидании с Семеновым. На этом свидании мне удалось выяснить определенную картину. Семенов категорически и чрезвычайно недвусмысленно тут заявил, что он тут не причем, что это дело одного из дружинников, который на свой страх и риск это сделал. Я о причастности тогда Семенова ничего не знал. Поэтому у меня из этого события в моей памяти ничего не осталось, что бы говорило против Семенова, и в этом случае заставило меня особо сугубо подозрительно относиться к нему. Этот факт не прибавил ничего к тому отношению к Семенову, которое у меня сложилось раньше»¹.

Представляется, что в диалоге речь шла о двух покушениях – на Володарского и на Ленина, и слова Семенова о дружиннике относятся к покушению на Володарского (и речь идет о дружиннике Сергееве), а не на Ленина, и данный фрагмент показаний Гоца трактовать так, как трактует его Литвин, неправомерно. Здесь совершенно нет слов Гоца о том, что это не Каплан стреляла в Ленина, как раз наоборот, он в этом не сомневался, заявляя, что это было ее индивидуальное покушение.

Кроме того, у Гоца была встреча с Семеновым после покушения на Володарского, но не было встречи после покушения на Ленина. Без цитаты А.Р. Гоца, из которой было бы видно, что он утверждает, «что Каплан непричастна к выстрелам в Ленина и напомнившего Семенову его же сообщения о том, что это сделал «дружинник»», утверждение Литвина повисает в воздухе.

Попутно отметим, что совершенно неясно, на чем базируются версии, что стрелять мог Протопопов или Нови-

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 32 Л. 562–563.

ков. Нет ни одного свидетельства, что стреляли данные люди, или хотя бы свидетельств очевидцев покушения, что стрелял мужчина.

Подводя итог своего исследования форм и степени причастности Ф.Е. Каплан в покушении на В.И. Ленина, констатируем, что сюжет о покушении на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. нельзя рассматривать вне контекста отношения к террору в эсеровской партии и что Ф.Е. Каплан была членом ПСР, с весны 1918 г. обращалась к видным руководителям ПСР с предложением совершить покушение на Ленина, но убедившись в невозможности получить разрешение на партийный акт (с правом на допросе объявить акт совершенным по поручению партии и назвать себя членом партии), пошла на индивидуальный акт и заявляла о своем выходе из ПСР накануне покушения, непричастности к покушению партии и совершении его на свою ответственность.

Констатируем, что Ф.Е. Каплан получила разрешение именно на индивидуальный акт от члена ЦК ПСР и члена Московского Бюро ЦК ПСР Д.Д. Донского при встрече во второй половине августа 1918 г.

Исследования показали, что утверждения Г.И. Семенова и Обвинения на процессе с.-р. 1922 г., что покушение было произведено членами Центрального боевого летучего отряда ЦК ПСР (членом которого была Ф.Е. Каплан) под руководством Г.И. Семенова, получившего из рук ЦК ПСР именно такой официальной статус и получившего также санкции ЦК ПСР на подготовку и проведение террористических актов против Зиновьева, Володарского, Ленина и Троцкого – не соответ-

ствует действительности, хотя группа Семенова, безусловно существовала в реальности.

Констатируем, что устойчивое представление о Ф.Е. Каплан, как о крайне экзальтированной, полусумасшедшей, не контролирующей себя особе (как ее рисовал Д.Д. Донской в беседе с Б.А. Бабиной, и как она рисовалась чекистами и пропагандой в советское время, когда даже инакомыслие считали признаком психического нездоровья, а уж человек, поднявший руку на такую святыню, как В.И. Ленин, должен был быть или ярким суперврагом или психопатом, а так как на убедительный образ врага Каплан не тянула, а ко второй категории революционерку и каторжанку Каплан можно было отнести, не вдаваясь в столь неприятную тему, как ее мотивы убийства великого революционера всех времен и народов, то представление о ее психической неполноценности было доминирующим), не совпадает с ее реальным поведением и накануне покушения, и во время ареста, и во время допросов. Вместо экзальтированности мы видим нечто совсем иное – боязнь совершить необдуманный поступок, который будет иметь роковые последствия (боязнь, толкавшая ее на поиск санкции и поддержки), максимальную аккуратность и сдержанность в показаниях, спокойную мужественность перед лицом смерти. Тот реальный образ Ф. Каплан, который вырисовывается при вдумчивом взгляде на все её поведение, заставляет думать, что мы имеем дело с опытной революционеркой, старой каторжанкой, хоть и измученной каторгой и с подорванным здоровьем, но сохранившей достаточно ясности ума, осторожности и выдержки, чтобы опасаться совершить роковую ошибку

и вести себя на допросах спокойно и мужественно в строгом соответствии с нормами поведения революционера (не будем забывать, что под угрозой расстрела это не просто сделать даже здоровому человеку, не отсидевшему много лет на каторге, не терявшему зрения и т.д.).

Характерно, что знавшая её ещё до каторги и затем видевшая её в 1918 г. Ф.Н. Радзиловская на допросе 1 сентября 1918 г. свидетельствовала: «При всех встречах она производила на меня впечатление вполне уравновешенного человека» [6, с. 203].

А.Р. Гоц на процессе с.-р. 1922 г. говорил: «Никогда в беседе с Семеновым я не говорил ему о Фанни Каплан как об истеричке. Я никогда Фанни Каплан не знал, лично с ней не встречался и поэтому я не мог её так квалифицировать. Всё же, что я узнал впоследствии, рисует её в моих глазах, конечно, в других чертах и облик её для меня представляется не таким, чтобы я мог её так назвать»¹

Итак, представляется, что невозможно представлять Ф.Е. Каплан только жертвой и «козлом отпущения», случайно оказавшимся на месте покушения на Ленина. Безусловно, она сознательно и целенаправленно весной–летом 1918 г. искала возможность совершить на него покушение, о чем свидетельствовали вполне авторитетные люди. Свою мотивацию она изложила на допросах. После проведенных исследований можно с очень большой долей уверенности говорить, с одной стороны, что Ф.Е. Каплан совершала этот акт в форме индивидуального, а не партийного акта, а с другой стороны, что именно она стреляла в Ленина.

Не исключая в принципе небольшой возможности того, что стреляла не Ф.Е. Каплан, а некто другой (или что был еще один стрелок), необходимо отметить, что имеются весьма серьезные сомнения и вопросы. Так, неясно, почему имя этого террориста нигде и никогда не всплыло, сначала в разговорах боевиков группы Семенова между собой, а затем в виде слухов и дальше. Здесь уместно отметить два обстоятельства. Во-первых, одним из движущих мотивов террориста было честолюбие, желание самоутверждения и перспектива занесения его имени рядом с именами Сазонова, Каляева, Гершуни, Желябова, Перовской (по крайней мере, это относительно к интеллигентской части отряда Семенова, и конечно, к нему самому и Коноплевой). Страх наказания, в отличие от того, как посчитал бы современный человек, не должен заслонять эти мотивы, напротив, страх сурового наказания лишь подчеркивал степень собственного героизма.

Во-вторых, вся история революционного движения показывает, насколько революционеры между собой не умели хранить тайн и как вся революционная среда была пропитана всевозможными слухами и разговорами, как правило, далеко не беспочвенными. Современному человеку трудно понять психологию человека 1918 года, в том числе и потому, что между ними лежат десятилетия всеобъемлющего страха, когда умение держать язык за зубами давало хоть какую-то надежду на выживание. В первый год Гражданской войны этот процесс только начинался, и представляется, что такая сенсация, что покушение на Ленина совершено кем-то другим, а не Каплан, обязательно выплеснулась бы, хотя

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 32. Л. 562.

бы в виде глухих слухов в расколотой эсеровской среде, которые в конечном счете стали бы достоянием широкой общественности.

В любом случае имя Ф.Е. Каплан навсегда (и вполне логично) будет неразрывно связано с покушением на В.И. Ленина, а отношение к самой её трагической фигуре, возможно, под-

вергнется со временем такому же рассмотрению, как и отношение к недавнему кумиру нашего общества, на которого она подняла руку. По крайней мере, к ним обоим не будет того однозначного отношения, как это было несколько десятилетий назад.

Статья поступила в редакцию 16.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Б.В. Савинков и Боевая организация ПСР в 1909-1911 гг. // Минувшее: исторический альманах. Вып. 18. М.-СПб.: Atheneum, Феникс, 1995. С. 243–314.
2. Бабина Б.А. Февраль 1922 // Минувшее: исторический альманах. Вып. 2. Paris: Atheneum, 1986. С. 7–80.
3. Войнов В. Отравленные пули // Комсомольская правда. 1990. 29 авг.
4. Данилов Е. Тайна выстрелов Фанни Каплан (Свидетельства и документы о покушении на Ленина) // Звезда Востока. 1991. № 1. С. 113–130.
5. Данилов Е. Три выстрела в Ленина, или За что казнили Фанни Каплан // Нева. 1992. № 5/6. С. 306–324.
6. Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина. / Сост. В.К. Виноградов, А.Л. Литвин, Н.М. Перемышленникова, В.С. Христофоров. 2-е изд., испр. и доп. М.: X-History, 2003. 303 с.
7. Журавлев С.В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 87–105.
8. [Зензинов В.М.] Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сборник документов. Париж: Типография И. Рираховского, 1919. 193 с.
9. Каплан – Ройд // Известия. 1921. 3 сент.
10. Костин Н.Д. Суд над террором. М.: Московский рабочий, 1990. 254 с.
11. Литвин А.Л. В Ленина “стрелял” Дзержинский? // Родина. 1995. № 7. С. 58–60.
12. Литвин А.Л. Азеф второй // Родина. 1999. № 9. С. 80–84.
13. Литвин А.Л. Кто стрелял в Ленина? // Megapolis – Continent. 1991. 30 мая.
14. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 624 с.
15. Морозов К.Н. Причастны ли Я.М. Свердлов и Ф.Э. Дзержинский к покушению на В.И. Ленина 30 августа 1918 г.? // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года [сайт]. – URL: <http://socialist.memo.ru/discuss/d03/d0300.htm> (дата обращения: 02.06.2018).
16. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. 736 с.
17. Назаров Г. Новое прочтение дела Фанни Каплан // Читая «Чудеса и Приключения»: лучшие статьи десятилетия, 1991–2001. М.: Десница, 2002. С. 75–85.
18. Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами. М.: ВЦИК, 1922. 125 с.
19. Орлов Б.М. Миф о Фанни Каплан // Время и мы. Тель-Авив. 1975. № 2,3. С. 153–163, 127–159.

20. Орлов Б.М. Миф о Фанни Каплан // Источник: документы русской истории (Приложение к журналу «Родина»). 1993. № 2. С. 63–74.
21. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 1056 с.
22. Правозсеровский политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний. Т. 1-2 / Сост. В.К. Виноградов, А.Л. Литвин, В.Н. Савонов, В.С. Хирстофоров. М.: РОССПЭН, 2011. 687 с.
23. Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июль 1917 – март 1918 г.) с комментариями В.М.Чернова / Публ., подгот. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 3–31.
24. Разоблачение лжи // Голос России. 1923. 23 марта.
25. Семенов Г.И. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. Берлин: Г. Германн, 1922. 44 с.
26. Сервис Р. Ленин. Минск: Попурри, 2002. 624 с.
27. Сударушкин Б. Кто заказал покушение на Ленина? // Борис Сударушкин. Тайны Золотого Кольца [сайт]. – URL: <http://sudar-bm.narod.ru/main/page8.htm> (дата обращения: 02.06.2018).
28. Сударушкин Б. Так кто же стрелял в Ленина? Материалы к размышлению // Русь. 1993. № 10. С. 9–32.
29. Сударушкин Б.М. Фанни Каплан: «Я стреляла в Ленина». Рыбинск: Рыбинское подворье, 1990. 64 с.
30. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.
31. «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» судебного процесса с.-р. 1922 г.: Сборник документов и материалов из личного архива В.Н. Рихтера / Сост. К.Н. Морозов, А.Ю.Морозова, Т.А. Семенова (Рихтер). М.: РОССПЭН, 2005. 655 с.
32. Тополянский В. Необыкновенная террористка: Миф и правда о Ф. Каплан // Новое время. 1998. № 35. С. 34–37.
33. «...У меня к ЦК и его руководителям запало недоверие». Автобиография члена боевой группы Кулебакской организации Партии социалистов-революционеров П.А. Соколова (1925 г.) / Вступ. ст., подготовка текста и комментарии В.П. Сапона // Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 84–100.
34. Фанни Каплан, Или кто стрелял в Ленина?: Сб. документов / Сост. В.К. Виноградов, А.А. Краюшкин, В.И. Крылов, А.Л. Литвин. Казань: Татарское газ.-жур. изд-во, 1995. 191 с.
35. Фельштинский Ю. Ленин и Свердлов – кто кого // Наука. Еженедельная газета научного сообщества ТССР. Казанский научный центр. 1991. 14 апр.
36. Фельштинский Ю. Ленин. Страницы биографии // Русская мысль. 1995. 3–9 авг.
37. Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. 360 с.
38. Чернов В.М. Иудин поцелуй // Голос России. 1922. 25 февр.
39. Lyandres S. The 1918 Attempt on the Life of Lenin: A New Look at the Evidence // Slavic Review. 1989. № 3, pp. 432–448.
40. Smith Scott B. Captives of Revolution: The Socialist Revolutionaries and the Bolshevik Dictatorship, 1918–1923. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2011. 380 p.
41. Smith Scott B. Who shot Lenin? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1998. № 46. S. 100–119.

REFERENCES

1. [B. Savinkov and the combat organization of the AKP in 1909-1911]. In: *Minuvshee: istoricheskii al'manakh*, no. 18. Moscow, Atheneum, Feniks, 1995, pp. 243–314.
2. Babina B.A. [February 1922]. In: *Minuvshee: istoricheskii al'manakh*, no. 2. Paris, Atheneum, 1986, pp. 7–80.
3. Voinov V. Otravlennye puli [Poisoned bullets]. In: *Komsomol'skaya pravda*, 1990, 29 Aug.
4. Danilov E. [Mystery shots by Fanny Kaplan (Testimonies and documents about the attempt on Lenin)]. In: *Zvezda Vostoka*, 1991, no. 1, pp. 113–130.
5. Danilov E. [Three shots at Lenin, or For what Fanny Kaplan was executed]. In: *Neva*, 1992, no. 5/6, pp. 306–324.
6. Delo Fani Kaplan, ili Kto strelyal v Lenina / Sost. V.K. Vinogradov, A.L. Litvin, N.M. Pere-myshlennikova, V.S. Khristoforov. 2-e izd., ispr. i dop [The case of Fani Kaplan, or Who shot at Lenin / Comp. V. K. Vinogradov, A. L. Litvin, N. M. Pere-myshlanska, V. S. Khristoforov. 2-nd ed., Rev. additional]. Moscow, X-History Publ., 2003. 303 p.
7. Zhuravlev S.V. [People of the revolutionary era: the fate of the socialist-revolutionary terrorist I.G. Semenov (1891–1937)]. In: *Otechestvennaya istoriya*, 2000, no. 3, pp. 87–105.
8. [Zenzinov V.M.] Gosudarstvennyi perevorot admirala Kolchaka v Omske 18 noyabrya 1918 g. Sbornik dokumentov. [Coup d'état by Admiral Kolchak in Omsk on 18 November 1918. Collection of documents]. Parizh, Tipografiya Ryahovskogo, 1919. 193 p.
9. Kaplan – Roid [Kaplan – Roid]. In: *Izvestiya*, 1921, 3 Sep.
10. Kostin N.D. Sud nad terrorom [The verdict for terrorism]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 254 p.
11. Litvin A.L. [Was Lenin "shot" by Dzerzhinsky?]. In: *Rodina*, 1995, no. 7, pp. 58–60.
12. Litvin A.L. [Azev the second]. In: *Rodina*, 1999, no. 9, pp. 80–84.
13. Litvin A.L. Kto strelyal v Lenina? [Who shot Lenin?]. In: *Megapolis – Continent*, 1991, 30 may.
14. Morozov K.N. Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg. [The party of socialists-revolutionaries in 1907–1914]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 624 p.
15. Morozov K.N. Prichastny li Ya.M.Sverdlov i F.E.Dzerzhinskii k pokusheniyu na V.I.Lenina 30 avgusta 1918 g.? [Were Sverdlov and Dzerzhinsky involved in the attempt on Lenin's life on August 30, 1918?]. In: *Rossiiskie sotsialisty i anarkhisty posle Oktyabrya 1917 goda* [Russian socialists and anarchists after October 1917 [website]. Available at: <http://socialist.memo.ru/discuss/d03/d0300.htm> (accessed: 02.06.2018).
16. Morozov K.N. Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922) [The trial of the socialist revolutionaries and the prison confrontation (1922): the ethics and tactics of warfare]. M., ROSSPEN Publ., 2005. 736 p.
17. Nazarov G. Novoe prochtenie dela Fanni Kaplan [A new reading of the case of Fanny Kaplan] Chitaya «Chudesa i Priklyucheniya»: luchshie stat'i desyatilet'ya, 1991–2001 [Reading "Miracles and adventures": best articles of the decade, 1991–2001]. Moscow, Desnitsa Publ., 2002, pp. 75–85.
18. Obvinitel'noe zaklyuchenie po delu TSentral'nogo komiteta i otdel'nykh inykh organizatsii partii sotsialistov-revolutsionerov po obvineniyu ikh v vooruzhennoi bor'be protiv Sovetskoi vlasti, organizatsii ubiistv, vooruzhennykh ograblenii i v izmennicheskikh snosheniyakh s inostrannymi gosudarstvami [The indictment in the case of the Central Committee and other private organizations of the party of socialists-revolutionaries on charges of armed struggle against the Soviet power, of murder, armed robbery and treasonable relations with foreign states]. Moscow, VTSIK Publ., 1922. 125 p.
19. Orlov B.M. [The myth of Fanny Kaplan]. In: *Vremya i my. Tel'-Aviv* [The time and we. Tel Aviv], 1975, no. 2,3, pp. 153–163, 127–159.

20. Orlov B.M. [The myth of Fanny Kaplan]. In: *Istochnik: dokumenty russkoi istorii (Prilozhenie k zhurnalu «Rodina»)*, 1993, no. 2, pp. 63–74.
21. Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy. T. 3. Ch. 2. Oktyabr' 1917–1925 gg. [The party of socialists-revolutionaries. Documents and materials, vol. 3, part 2, October, 1917–1925]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 1056 p.
22. Pravoessersovskii politicheskii protsess v Moskve. 8 iyunya – 4 avgusta 1922 g. [Right-wing socialist revolutionaries' political process in Moscow. 8 Jun – 4 Aug 1922. Transcripts of the court proceedings]. Vol. 1–2. Ed. V. K. Vinogradov, A. L. Litvin, V. N. Of Savona, V. S. Histotroph. M., ROSSPEN Publ., 2011. 687 p.
23. [The minutes of the meetings of the Central Committee of the socialist revolutionary party (July 1917 – March 1918) with commentary of V.M. Chernov]. In: *Voprosy istorii*, 2000, no. 7, pp. 3–31.
24. Razoblachenie lzhi [Exposing the lies]. In: *Golos Rossii*, 1923, 23 Mar.
25. Semenov G.I. Voennaya i boevaya rabota partii sotsialistov-revolutsionerov za 1917–1918 gg. [Military and combat work of the party of socialist revolutionaries in 1917–1918]. Berlin, D. Herrmann, 1922. 44 p.
26. Servis R. Lenin. Minsk, Popurri Publ., 2002. 624 p.
27. Sudarushkin B. Kto zakazal pokushenie na Lenina? [Who ordered the attempt on Lenin?]. In: Boris Sudarushkin. Secrets of the Golden Ring [website]. Available at: <http://sudar-bm.narod.ru/main/page8.htm> (accessed: 02.06.2018).
28. Sudarushkin B. [So who shot Lenin? Materials for consideration]. In: *Rus'*, 1993, no. 10, pp. 9–32.
29. Sudarushkin B.M. Fanni Kaplan: «Ya strelyala v Lenina» [Fanny Kaplan: "I shot Lenin"]. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e Publ., 1990. 64 p.
30. Sudebnyi protsess nad sotsialistami-revolutsionerami (iyun'–avgust 1922 g.): Podgotovka. Provedenie. Itogi. Sost. S.A. Krasil'nikov, K.N. Morozov, I.V. Chubykin [The trial of the socialists-revolutionaries (June–August 1922): Preparation. Conduct. Results]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 1007 p.
31. «Syn vol'nogo shturmana» i trinadtsatyi «smertnik» sudebnogo protsessa s.-r. 1922 g.: Sbornik dokumentov i materialov iz lichnogo arkhiva V.N. Rikhtera. Sost. K.N. Morozov, A.Yu. Morozova, T.A. Semenova (Rikhter) ["Son of freestyle Navigator" and thirteenth "the bomber" trial S.-R. 1922: a Collection of documents and materials from the personal archive of V. N. Richter]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 655 p.
32. Topolyanskii V. [An unusual suicide: Myth and truth about F. Kaplan]. In: *Novoe vremya*, 1998, no. 35, pp. 34–37.
33. ["...I have the CC and its leaders sunk distrust." The autobiography of a member of the battle group Kulebaskiy organization of the Party of socialist revolutionaries P.A. Sokolova (1925)]. In: *Otechestvennye arkhivy*, 2016, no. 4, pp. 84–100.
34. Fanni Kaplan, Ili kto strelyal v Lenina?: Sb. dokumentov. Sost. V.K. Vinogradov, A.A. Krayushkin, V.I. Krylov, A.L. Litvin. Kazan': Tatarskoe gaz.-zhur [Fanny Kaplan, Or who shot Lenin?: Coll. documents]. Kazan, Tatar gas.-jour. publ, 1995. 191 p.
35. Fel'shtinskii Yu. Lenin i Sverdlov – kto kogo [Lenin and Sverdlov – who won]. In: *Nauka. Ezhenedel'naya gazeta nauchnogo soobshchestva TSSR. Kazanskii nauchnyi tsentr*. 1991, 14 Apr.
36. Fel'shtinskii Yu. Lenin. Stranitsy biografii [Lenin. Biography pages]. In: *Russkaya mysl'*, 1995, August 3–9.
37. Fel'shtinskii Y.G. Vozhdi v zakone [Leaders in the law]. Moscow, TERRA Book club, 1999. 360 p.

38. Chernov V.M. Iudin potselui [The kiss of Judah]. In: *Golos Rossii*, 1922, 25 Feb.
39. Lyandres S. The 1918 Attempt on the Life of Lenin: A New Look at the Evidence. In: *Slavic Review*, 1989, no 3, pp. 432–448.
40. Smith Scott B. Captives of Revolution: The Socialist Revolutionaries and the Bolshevik Dictatorship, 1918–1923. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2011. 380 p.
41. Smith Scott B. Who shot Lenin? In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1998, no 46, S. 100–119.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозов Константин Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории российской государственности Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
e-mail: morozov.socialist.memo@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin N. Morozov – Doctor of Historical Sciences, associate professor. Professor of the Department of the History of the Russian state, Moscow School of Social and Economic Sciences, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: morozov.socialist.memo@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Морозов К.Н. Ф.Е. Каплан и покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 95–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-95-114

FOR CITATION

K. Morozov. F. Kaplan and attempt on Lenin's life on August 30, 1918. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 95–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-95-114

УДК 947.084.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-115-122

РЕОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАЗДНЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

Мозохин О.Б.¹, Соколов А.С.²

¹ *Институт российской истории Российской академии наук*

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация

² *Санкт-Петербургский Институт внешнеэкономических связей, экономики и права (филиал в г. Калининграде)*

236039, г. Калининград, Ленинский пр., 42б, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринят анализ реорганизации и упразднения ВЧК в 1921–1922 гг. Вопрос о причинах этих событий остается актуальным для современной историографии. На основе документов из Архива Президента Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории рассмотрены внешние и внутренние факторы, оказавшие влияние на эту реформу. Представленная авторами периодизация включает также время, предшествующее реорганизации и упразднению ВЧК. Анализ событий конца 1918 г. – начала 1919 г., так же как и механизма принятия решений руководством страны, позволяет понять истинные причины реформы, а также роль в этом процессе Л.Б. Каменева и Ф.Э. Дзержинского.

Ключевые слова: Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), IX Всероссийский Съезд Советов, Политбюро ЦК РКП(б), Народный комиссариат внутренних дел, Народный комиссариат юстиции, Народный комиссариат иностранных дел, Ф.Э. Дзержинский, Л.Б. Каменев.

REORGANIZATION AND ABOLITION OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION

O. Mozokhin¹, A. Sokolov²

¹ *Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences*

19, Dmitri Ulyanov ul., Moscow, 117292, Russian Federation

² *Branch of St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law*

42B, Leninskiy prosp., Kaliningrad, 236039, Russian Federation

Abstract. The article analyses the reorganization and abolition of the Cheka in 1921–1922. The question of the causes of these events remains relevant for modern historiography. On the basis of documents from the archive of the President of the Russian Federation, the state archive of the Russian Federation and the Russian state archive of socio-political history considered external and internal factors that influenced this reform. The periodization presented by the authors also includes the time before the reorganization and abolition of the Cheka. The analysis of the events of the late 1918 – early 1919, as well as the decision-making by the country's leadership allows to understand the true causes of the reform, as well as the role of L. B. Kamenev and F. E. Dzerzhinsky in this process.

Key words: the Cheka; IX all-Russian Congress of the Soviets, the Politburo of the Central Committee of the RCP(b); People's Commissariat of Internal Affairs, People's Commissariat of Justice, People's Commissariat of Foreign Affairs; F. E. Dzerzhinsky, L. B. Kamenev.

В отечественной историографии Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее – ВЧК) имеет место традиция тематической избирательности, которая привела к наличию малоисследованных фрагментов в истории органов государственной безопасности Советской России. Одним из таких фрагментов, несмотря на обращение к этой теме историков, является реорганизация и упразднение ВЧК. В монографии С.В. Леонова этому вопросу посвящены несколько страниц. Автор, рассматривая реорганизацию ВЧК и последующее ее упразднение, пришел к выводу, что именно внешний фактор послужил решающей причиной этого процесса [5, с. 299]. Более подробно на разработке реформы ВЧК остановился А.В. Поляков, который, наоборот, среди причин упразднения отметил ведомственные конфликты и в первую очередь инициативу партии в лице Политбюро ЦК ВКП(б) [7]. Между тем сам ход реформы рассмотрен недостаточно глубоко, что способствовало тому факту, что вопрос о причинах упразднения ВЧК остается до сих пор актуальным.

Рассматривая вопрос о реорганизации и упразднении ВЧК, необходимо обязательно остановиться на событиях второй половины 1918 – начала 1919 гг., которые показывают, что чекистам в среде государственно-политической элиты как в центре, так и на местах, уже в то время созрела внушительная оппозиция.

В органах центральной власти наиболее активно против ВЧК выступал Народный комиссариат юстиции (да-

лее – НКЮ), который еще в самом начале встал в оппозицию. Основной причиной конфликта были слишком широкие полномочия чекистов, создававшие массу проблем с соблюдением законности. Судя по материалам НКЮ, жалоб на неправомерность действий органов ВЧК хватало¹. В спор ведомств вынужден был вмешаться Совет Народных Комиссаров (далее – СНК), который на своем заседании 19 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) принял резолюцию о том, что изменение постановлений комиссии Ф.Э. Дзержинского допустимы только путем обжалования в СНК, а не единоличными распоряжениями комиссариата юстиции [4, с. 84].

Определенные нападки на органы ВЧК были и со стороны Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД), который в сентябре 1918 г. разослал всем губернским и уездным исполкомам телеграмму с предложением высказаться по вопросу подчиненности ЧК. Отмечалось, что ВЧК настаивает на самостоятельности местных ЧК, а НКВД – на необходимости их включения, на правах подотдела с определенной автономией, в отдел управления Исполкома. Большинство местных исполкомов поддерживали последнюю точку зрения². В недрах НКВД в это время появился доклад начальника центрального управления уголовно-розыскного подотдела о деятельности чекистов. В нем указы-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 353. Оп. 2. Д. 3. Л. 170; Оп. 3. Д. 393. Л. 23–24; Д. 438. Л. 9; Оп. 4. Д. 228. Л. 6.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 91. Л. 2–33.

валось, что вмешательство «деятелей» ВЧК в работу Уголовного подотдела создавало такую атмосферу, в которой «разобраться нельзя»¹.

В этих условиях как партийной властью, так и руководством чекистов предпринимаются ряд шагов по выходу из кризиса. Во-первых, 29 сентября 1918 г. выходит сообщение о создании при ВЧК контрольно-ревизионной коллегии, призванной бороться с грабежами, взяточничеством и шантажом со стороны лиц, состоящих на советской службе. Впоследствии в состав этого контролирующего органа, название которого со временем менялось, были введены представители Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков (далее – ЦК РКП(б)), НКВД и НКЮ, ей было предоставлено право опротестования постановления отделов и применения высшей меры наказания².

Во-вторых, в начале октября в ЦК РКП(б) созревает решение составить проект Положения о ВЧК, ее взаимоотношениях с другими комиссариатами как в центре, так и на местах [2, с. 87]. Эта задача была возложена в ВЧК на комиссию в составе Я.Х. Петерса, И.Н. Полукарова и В.В. Фомина [1, с. 277]. Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) 28 октября 1918 г. принял Положение «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях», согласно которому ВЧК являлась органом исполнительной власти и подчинялась Совнаркому. Председатели местных ЧК избирались исполкомами и утверждались ВЧК. Постановления местных чрезвычайных комиссий мог-

ли отменить или приостановить только ЧК вышестоящей инстанции [4, с. 203–204; 5, с. 319–320].

Между тем Положение о ВЧК хоть и определяло правовой статус Комиссии, но лишь в общих чертах, что предопределило появление новых межведомственных конфликтов. В то же время механизм налаживания взаимоотношений через контрольно-ревизионную комиссию оказался нежизнеспособным. В декабре 1918 г. появился доклад М.И. Лациса о деятельности в ВЧК в качестве представителя НКВД. В нем отмечалось, что Контрольно-ревизионная комиссия не может сколько-нибудь успешно работать, так как члены этой комиссии были сотрудниками ВЧК. И к тому же всякие попытки контроля оборачивались сопротивлением со стороны ВЧК. Но главной проблемой автор доклада считал отсутствие координации взаимодействия районных ЧК, Уголовной милиции и ВЧК³.

В то же время произошел конфликт с представителем НКЮ в Комиссии М.Ю. Козловским, который, едва успев ознакомиться с некоторыми делами ВЧК, выразил решительный протест против ее методов [5, с. 254]. В результате ЦК РКП(б) рекомендовал НКЮ заменить Козловского, оценка которого деятельности ВЧК носила «не столько деловой характер, сколько злобное отношение» [2, с. 107].

Необходимо отметить, что сложившийся кризис во взаимоотношениях ведомств был в том числе спровоцирован и самой ВЧК, допустившей ряд ошибок, которые усложнили и без того

¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 6. Д. 109. Л. 1–3 об.

² Там же. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 201. Л. 1–1 об.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 39. Л. 2–3.

непростое ее положение. Так, в «Вестнике ЧК» вышла публикация «Хватит миндальничать», которую резко осудил ЦК РКП(б) [2, с. 87–88]. На местах и в центре чекистами были возбуждены громкие дела, фигурантами которых были видные большевики и советские чиновники [2, с. 82]¹.

В итоге в декабре 1918 г. критика деятельности ВЧК достигла апогея. Президиум ВЦИК 26 декабря 1918 г. назначил специальную ревизионную комиссию для проверки работы ВЧК [4, с. 232]. 8 января 1919 г. Л.Б. Каменев направил В.И. Ленину проект резолюции о реформе революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий, который предусматривал немедленную ликвидацию ВЧК и всех ее местных органов [2, с. 119]. Практически одновременно в ВЧК был принят Проект о ВЧК и ГубЧК², который был представлен Ленину. Оба проекта были представлены партийному руководителю. В итоге ЦК партии выразил доверие ЧК, а Дзержинскому удалось отстоять компромиссный проект о реорганизации ЧК и Ревтрибуналов [3, с. 186]. Однако было принято решение об упразднении уездных ЧК³.

В 1921 г. в связи с окончанием Гражданской войны и переходом к НЭПу вопрос о компетенции ВЧК возник с новой силой. В ноябре на коллегии НКЮ рассматривался доклад Д.И. Курского о взаимоотношениях с ВЧК. Было принято решение внести на заседание СНК проект декретов, усиливающих права НКЮ в отношении надзо-

ра за ВЧК⁴. В ответ Ф.Э. Дзержинский выступил с категорическим протестом против передачи ВЧК под надзор Наркомата Юстиции. В своем письме председатель ВЧК указывал, что этот акт «роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями»⁵.

Другим сигналом о наметившемся наступлении на позиции чекистов было исключение личного состава войск ВЧК в январе 1921 г. из списков РККА [2, с. 427–428]. На это же указывало принятое Политбюро ЦК РКП(б) 25 ноября 1921 г. предложение Л.Б. Каменева и Д.И. Курского об определении штатов Комиссии в 90.000 человек и резерва в 15.000, в то время как Дзержинский предлагал 100.000 и 25.000 соответственно⁶.

Отправной точкой в реорганизации ВЧК стала II резолюция IX Всероссийского Съезда Советов. В ней отмечалось, что «укрепление Советской власти во вне и внутри позволяет сузить круг деятельности ВЧК и ее органов, возложив борьбу с нарушениями законов Советской Республики на судебные органы. Исходя из этого Съезд Советов поручает президиуму ВЦИК в кратчайший срок пересмотреть Положение о ВЧК в направлении их реорганизации, сужения компетенции и усиления начал революционной законности»⁷. Отметим, что речи об упразднении ВЧК в резолюции не идет.

Механизм реорганизации и упразднения ВЧК представляется крайне любопытным. Если посмотреть на протоколы заседаний СНК, то выяснится,

¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 426; Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 418.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. 353. Оп. 4. Д. 1. Л. 121–121об.

⁵ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 30.

⁶ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 52. Л. 21–22.

⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 8. Д. 5. Л. 5.

что Ф.Э. Дзержинский в период принятия этого решения отсутствовал. В протоколе № 458 заседания СНК от 3 января 1922 г. он числился в качестве председателя ВЧК в последний раз. При этом в протоколах заседаний СНК с № 459 по № 466 вопрос об упразднении ВЧК вовсе не рассматривался. Только в протоколе № 466 от 28 февраля 1922 г. восьмым вопросом значится утверждение т. И.С. Уншлихта членом коллегии НКВД в должности заместителя председателя ГПУ¹. Следовательно, вопрос об упразднении ВЧК не проводился в официальных заседаниях того органа власти, которому она была непосредственно подчинена.

Принятие решения об упразднении ВЧК проходило на заседаниях Политбюро и опять без участия Дзержинского. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 1 декабря 1921 г. с целью пересмотра компетенции ВЧК была создана комиссия в составе тт. Л.Б. Каменева, Д.И. Курского и Ф.Э. Дзержинского. Эта комиссия в пятидневный срок должна была подготовить и провести через ВЦИК общее положение «об изменении в смысле серьезных умягчений»². В результате появляется проект нового Положения о ВЧК, которое закрепляет Комиссию за СНК в качестве самостоятельного органа, но с рядом ограничений ее прав [1, с. 485 – 486]. Очевидно, что разработка этого основополагающего документа для Ф.Э. Дзержинского была делом решенным, и он не подозревал о готовящейся реформе ВЧК в смысле ее упразднения.

На это указывают несколько фактов. Во-первых, Феликс Эдмундович просит 4 января 1922 г. Политбюро за-

менить его И.С. Уншлихтом, а сам уезжает в Сибирь³. Во-вторых, в период, когда уже шла подготовка к упразднению ВЧК, сами чекисты обращаются в ЦК РКП с просьбой предоставить им право наказания преступников, мотивируя это слабостью репрессивной политики Народных судов на фоне возросших убийств и ограблений⁴.

Начало рассмотрения реорганизации ВЧК в смысле ее упразднения было организовано незаметно. Более того, все началось с постановления Президиума ВЧК от 6 декабря 1921 г. о внесении в Политбюро вопроса о высылке активных меньшевиков в административном порядке, лишив их права занимать выборные должности. Партийный орган постановил создать комиссию в составе тт. И.С. Уншлихта, В.В. Шмидта и Д.И. Курского для разработки этого вопроса с тем изменением, что к меньшевикам добавили эсеров⁵. Между тем в Политбюро в рамках высылки представителей этих партий возник и вопрос о реорганизации ВЧК⁶.

Сама реформа ВЧК была проведена в короткие сроки. В протоколе № 91а заседания Политбюро ЦК РКП от 21 января 1922 г. было вынесено решение о подготовке положения от имени ВЦИК об упразднении ВЧК⁷. На заседании от 2 февраля 1922 г. в присутствии Л.Б. Каменева, В.М. Молотова, И.В. Сталина, М.И. Калинина и Н.И. Бухарина проект постановления об упразднении ВЧК был утверждён⁸. Тот факт, что на заседании отсутство-

³ Там же. Д. 2. Л. 1–3.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 241. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 225. Л. 23 об., 25.

⁶ Там же. Д. 233. Л. 7.

⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 2. Л. 9–10.

⁸ Там же. Л. 18–20.

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 1а. Л. 1, 35.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 1. Л. 134.

вал Ф.Э. Дзержинский, а присутствовал Л.Б. Каменев, говорит о кардинальном повороте партии в вопросе о ВЧК.

Показательна в этом отношении докладная записка Ф.Э. Дзержинского от 14 февраля 1922 г. в СНК и ВЦИК Советов, в которой он обрушился с критикой решения об упразднении ВЧК. Его главным тезисом было утверждение о том, что ВЧК в самый трудный момент сыграла ключевую роль не только в деле защиты завоеваний революции, «являясь не чем иным, как олицетворением карающей десницы революционного пролетариата», но и в деле строительства Советской Республики, о чем «свидетельствует громадное количество предписаний, декретов, постановлений и даже распоряжений, исполненных ЧК помимо ее прямых задач». Бывший председатель ВЧК был возмущен тем, что решение об упразднении Комиссии было принято без его участия. Это решение убедило Феликса Эдмундовича «в том, что «правлящие сферы» окончательно отошли от трудового народа». Поэтому Ф.Э. Дзержинский просил освободить его от всех обязанностей, которые он выполнял в НКВД, НКПС и ВЦИК¹.

Внешний фактор также повлиял на реорганизацию и упразднение ВЧК. О его определяющей роли в свое время говорил представитель белого движения генерал П.Ф. Рябиков. Павел Федорович, отмечая что упразднение ЧК произошло накануне конференции в Генуе, подчеркивал фиктивность этой реформы. С его точки зрения, коммунисты просто переименовали ВЧК в ГПУ². О том, что именно «внешний» фактор послужил решающей причи-

ной реорганизации ВЧК, прямо заявлял и И.С. Уншлихт [5, с. 299]. Между тем внешний фактор, имевший место в ходе реформы ВЧК, был лишь прикрытием внутренних проблем. Не исключено, что причиной появления внешнего фактора в реорганизации ВЧК была ситуация в ее взаимоотношениях с Народным комиссариатом иностранных дел (далее – НКИД). Чекисты в 1921 г. предприняли попытку вмешаться в дела НКИД, требуя подчинения ряда его служб Особому отделу ВЧК [7]. И самое главное, меры по контрреформе начались в марте, т.е. до начала Генуэзской конференции.

Таким образом, на первом этапе реорганизации ВЧК во второй половине 1918 – начале 1919 гг. причиной реформы послужил именно ведомственный конфликт, вызванный обширными полномочиями органов ВЧК, реализация которых вызвала критику со стороны НКЮ, НКВД и местных партийных органов. Ситуация усугублялась неопределённостью правового статуса ВЧК, стихийным образованием ее местных органов, а также рядом ошибочных действий чекистов. С принятием «Положения о ВЧК», постановлений «О революционной законности», «О порядке ареста сотрудников Советских учреждений и предприятий» и «О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами», а также вследствие вполне определенной позиции ЦК РКП(б) по этому вопросу, ситуация стабилизировалась. Предложение о полной ликвидации органов ВЧК, выдвинутое Л.Б. Каменевым, не нашло поддержки среди правящей партийной элиты.

Ход проведения реорганизации и упразднения ВЧК со второй половины

¹ ГАРФ. Ф. Р5872. Оп. 2. Д. 20. Л. 4–8.

² Там же. Ф. 5793. Оп. 2. Д. 63. Л. 1–2.

1921 г. по начало 1922 г. показывает, что эта реформа вызвана комплексом внешних и внутренних причин. Внешний фактор оказал определенное влияние на упразднение ВЧК. Очевидно, что Комиссия была олицетворением «Красного террора» и вызывала неприятие и раздражение за границей. Ее упразднение, пусть даже формальное, было одним из сигналов международному сообществу от Советской России, стремившейся укрепить свое положение в мире. Между тем внутренний фактор в реформе ВЧК играет определяющую роль. Тот факт, что она проводилась в тайне от Ф.Э. Дзержинского, указывает на внутренний источник преобразований. Сыграла свою роль и оппозиция органам ВЧК в среде государственно-политической элиты. Ведь недаром имя Л.Б. Каменева проходит через все проекты, связанные с попытками реформирования органов государственной безопасности Советской России.

Определяющее влияние на реорганизацию и упразднение ВЧК оказала

новая экономическая политика, которая сделала невозможным продолжение работы Комиссии в прежнем формате, что подтверждает ряд фактов. Во-первых, в постановлениях IX Всероссийского Съезда Советов имеется прямое указание на необходимость возвращения во всех областях жизни начал революционной законности в связи с новыми формами отношений, созданными на почве постановлений о новой экономической политики¹. Во-вторых, ВЧК, с механизмом борьбы, выработанным в годы Гражданской войны, никак не вписывалась в новую систему законодательства. Ведь подготовка Уголовного и Гражданского кодексов шла в начале 1922 г. полным ходом. В-третьих, все имеющиеся следственные дела по спекуляции, хищениям и должностным преступлениям согласно постановлению Съезда Советов передавались в Ревтрибуналы и Народные суды по принадлежности².

Статья поступила в редакцию 04.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив ВЧК: сборник документов / Сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М.: Кучково поле, 2007. 719 с.
2. В.И. Ленин и ВЧК: сборник документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1987. 642 с.
3. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. М., Политиздат, 1977. 494 с.
4. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг.: сборник документов. М.: Госполитиздат, 1958. 512 с.
5. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997. 356 с.
6. Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991. Справочник. М.: МФД, 2003. 768 с.
7. Поляков А.В. Разработка реформы ВЧК (1921–1922 гг.) // Новый исторический вестник. 2002. № 7. С. 72–85.

REFERENCES

1. Arkhiv VChK: sbornik dokumentov / Sost. V. Vinogradov, N. Peremyshlennikova [The archives of the Cheka: a collection of documents / Comp. V. Vinogradov, N. Peremyshlanska]. Peremyshlanska. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2007. 719 p.

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 8. Д. 5. Л. 40б.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 2. Л. 18 – 20, 24.

2. Lenin i VChK: sbornik dokumentov (1917–1922 gg.) [Lenin and the Cheka: a collection of documents (1917–1922)]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 642 p.
3. Dzerzhinskii F.E. Izbrannye proizvedeniya v 2-kh t. T. 1 [Selected works in 2 v. Vol. 1]. M., Politizdat, 1977. 494 p.
4. Iz istorii Vserossiiskoi Chrezvychainoi komissii 1917–1921 gg. [From the history of the all-Russian Extraordinary Commission 1917–1921]: a collection of documents. M., Gospolitizdat Publ., 1958. 512 p.
5. Leonov S.V. Rozhdenie sovetskoi imperii: gosudarstvo i ideologiya 1917–1922 gg. [The birth of the Soviet Empire: the state and ideology, 1917–1922]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1997. 356 p.
6. Kokurin A.I., Petrov N.V. Lubyanka: organy VChK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB, 1917–1991. Spravochnik [Lubyanka: the bodies of the Cheka-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB, 1917–1991. Reference]. Moscow, MFD Publ., 2003. 768 p.
7. Polyakov A.V. [The development of the reform of the Cheka (1921–1922)]. In: *Novyiistorich-eskiivestnik*, 2002, no. 7, pp. 72–85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мозохин Олег Борисович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН в г. Москве;
e-mail: 7077707@bk.ru

Соколов Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель филиала Санкт-Петербургского Института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Калининграде;
e-mail: sas555@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg B. Mozokhin – doctor of Historical Sciences, senior researcher, leading researcher at the Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences in Moscow;
e-mail: 7077707@bk.ru

Andrey S. Sokolov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, teacher of the branch of "St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law" in Kaliningrad;
e-mail: sas555@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мозохин О.Б., Соколов А.С. Реорганизация и упразднение Всероссийской чрезвычайной комиссии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 115–122.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-115-122

FOR CITATION

Mozokhin O., Sokolov A. Reorganization and abolition of the All-russian Extraordinary Commission. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2018, no. 3, pp. 115–122.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-115-122

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-123-130

РОЛЬ РКП(б) В ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ КОМИНТЕРНА

Суздальцев И.А.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматривается деятельность Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ, осуществлявшего непосредственное руководство организацией в период между всемирными конгрессами) в годы его становления (1919–1920 гг.). Делается вывод о том, деятельность ИККИ уже с момента основания находилась под жестким контролем РКП(б), изначально выражая интересы партии большевиков при формальной роли иностранных делегаций, не имеющих возможности влиять на ключевые политические решения.

Ключевые слова: III Интернационал, Учредительный конгресс, Бюро ИККИ, II конгресс Коминтерна, Устав Коминтерна, «21 условие».

THE ROLE OF THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY IN THE FORMATION OF THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE COMINTERN

I. Suzdaltsev*Moscow Region State University**10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. This article examines the activities of the Executive Committee of the Communist International (which directly supervised the organization during the period between world congresses) in the years of its formation (1919–1920). It is concluded that the activities of the Executive Committee of the Communist International have been under the strict control of the Russian Communist Party from the very outset, initially expressing the interests of the Bolshevik party with the formal role of foreign delegations that do not have the ability to influence key political decisions.

Key words: the Third International, Constituent Congress, Bureau of the ECCI, II Congress of the Comintern, Charter of the Comintern, "21 conditions".

Организационная структура каждой политической организации отражает ее идейно-политическую направленность и методы действия. Именно такой организацией для Коминтерна и являлся его Исполнительный Комитет.

Идею о том, что III Интернационал уже изначально создавался как инструмент внешней политики большевиков, а приглашение видных политиков и создание для них самых благоприятных условий (с размещением в Кремле и гостинице «Дрезден») было не более, чем элементом пропаганды, а ответственной за

все принятые решения уже тогда была исключительно делегация РКП(б) разделяет А.Ю. Ватлин, заявляя, что в процессе работы I конгресса Коминтерна (6 марта 1919 г.), закрывая последнее заседание, Ленин произнес фразу, которая была наполнена двояким смыслом: «Завтра работа (Интернационала) начнется ровно в 11 часов, неважно, соберутся делегаты или нет» [Цит. по: 8, с. 61]. Собранным в Митрофаньевском зале Кремля была отведена роль простых статистов. Всю ночь редакционная комиссия дорабатывала проекты резолюций, Манифест и обращение к рабочим всего мира были приняты без какого-либо обсуждения [Цит. по: 8, с. 61].

Однако среди современных исследователей истории Коминтерна отсутствует единство во мнении о тотальной зависимости отдельных секций от центра, вплоть до абсолютно противоположных точек зрения. В частности, К.К. Ширина считает, что «не «рука Москвы», а рука передовой части рабочего класса – вот что представляли собой компартии в рядах Коминтерна» [12, с. 33].

Ф.И. Фирсов высказывает мнение, что представления о Коминтерне как о могущественной, дисциплинированной, строго централизованной организации изначально превышали его возможности, так как сам характер интернациональных связей и взаимодействия национальных отрядов рабочего движения не допускал столь высокой степени централизации и предполагал их определенную самостоятельность [11, с. 34]. Впрочем, исследователем признается, что даже в первые годы существования III Интернационала эта линия не всегда принималась доста-

точно гибко, на примере письма Цеткин 25 января 1921 г. Ленину, в котором заявлялось следующее: «Я хотела бы настоятельно просить Вас употребить Ваше влияние, чтобы Исполком был осторожен со своими письмами и оповещениями. Иногда они носят характер грубого, властного вмешательства, когда отсутствует знание соответствующих реальных условий» [Цит. по: 11, с. 35]. Она отмечала, что «ИККИ односторонне воспринимает получаемую информацию и проявляет тенденцию считать объективно верными сообщения, отвечающие подчас его собственным желаниям, а не конкретной обстановке» [Цит. по: 11, с. 35]. Причину этого Цеткин усматривала в том, что «Исполком слишком отрезан, он может видеть основные линии развития и делать из них принципиальные выводы, но он не всегда в состоянии обозреть все конкретные обстоятельства дела, которые подлежат учету в целях практического осуществления принципов» [Цит. по: 11, с. 35]. В том же месяце австрийский представитель в ИККИ К. Штейнгардт выступил с резким заявлением о том, что «Исполнительный Комитет является только кулисами для русских товарищей» [Цит. по: 11, с. 35].

Историк К.В. Киселев считает, что «организационная аморфность и теоретическая несостоятельность многообразных коммунистических групп были даже необходимы для основания нового Интернационала. Построение жестко централизованной, подчиненной одной схеме мировой партии проще начинать с восторженными энтузиастами-одиночками, чем с трезвыми опытными политиками, имеющими устойчивые каналы связи с мас-

сами, пользующимися авторитетом» [9, с. 229].

Характер учредительного конгресса, состоявшегося 2–6 марта 1919 г. сказался на организационной структуре Коминтерна. Не было принято ни устава, ни какого-либо иного документа, регламентирующего его работу. Однако было решено избрать Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала, который должен был осуществлять руководство организацией между конгрессами. Для руководства работой ИККИ были образованы Бюро ИККИ (до проведения II конгресса Коминтерна выполняло функцию ИККИ) и Секретариат ИККИ.

Исследователь В.А. Бобренов высказывает точку зрения, что «структура, стиль и методы руководства Коминтерна – точный слепок с большевистской партии. Централизм определял все, и вскоре самостоятельные зарубежные компартии, подобно организациям РКП(б) на местах, лишились самостоятельности и свободы в принятии решений, в выработке своих путей их осуществления» [6, с. 92].

Неудивительно, что председателем Исполкома Коминтерна стал один из высокопоставленных и влиятельных членов РКП (б) Г.Е. Зиновьев, на VIII съезде партии (18–23 марта 1919 г.) выступая в качестве докладчика заявивший, что Исполнительный Комитет «единогласно выбрал председателем представителя нашей партии, предложенного ЦК РКП(б)» [1, с. 11], то есть его самого. Также можно сделать вывод о «кулуарном» характере процедуры выбора председателя ИККИ, так как в протоколе ЦК от 17 марта, когда тема находилась на повестке дня, имеется лишь такого рода упоминание: «В

связи с тем, что тов. Зиновьев стал во главе международного Бюро» [8, с. 65], ему вместе с Бухариным и поручалось разработать основные направления будущей деятельности этой организации. Несколько месяцев спустя на Зиновьева возлагалось исключительное право выпускать воззвания и обращения в Петрограде от ИККИ в случаях, не терпящих отлагательств и когда предварительное сношение с Москвой невозможно¹.

О тесной взаимодействии с РКП(б), под которым могло подразумеваться идеологическое и политическое воздействие на Интернационал говорит пункт «26» протокола заседания ИККИ от 26 марта: «Поручить Бюро ИККИ немедленно войти в сношения с ЦК РКП для проведения в жизнь всех постановлений, касающихся Коммунистического Интернационала»². В то же время ИККИ получал доступ к дипломатическим сообщениям наряду с Наркоминделом: «Поручить Бюро III Интернационала войти в немедленное сношение с Наркоминделом для пользования радио и получения всех сообщений по радио дипломатического характера, а также для использования курьеров, посылаемых в Наркоминдел»³.

Постановления ИККИ были обязательны для всех секций Коминтерна. Исполкому принадлежало право приема в Коминтерн с совещательным голосом организаций и партий, сочувствовавших Коммунистическому Интернационалу, и исключения из

¹ РГАСПИ Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 43, Л. 44. Протокол №20 Заседания Бюро ИККИ от 4.08.1919 г.

² РГАСПИ Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Протоколы заседания ИККИ от 26 марта 1919 г.

³ Там же.

Коминтерна. Для решения наиболее важных вопросов, связанных с деятельностью компартий и Коминтерна, Исполком проводил расширенные заседания (пленумы). Для практической работы Исполкомом был создан аппарат, который неоднократно подвергался реорганизации, в зависимости от политических задач, стоявших перед Коминтерном. В состав аппарата ИККИ в марте 1919 г. вошли отделы, ведавшие определенными отраслями работ: Организационный, Пропаганды, Информационный, Печати, По работе в деревне, Редакционно-издательский, Отдел кадров и др. В частности, Отдел международной пропаганды был организован из Отдела Советской пропаганды¹. Одним из первых поручений, возложенных на отдел, явилось «перевести программу РКП на западно-европейские и восточные языки»².

Исполком Коминтерна координировал свою работу с советским правительством: 28 марта коллегией НКВД для связи с ИККИ был делегирован заместитель наркома Л. Карахан [5, с. 8].

Важным средством контроля и воздействия РКП(б) на входящие в состав Коминтерна партии являлось финансирование их деятельности. В марте 1919 г. большевистская партия предоставила ИККИ «взаимообразную ссуду» в размере 1 миллиона рублей³, распоряжение которыми находилось в ведении узкого круга членов Бюро ИККИ⁴. Ежегодно размер выплат уве-

личивался, исходя из записок руководящих деятелей Интернационала и партии (Зиновьева, Молотова и т. д.)⁵. В частности, на заседании бюджетной комиссии ИККИ от 3 января 1922 г. отмечалось, что для Коммунистической партии Великобритании за год было выделено 24 тыс. фунтов. Общая сумма субсидий зарубежным компартиям в тот год составила 10% всего коминтерновского бюджета [10, с. 38].

В результате финансирования зарубежных компартий из Москвы в них оформилась двойная структура руководства – наряду с официальными секретарями ЦК реальной властью обладали доверенные лица руководителей Коминтерна, выступавшие в роли независимых каналов информации и, соответственно, располагавшие значительными денежными средствами. Зиновьев в 1921 г. напишет в Берлин: «Я просто не знаю, какие еще меры принять, чтобы покончить с тем, чтобы каждого русского или полурусского в Германии принимали за нашего представителя. В конце концов придется прямо сделать соответствующее заявление» [Цит. по: 7, с. 334].

Для восполнения информационного поля о состоянии дел в Советской России за рубежом, для усиления пропагандистской деятельности Исполкомом Коминтерна было решено перевести и издать сборник декретов РСФСР на немецком, французском и английском языках⁶. С целью еще

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Протоколы заседания ИККИ от 26 марта 1919 г.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 12. Протокол № 7 заседания Бюро ИККИ от 14.04.1919 г.

³ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 5. Л. 1. Телеграмма Г.Е. Зиновьева в Политбюро ЦК РКП(б) от 20.03.1919 г.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 31. Прото-

кол №15 заседания Бюро ИККИ от 15.05.1919 г.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 43, Л. 44, Протокол №20 Заседания Бюро ИККИ от 4.08.1919 г.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 53. Л. 176. Записка Г.Е. Зиновьева в Бюро секретариата ЦК РКП(б).

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 34. Протокол № 16 Заседания Бюро ИККИ от 26 мая 1919 г.

большей централизации постановлением ЦК РКП (б) в июне 1919 г. было создано Малое Бюро ИККИ в составе Я. Берзина, Э. Руднянского, Г. Клингера и Н. Бухарина¹.

Только в августе в руководящий орган Коминтерна был введен иностранец, имевший формальные полномочия, коим стал поляк Юлиан Мархлевский. Причём это решение ИККИ не было принято самостоятельно (на что у него, по сути, были полномочия), а только после согласования с ЦК РКП(б)². До него в Исполком входили исключительно члены русской делегации: Г. Зиновьев, А. Балабанова, В. Воровский, Г. Клингер, М. Литвинов, Н. Бухарин, Л. Карахан, Я. Берзин, Э. Руднянский.

Члены зарубежных компартий вынуждены были адаптироваться под политический стиль, принятый в столице Советской России, который находил понимание и одобрение далеко не у всех. Например, австрийский представитель в ИККИ К. Штейнгард таким образом описывал работу аппарата: «Дело зашло так далеко, что нам приходилось встречать свои подписи под воззваниями и прочими вещами в совершенно готовом виде, тогда как мы понятия не имели о том, что они подготавливаются» [Цит. по: 8, с. 70]. Участвовавшая в работе I конгресса А.И. Балабанова говорит о «чисто декоративной роли» [Цит. по: 8, с. 65] иностранных коммунистов в Исполкоме Коминтерна, большинство из которых было готово к слепому подчинению, ввиду чего равноправие секций было сугубо номинальным. Таким образом,

с виду демократичная разветвленная структура управления Интернационалом сводилась к тому, что Бюро ИККИ, работающее на постоянной основе и состоящее из «угодных» лиц, сосредотачивало все рычаги правления организацией в своих руках.

Необходимым элементом в пропагандистской работе стал печатный орган Коминтерна – журнал «Коммунистический Интернационал»³. Для оказания содействия революционному движению в других странах, для помощи в формировании компартий, налаживания их регулярных связей, обеспечения связей с ИККИ, был создан ряд региональных (заграничных) бюро и отделений [5, с. 10], куда «для инструктирования и направления работы»⁴, в действительности же для контроля ситуации на местах и своевременного информирования, направлялись деятели РКП(б).

На первом заседании ИККИ, состоявшемся 7 августа 1920 г., когда вопрос о Бюро Исполкома решался уже в присутствии иностранных коммунистов, Зиновьевым для сохранения нем большинства членов РКП(б) были заявлены следующие доводы: «Вся техническая подготовительная часть должна быть в руках русской партии, так как Исполком находится в России и берет на себя полную ответственность. Мы просим оставить за нами большинство, мы несем на себе всю ответственность и полагаем, что сможем выполнить многое лучше, чем другие товарищи»⁵. Воз-

¹ РГАСПИ Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 45. Протокол №21 Заседания Бюро ИККИ от 18.07.1919 г.

² РГАСПИ Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 50. Протокол № 24 заседания Бюро ИККИ от 22 августа 1919 г.

³ РГАСПИ Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 91. Протокол №36 Заседания Бюро ИККИ от 11.12.1919.

⁴ РГАСПИ Ф. 495. Оп. 1. Д. 6. Л. 21. Протокол №46 Заседания Бюро ИККИ от 02.02.1920.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 7. Л. 17, 19. Первое заседание Исполкома Коммунистического Интернационала. От 07.08.1920 г.

никшую дискуссию о секретаре Малого Бюро, организованную членами ИККИ от Германии П. Леви и от США Дж. Ридом (в противовес предложенной русской делегацией кандидатуре Кобецкого), Зиновьевым было предложено прекратить и «если есть какие-либо обвинения, то тов. Рид обязан их формулировать и передать в ЦК»¹. Таким образом, возможность продуктивного спора была изначально пресечена, причем регулятором спора должна была выступать партия большевиков, организационно не связанная с ИККИ.

Окончательно принцип жесткой централизации был закреплен Уставом, принятым на II конгрессе Коминтерна (19 июля – 7 августа 1920 г.): партия страны, где находится ИККИ, осуществляющая главную часть работы в нем, вводит в ИККИ пять своих представителей с решающим голосом, а 10-13 значительнейших коммунистических партий, список которых должен утверждаться конгрессом, – по одному представителю с решающим голосом, остальные – по одному представителю с совещательным голосом [2, с. 537].

Устав закреплял за ИККИ «право требовать от аффилированных партий исключения групп и лиц, нарушающих партийную международную дисциплину» [2, с. 537]. Отсутствие прописанных и утвержденных критериев нарушения международной дисциплины позволяло Исполнительному комитету находить скрытый подтекст в любом проявлении, так или иначе не устраивающем руководство, и трактовать его как расхождение с курсом международного коммунистического движения.

Также на II конгрессе было принято 21 условие, ограничившее прием в

Интернационал некоммунистических партий. Шестнадцатый пункт условий без каких-либо ограничений приравнял полномочия ИККИ и Всемирного конгресса: «Все постановления съездов Коммунистического интернационала, как и постановления его Исполнительного комитета, обязательны для всех партий, входящих в Коммунистический Интернационал» [4, т. 41, с. 211]. Это условие, по сути, подчинявшее национальные секции воле ИККИ, было, как утверждают К. Макдермотт и Дж. Агню, воспринято многими историками как свидетельство «ползучей русификации» Коминтерна при Ленине [10, с. 34]. Член русской делегации Н.И. Бухарин отмечал: «Всякие компромиссы здесь приводят только к внутренней дезорганизации аппарата. Из спора в таких условиях рождается не истина, а победа контрреволюции» [3, с. 617].

Таким образом, первоначально ИККИ создавался для руководства организацией в период между конгрессами, однако, затем его полномочия с полномочиями конгресса уравнились. По нашему мнению, это было сделано в первую очередь для того, чтобы упростить процесс принятия решений без участия влиятельных деятелей международного коммунистического движения, которые могли бы присутствовать на конгрессе и так или иначе выразить свой протест. Исполком же почти наполовину состоял из деятелей русской делегации, с которыми, как правило, были солидарны остальные его члены. Соответственно, появлению какой-либо «сознательной» оппозиции либо дискуссии изначально была воздвигнута непреодолимая преграда.

Статья поступила в редакцию 19.03.2018

¹ Там же.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. М.: Госполитиздат, 1959 602 с.
2. Второй конгресс Коминтерна. Июль–август 1920 г. М.: Партийное издательство, 1934. 754 с.
3. Коммунистический Интернационал. 1919. № 5. С. 617.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. 696 с.
5. Адиеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Организационная структура Коминтерна, 1919–1943 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.
6. Бобреньев В.А. За отсутствием состава преступления (Новые материалы о Коминтерне). М.: Олимп, 1998. 480 с.
7. Ватлин А.Ю. Внешняя политика и Коминтерн, 1921–1929 гг. // Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. С. 331–375.
8. Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.
9. Киселев К.В. К вопросу о логике развития организационной структуры мировой партии (Коминтерн и судьба мирового коммунизма) // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2003. №4. С. 227–261.
10. Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000. 224 с.
11. Фирсов Ф.И. Коминтерн: механизмы функционирования // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 32–47.
12. Ширина К.К. Опирайтесь на живое наследие Коммунистического Интернационала // Ленин. Россия. Коминтерн. М.: Щербинская типография, 1999. С. 29–36.

REFERENCES

1. Vos'mois"ezdRKP (b). Mart 1919 goda [The eighth Congress of the RCP (b). March 1919]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. 602 p.
2. Vtoroi kongress Kominterna. Iyul'–avgust 1920 g [The second Congress of the Comintern. July–August 1920]. Moscow, Partiinoe izdatel'stvo Publ., 1934. 754 p.
3. [The Communist International], 1919, no. 5, pp. 617.
4. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 41 [Complete works. Vol. 41]. Moscow: Politizdat, 1981. 696 p.
5. Adibekov G.M., Shakhnazarova E.N., Shirinya K.K. Organizatsionnaya struktura Kominterna, 1919–1943 gg [The organizational structure of the Comintern, 1919–1943]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 287 p.
6. Bobrennev V.A. Za otsutstviem sostava prestupleniya (Novye materialy o Kominterne) [When there is no corpus delicti (New materials about the Comintern)]. Moscow, Olimp Publ., 1998. 480 p.
7. Vatlin A.Yu. Vneshnyaya politika i Komintern, 1921–1929 gg. [Foreign policy and the Comintern, 1921–1929]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2002. pp. 331–375.
8. Vatlin A.Yu. Komintern: idei, resheniya, sud'by [The Comintern: ideas, decisions, and destinies]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 374 p.
9. Kiselev K.V. [On the issue of the logic of the world party organizational development (Comintern and the destiny of the world communism)]. In: *Nauchnyi ezhegodnik IFiP UrO RAN*, 2003, no. 4, pp. 227–261.
10. Makdermott K. Agnyu Dzh. Komintern. Istoriya mezhhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina [The Comintern. The history of international communism from Lenin to Stalin]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2000. 224 p.

11. Firsov F.I. [The Comintern: the mechanisms of functioning]. In: *Novaya i noveishaya istoriya*, 1991, no. 2, pp. 32–47.
12. Shirinya K.K. Opirat'sya na zhivoe nasledie Kommunisticheskogo Internatsionala [To rely on the living legacy of the Communist international]. In: *Lenin. Rossiya. Komintern* [Lenin. Russia. The Comintern]. Moscow, Shcherbinskaya tipografiya Publ., 1999. pp. 29–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суздальцев Илья Алексеевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: ialoko90@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Suzdaltsev – Post-graduate student of the Department of Contemporary History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: ialoko90@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суздальцев И.А. Роль РКП (б) в формировании организационной структуры Коминтерна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 123–130.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-123-130

FOR CITATION

Suzdaltsev I. The role of the Russian Communist Party in the formation of the organizational structure of the Comintern. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 123–130.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-123-130

УДК 94 (170.661) «1920 – 1930»

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-131-137

МЕТАМОРФОЗЫ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ В СЕРЕДИНЕ 1920–1930 ГГ.

Кульчицкий П.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе предпринята попытка рассмотреть процесс эволюции советской национальной политики во второй половине 1920–1930-е гг. Советское руководство после укрепления власти на территории Чечни провело масштабное разоружение населения и усилило давление на шариатские суды. Действия советской власти привели к недовольству местного населения, выливавшемуся в восстания. При этом лидерами восстаний становились бывшие представители чеченской партийной номенклатуры. Автор связывает изменение национальной политики с усилением власти советских органов на местах в сторону жесткой централизации.

Ключевые слова: национальная политика, Чечня, ТОЗы, коллективизация, Гойты, Шали, ЧИАССР.

METAMORPHOSES OF THE SOVIET NATIONAL POLICY ON THE TERRITORY OF CHECHNYA IN THE MID 1920-S AND 1930-S

P. Kulchitskiy

Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. In this paper an attempt is made to consider the evolution process of Soviet national policy in the second half of the 1920s and 1930s. After the strengthening of the Soviet power on the territory of Chechnya the Soviet leadership carried out a large-scale disarmament of people and increased the pressure on sharia courts. The actions of the soviet governance led to disaffection among the locals which resulted in insurrections there. The leaders of the insurrections became former members of Chechen political nomenclature. The author connects the change in national policy with the increasing authority of the Soviet self-government towards firm centralization.

Key words: national policy, Chechnya, collectivization, Goiti, Shali, Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic.

С установлением советской власти на окраинах бывшей Российской империи партия большевиков начала на практике реализовывать свою национальную политику.

Советские органы на начальном этапе не имели значительной опоры в национальных областях, поэтому большевики проводили свою политику через местных, лояльных новой власти, лидеров.

Но со временем, укрепив свою власть, большевики отказались от сотрудничества со старыми союзниками, заменили их новыми, беспрекословно исполнявшими волю Москвы.

Учитывая смену вектора национальной политики, советское руководство в 1925 г. провело крупномасштабную акцию по разоружению местного населения. Также были арестованы лидеры повстанцев. После разоружения многие чеченские руководители лишились своих должностей, например Т. Эльдарханов¹. Несмотря на их лояльность, руководство страны не устроили попытки Т. Эльдарханова и его сторонников наладить контакт не только с советской властью, но и со сторонниками духовной власти в лице имамов.

Затем советское руководство перешло в наступление на шариатские суды. Первоначальная попытка властей дискредитировать шариатские суды успеха не имела, их вес в глазах чеченского общества все еще был вы-

сок. Воспользовавшись административным ресурсом, советская администрация в лице прокурора Верховного Суда, ограничила в правах шариатские суды. Теперь данные суды не могли заниматься уголовными и земельными делами, разрешать трудовые споры, и, самое главное, теряли государственное финансирование². Было решено отстранить мулл от распределения так называемых добровольных пожертвований в пользу бедных и духовенства («закят»). В целом только небольшая часть их проходила через мулл, но даже эта сумма в среднем достигала 470 тысяч руб. в год³. Теперь вместо мулл закят собирали комитеты крестьянских обществ взаимопомощи.

Таким образом, государство постепенно по всей стране переходило к идеологии атеизма. В Чечне мусульманское духовенство обладало огромным авторитетом, и советскому руководству, стремящемуся установить свою власть на всей территории области, сильное горское духовенство было невыгодно.

Во второй половине 1920-х гг., относительно укрепив свою власть в стране и восстановив сельское хозяйство, советское руководство начало переход к коллективизации сельского хозяйства, подавив внутреннюю оппозицию по этому вопросу.

Решение о начале коллективизации было принято на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. Основными целями коллективизации было установление социалистических производственных отношений в деревне, преобразование мелкотоварных индивидуальных хо-

¹ Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов (1870–1934 гг.) чеченский писатель, просветитель, общественный и политический деятель. Автор первого чеченского букваря (1911 г). Депутат I и II Государственной думы. В апреле 1920 г. назначен председателем Чеченского ревкома. С ноября 1920 г. член РКП(б). Будучи главой Чеченского ревкома, Эльдарханов занимал должность председателя ЦИК ГАССР. С августа 1923 г. – глава Чеченской Автономной области. 27 сентября 1927 г. Эльдарханов был освобожден от должности председателя Чеченского областного ЦИК. С 1929 г. работал в системе объединения «Грознефть».

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 4. Д. 18. Л. 2.

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 124. Д. 108. Л. 1.

зяйств в крупные хозяйства. Стоит отметить, что благодаря коллективизации была создана система перекачки финансовых, материальных, трудовых ресурсов из аграрного в промышленный сектор экономики. Это позволило найти ресурсы на преодоление отставания промышленности СССР от ведущих мировых держав. В Чечне тоже была сделана ставка на сплошную коллективизацию, причем не был учтен такой фактор, как рельеф местности. Даже горные районы попали под сплошную коллективизацию.

В ответ на активную коллективизаторскую политику произошел ряд восстаний в селах Гойты и Шали. Во главе восстания в Шали стоял бывший министр правительства Узун-хаджи Шита Истамулов [8, с. 137].

В ноябре 1929 г. бюро чеченского обкома ВКП(б) констатировало, что сопротивление «хозяйственно-политической кампании» в селе Гойты переросло в организованное выступление с применением оружия. Но партийное руководство Чечни продолжило политику «нажима на кулака». В частности, рекомендовав «довести группу обложения кулацких хозяйств по селению до 10–11%, доведя их обложение до 35–40% обложения всего аула» [7, с. 101–103].

Действия властей не смягчили обстановку, и восстание начало набирать силу. Восставшие сформулировали список требований, что, по сути, свидетельствует о его организованности. Требования восставших сводились к следующему: прекращение насильственной коллективизации, восстановление шариатских судов и прекращение вмешательства центральных и краевых властей во внутренние дела

Чечни. При этом выдвигались требования о том, что все хозяйственно-политические мероприятия следует проводить только по решению съезда местных выборных представителей [1, с. 22–23]. По сути, это означало заявку на полную автономию Чечни не только в социально-экономическом, политическом, но и в социокультурном плане.

Командование СКВО организовало армейский отряд, который подавил восстание. Стоит отметить, что итоги операции армейскими кругами оценивались как неудовлетворительные. Несмотря на подавление восстания и захват обоих сел, многие восставшие сумели прорваться сквозь армейские заслоны. Только силой оружия решить проблему было невозможно, поэтому власти пошли на определенные уступки. В частности, всем повстанцам, добровольно сложившим оружие, была обещана амнистия.

На восстание местное население спровоцировали некоторые аспекты политики Советской власти, которая подчас не считалась с обычаями и традициями местного населения. Например, чеченский обком организовал в селе Дарго ферму по разведению свиней. Но при этом обком не учел традиционного неприятия мусульманами этих животных. В итоге местные жители всех свиней уничтожили. За уничтожения животных 30 жителей села были осуждены и высланы за Урал [6, с. 135]. Подобные примеры непродуманной политики ослабляли позиции и авторитет местных органов советской власти.

Исходя из первых, провальных попыток коллективизации в Чечне, было решено ее остановить и перейти к ор-

ганизации так называемых ТОЗов – товариществ по совместной обработке земли. Стоит отметить, что процесс перехода к подобным типам хозяйства начал происходить еще в начале XX в. Чеченцы объединяли свои хозяйства в некие товарищества для совместной покупки недостающей земли. ТОЗы финансировались государством. Так, в 1925 г. ТОЗам было выделено из государственного бюджета 1 миллион 700 тысяч рублей [2, с. 743].

Но ни разоружение, ни переход к ТОЗам не смогли умиротворить население республики. В сентябре 1928 г. в ряде районов Чечни началось восстание. К концу 1920-х гг. восстание охватило практически всю территорию Чечни. Позже в докладе командующего войсками Северо-Кавказского военного округа И. Белова подчеркивалось: «В Чечне мы имели не отдельные бандитские контрреволюционные выступления, а прямое восстание целых районов, в котором почти все население принимало участие в вооруженном выступлении» [5, с. 108].

Подобную антиправительственную активность местного населения в своей записке попытался объяснить командир 28-й стрелковой Горской дивизии А.Д. Козицкий. За годы службы на территории Чечни Козицкий неплохо изучил нравы и традиции местного населения и считал, что одной из причин восстаний являлись традиции, существовавшие издревле в чеченских аулах. К таким традициям Козицкий относил кровную месть, угон чужого скота (проявление джигитства), кража невест и т.д. [4, с. 124]. Также Козицкий выступал против давления, оказываемого на мусульманских священнослужителей. По мнению автора записки, в

имамах, на которых советские органы оказывают давление, чеченцы видят религиозных мучеников, а не эксплуататоров [4, с. 145].

Несмотря на призыв к учету нравов и обычаев местного населения, Козицкий считал, что только жестокие силовые акции могут привести к успеху в борьбе с восстаниями. Козицкий отмечал, что в чеченском ауле очень сильна круговая порука и о наличии преступника или тайника с оружием на территории аула известно абсолютно всем жителям села. Сам автор записки убедился в этом на своем опыте, заставив жителей аула Дае выдать шейха Асалтинского.

Начало 1930-х гг. ознаменовалось крупным восстанием в Ножай-Юртовском районе Чечни. Руководство бандой возглавлял имам Муцу из аула Шуани. ОГПУ оценивали силы банды в 1500–2000 человек. Восстание было подавлено с помощью армейских частей.

В дальнейшем, в период 1935–1937 гг., никаких крупных конфликтов между местным населением и органами власти не было отмечено. Скорее всего, данное затишье было связано с усталостью местного населения и памятью о мерах устрашения. Любое неповиновение или протест, тем более вооруженный, подавлялся, нередко с применением армейских подразделений. Борьба отдельных групп против хорошо организованных армейских подразделений, обеспеченных авиацией и артиллерией, была практически невозможна. Однако небольшие бандитские группы все еще продолжали действовать в республике.

При этом само повстанческое движение значительно изменилось по со-

ставу. Если ранее в рядах бандформирований действовали так называемые «антисоветские элементы»: кулаки, религиозные деятели и их сторонники, то теперь советской власти оказывали сопротивление бывшие партийные работники, осужденные советской властью.

Самым ярким примером подобной метаморфозы восстаний в Чечне стало восстание Хасана Исраилова¹. Восстание вспыхнуло зимой 1940 г. в ЧИАССР и считается самым крупным выступлением в истории взаимоотношений Чечни и России. В отличие от предыдущих восстаний, где чаще всего повстанцами руководили шейхи, этим восстанием руководил человек политически грамотный, воспитанный, по сути, советской системой. Х. Исраилов был членом ВКП(б) с 1929 г. и работал корреспондентом, занимался литературной деятельностью. По обвинению в контрреволюционной клевете был арестован в 1931 г., но освобожден спустя три года.

Центром восстания стал Галанчожский район. Х. Исраилов подготовил

¹ Хасан Исраилов (1910–1944 гг.). Организатор антисоветского восстания в Чечне (1940–1944 гг.). Получил не только исламское, но и светское образование. Член ВКП(б) с 1929 г. Работал корреспондентом «Крестьянской газеты», а также писал стихи и пьесы. Несколько раз был арестован: один раз в 1931 г. за «контрреволюционную клевету», но через три года по ходатайству газеты был освобожден; второй раз был арестован за письмо, направленное против первого секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) Василия Егорова и начальника местного НКВД Михаила Раева. Но после ареста обоих Исраилова амнистировали. 28 января 1942 г. на нелегальном собрании учреждает «Особую партию кавказских братьев» (ОПКБ). Данной организации приписывают связь с немецкой разведкой. 24 декабря 1944 г. был смертельно ранен сотрудниками НКВД.

«Временную программу организации чечено-ингушской объединенной партии Кавказских братьев» [3, с. 38–39]. Ее основные направления сводились к вооруженному восстанию, уничтожению колхозного строя на территории Чечни, организации терактов против представителей советской власти [3, с. 135]. Всего Исраилова поддержало около пяти тысяч человек. К началу войны восстание так и не было подавлено.

Выступление Исраилова, как и другие выступления, прошедшие ранее, стали ответом чеченцев на национальную политику советской власти на территории Чечни, а затем и Чечено-Ингушетии.

Советское руководство в Чечне, как и в целом в стране, механически проводило модернизацию общества, не учитывая специфику региона и менталитет населения. Например, коллективизация проводилась механически, даже без учета рельефа местности. Слабо учитывались местные традиции и обычаи, а также сильная связь чеченского населения и ислама. Местные духовные лидеры пользовались огромной популярностью среди чеченцев, поэтому закрытие медресе и давление, оказываемое на имамов, являлось частью не только советской антирелигиозной политики, проводимой по всей стране, но и попыткой советского руководства максимально возможно ограничить воздействие мусульманского духовенства на местное население.

Местное население отвечало на это восстаниями, которое советское руководство жестоко подавляло.

При этом восстания часто были четко организованы: восставшие име-

ли лидеров, четкий план действий и четко прописанные требования, выдвигаемые советской властью.

Со временем произошло кардинальное изменение состава бандитских групп. Если в 1920-х гг. в восстаниях принимали участия кулаки и сторонники шейхов, то в 1930-х гг. в рядах восставших появились чеченцы, воспитанные советской властью. Самый яркий пример – это Хасан Исраилов, чеченский журналист, работавший длительное время корреспондентом в «Крестьянской газете». К началу Великой Отечественной войны восстание не было подавлено.

Несмотря на жесткую национальную политику и антисоветские выступления чеченцев, включение Чечни в советскую социально-экономическую и культурную систему позволило области достигнуть нового уровня в развитии. Благодаря политике советской власти по выравниванию окраин с центральными областями страны, на территории Чечни была создана промышленная база, увеличился процент рабочих-чеченцев. Кроме того, благодаря культурной революции значительно вырос процент грамотности местного населения.

Статья поступила в редакцию 28.03.2018

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.: Вся Москва, 1991. 79 с.
2. Ахмадов Я.З., Хасмагамадов Э.Х. История Чечни в XIX-XX веке. М.: Пульс, 2005. 996 с.
3. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). М.: ИНСАН, 1998. 368 с.
4. Елисеева Н.Е. Чечня: вооруженная борьба в 20-30-е годы // Военно-исторический архив: ежемесячное научно-популярное издание. 1997. № 2. С. 123–145.
5. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки). Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. 211 с.
6. Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920-1930-х годах // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.
7. От вековой отсталости – к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917–1941 гг.): сб. документов и материалов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1977. 204 с.
8. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русь, 2001. 372 с.

REFERENCES

1. Avtorkhanov A. Ubiistvo checheno-ingushskogo naroda: Narodoubiistvo v SSSR [The murder of the Chechen-Ingush people: Killing the peoples in the USSR]. Moscow, Vsy Moskva Publ., 1991. 79 p.
2. Akhmadov Ya.Z., Khasmagamadov E.Kh. Istoriya Chechni v XIX–XX veke [The history of Chechnya, in the XIX–XX centuries]. Moscow, Pul's Publ., 2005. 996 p.
3. Bugai N.F., Gonov A.M. Kavkaz: narody v eshelonakh (20–60-e gody) [The Caucasus: peoples in echelons (20–60 years)]. Moscow, INSAN Publ., 1998. 368 p.
4. Eliseeva N.E. [Chechnya: armed struggle in 20–30 years]. In: *Voенно-istoricheskii arkhiv: ezheemesyachnoe nauchno-populyarnoe izdanie*, 1997, no. 2, pp. 123–145.

5. Klychnikov Yu.Yu., Linets S.I. Severokavkazskii uzel: osobennosti konfliktnogo potentsiala (Istoricheskie ocherki) [The North node: features of conflict potential (Historical essays)]. Pyatigorsk, RIA-KMV Publ., 2008. 211 p.
6. Marchenko G.V. [Anti-Soviet movement in Chechnya in 1920–1930-ies]. In: *Voprosy istorii*, 2003, no. 1, pp. 131–138.
7. Ot vekovoi otstalosti – k sotsializmu. Osushchestvlenie leninskoi natsional'noi politiki v Checheno-Ingushetii (1917–1941 gg.): sb. dokumentov i materialov [From centuries of backwardness to socialism. The implementation of the Leninist national policy in the Chechen-Ingush Republic (1917–1941): collection of documents and materials]. Grozniy, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1977. 204 p.
8. Sigauri I.M. Ocherki istorii i gosudarstvennogo ustroistva chechentsev s drevneishikh vremen [Essays on the history and policy of the Chechens from ancient times]. Moscow, Rus' Publ., 2001. 372 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кульчицкий Пётр Викторович – аспирант кафедры новой и новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: p.kulchitskiy@mboug.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Peter V. Kulchitskiy – post-graduate student of the Department of New and Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: p.kulchitskiy@mboug.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кульчицкий П.В. Метаморфозы советской национальной политики на территории Чечни в середине 1920–1930 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 131–137.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-131-137

FOR CITATION

Kulchitskiy P. Metamorphoses of the Soviet national policy on the territory of Chechnya in the mid 1920-s and 1930-s. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 131–137.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-131-137

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-138-146

«С КАЖДЫМ ГОДОМ ЖИТЬ ВСЕ ЛУЧШЕ...» (ФЕНОМЕН СНИЖЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЦЕН)

Лазарева Л.Н.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Ежегодное снижение цен играло ключевую роль в «сталинской» экономической модели. В статье сделана попытка рассмотреть его с точки зрения политического, социально-экономического и социально-психологического эффекта, опираясь на материалы Российского государственного архива социально-политической истории. В условиях послевоенной разрухи и экономических санкций против СССР, связанных с разворачивающейся «холодной войной», «ежегодный народный праздник», каким стало регулярное снижение цен для советских граждан, оказывало столь глубокое эмоциональное воздействие, что до сих пор осталось в памяти народа. Несмотря на негативную оценку данного феномена в современной историографии, он нуждается в объективном и беспристрастном исследовании.

Ключевые слова: поздний сталинизм, послевоенное снижение цен, повседневность.

"EVERY YEAR IT IS GETTING BETTER TO LIVE..." (THE PHENOMENON OF THE POSTWAR PRICES REDUCTION)

L. Lazareva*Moscow Region State University**10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The annual price reduction played the key role in the "Stalin" economic model. The article makes an attempt to examine it from the point of view of political, socio-economic and socio-psychological effect, relying on the materials of the Russian State Archive of Socio-Political History. In the conditions of the post-war disruption and economic sanctions against the USSR associated with the unfolding "cold war", the regular price reduction, which became the "annual national holiday" for Soviet citizens, had such a profound emotional impact that it is still kept in people's memory. Despite the negative evaluation of this phenomenon in modern historiography, it needs to be studied objectively and without bias.

Key words: late Stalinism, post-war price reduction, daily routine.

2 апреля 1953 г. на стол Вячеслава Михайловича Молотова легла записка Анастаса Ивановича Микояна о ходе торговли по сниженным ценам. К ней прилагалась информация об отзывах покупателей:

«С каждым годом жить все лучше; если нам не навязжут войну, то будем жить еще лучше...

...Такого снижения цен на фрукты и овощи никто не ожидал. Фрукты были очень дорогие, но вот вопрос – будет ли достаточно яблок и других фруктов, картошка-то будет...

...На одном керосине, да вот еще на картошке у нас почти рубль экономии в день...

...Маловато на водочку снизили. Но с нашим братом иначе нельзя...

...Теперь мода на вискозу, пожалуй, пройдет, лучше купить платье из натурального шелка...

...Цены на посуду снизили. В прошлый раз, когда было снижение цен, я купила обеденный сервиз, а теперь покупаю чайный. Когда кушаешь из хорошей посуды и аппетит лучше...

...Вот это настоящее снижение, здорово! Только уже очень много народу...»¹.

Товарооборот за первый день торговли в 30 крупнейших городах составил 344 млн. рублей против 292 млн. рублей в среднем за один день марта, т.е. возрос на 17,7%².

Особенностью данного снижения розничных цен стали очереди за лимонами, яблоками и апельсинами. Ажиотажный спрос вызвал беспокойство: «При таком повышенном уровне продажи запасов яблок в Москве, Ленинграде и Киеве хватит не более, как на 10 дней. В остальных городах яблок в продаже нет, а имеющиеся запасы сухофруктов недостаточны. Торговля

лимонами может быть обеспечена на более длительный период, а апельсинами в гг. Москве и Ленинграде ещё некоторое время»³.

Население охотно покупало белый хлеб высших сортов.

В «отдельных» городах не удалось обеспечить всех желающих пшеном, гречневой крупой, рисом, мясом, колбасными изделиями, животным маслом. К тому же, «по сообщению с мест в продаже в большинстве городов имеется достаточно сельдей и рыбных консервов, но недостаточен ассортимент соленой рыбы и, в связи с запозданием путины, свежей рыбы в одних местах мало, а в других её еще нет в продаже»⁴.

Оживление присутствовало в отделах магазинов, где продавали ситец и сатин, чулочно-носочные изделия, текстильную обувь, ткани из натурального шёлка, готовое платье из этих тканей, а также «товары длительного пользования»: велосипеды, мотоциклы, мебель, холодильники.

Это было последнее «сталинское» снижение цен – запланированное и просчитанное еще под его контролем.

С момента отмены в декабре 1947 г. карточной системы по апрель 1953 г. цены снижались 6 раз.

Выгода населения от снижения цен, согласно данным ЦСУ, составила (в млрд. руб.): от первого – 57, от второго – 48, от третьего – 80, от четвертого – 27,5, от пятого – 24, от шестого – 46 [5, с. 527].

В 1953 г. цены были ниже, чем в IV квартале 1947 г. в 2,2 раза, но выше цен 1937 г. на 59%. На продовольственные товары цены стали меньше на 61%,

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Записка А. Микояна О торговле по сниженным ценам от 2.IV. 1953 г. Л. 47–48.

² Там же. Л. 45.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Там же.

на непродовольственные – на 43% [5, с. 516].

Основываясь на данных ЦСУ о росте реального объёма денежных доходов населения в 1953 г. в 2 раза по сравнению с 1937 г., можно констатировать – платежеспособный спрос населения вырос [5, с. 525].

Однако до изобилия было еще очень далеко. Даже в 1954 г. на душу населения в сутки приходилось 74% от научно обоснованных норм потребления белков, 58% жиров, 50% витамина А, 61% витамина С. Несмотря на то, что в рационе преобладали углеводы (т.е. хлеб и картофель)¹, общая калорийность за сутки составляла только 92% [5, с. 127–128].

Политика снижения цен являлась частью механизма «сталинской» экономической модели. Сформировавшись в 1930-е гг., свою зрелость и эффективность данная система ведения хозяйства страны продемонстрировала, став основой советского «экономического чуда», когда, после тяжелой войны и в условиях торговых санкций, СССР в кратчайший срок смог не только справиться с разрухой, но и заложить фундамент под успехи «хрущевского» десятилетия.

В «Экономических проблемах социализма в СССР» основной экономический закон социализма Сталин сформулировал так: «Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [6, с. 787]. Методом достижения поставленной цели стал принцип на-

роднохозяйственной рентабельности². Ему полностью была подчинена рентабельность конкретного предприятия. «...Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе, скажем 10–15 лет, что было бы единственно правильным подходом к вопросу, то временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действия закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный материальный ущерб, и обеспечивая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами», – писал Иосиф Виссарионович в труде, получившим в историографии оценку политического завещания [6, с. 786].

Государство выступало в роли «единой фабрики»: предприятие «сверху» получало «заказ», который было обязано выполнить. От трудового коллектива требовалось сделать много, дешево и качественно. Реализация же продукции была «головной болью» планирующих органов [2, с. 441].

Специфика советского народного хозяйства (отсутствие конкуренции, производитель являлся монополистом, да еще в условиях, когда товарное покрытие было ограничено) делала не-

¹ 116 % научно обоснованной нормы.

² Определяется с точки зрения всего народного хозяйства в разрезе длительного периода времени.

простым вопрос мотивации трудовых коллективов. В «сталинской» экономической модели эта проблема решалась с помощью обобщающего показателя – снижения себестоимости. Показатели рентабельности, себестоимости (издержки + заработная плата), а также оптовые цены задавались централизованно. Улучшая производственный процесс, т.е. «сжимая» себестоимость, предприятие, перечислив установленный процент прибыли государству, получало в фонд директора от плановой суммы – 1–5%, от полученной сверх плана – 15–45%. Половину данного фонда можно было направить на расширение производства и ремонт жилья, другую на содержание детских учреждений, оборудование домов отдыха и подобных объектов, из неё выдавались индивидуальные премии работникам, оказывалась им единовременная помощь [2, с. 445].

Излишнее накопление денежных средств предприятием блокировалось с помощью пересмотра розничных и оптовых цен. Начальник управления бухучета и отчетности Министерства финансов СССР В.И. Переслегин подчеркивал: «Нельзя снижать цены, не снижая себестоимости. Снижая себестоимость и снижая цены, мы правильно ставим предприятия не в тепличные условия, а в условия необходимости улучшения методов и форм производства»¹.

Вместе с тем экономические методы стимулирования интенсификации труда дополнялись административными: регулярно пересматривались прогрессивные нормы затрат труда

и материалов, основываясь на опыте передовиков, нормативы устанавливались ниже, чем у ударников труда, но выше действующих.

Принципу народнохозяйственной рентабельности подчинялась и ценовая стратегия, освобождавшая продукцию отраслей, производящих средства производства от налога с оборота.

Зато население обеспечивало более 50% всех доходов бюджета, приобретая предметы потребления, в оптовой цене которых налог с оборота мог достигать 80–70%².

В этих условиях государство позволяло себе использовать снижение цен как регулятор спроса, направляя денежные потоки граждан в нужное русло. К тому же, если повышение номинальной зарплаты требовало значительного роста производства сектора «Б», то снижение цен поддерживало социально не защищенные слои населения, выстраивавшиеся в очереди за предметами первой необходимости.

Той же «сверхзадаче» была подчинена и аграрная политика. Направляя ограниченные ресурсы приоритетно в развитие тяжелой индустрии, сталинская стратегия приводила к тому, что три четверти населения получали в колхозах минимальную оплату своего труда³. Обложенные денежным и на-

² Доля налога с оборота на 1 апреля 1953 г. составляла в цене: литра водки – 89%, пачки папирос (25 штук) – 76%, килограмма говядины – 70%, килограмма хлеба – около 50%, килограмма соли – 54%, литра керосина – 70%, часов наручных «Победа» – 71%, мужского шерстяного костюма – 45%, женского платья – 44%. Отчет ЦСУ доля налога с оборота, включая по соответствующим товарам налог на сырье, в розничных ценах, действовавших с 1.04.1953. [5, с. 525]

³ Средние выдачи на 1 трудодень колхозникам и рабочим тракторных бригад в колхозах,

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп.11. Д. 1243 Л. 66–73. Выступление на экономической дискуссии 1951 г. 19 ноября. Вечернее заседание.

туральным налогами, колхозники вынуждены были поставлять на рынок продукцию своих личных приусадебных хозяйств. Снижая цены государственной и кооперативной торговли государство давило на колхозный рынок. Если общий индекс цен на колхозных рынках в 1947 г. в 2,5 раза превышал индекс государственных цен, то в 1948 г. он упал до уровня 1,1, а в 1949 г. стал ниже уровня государственных цен [7, с. 111].

Снижение цен было одним из важнейших «агрегатов» сложного «механизма», работать без которого он был не способен. Выбор, сделанный сталинскими наследниками на властном Олимпе в пользу роста номинальной заработной платы, означал начало «демонтажа» этой экономической модели.

Ежегодное снижение цен имело не только экономический смысл. Этот, с нетерпением ожидавшейся населением ежегодный «праздник», играл огромную роль с точки зрения социальной психологии.

Победив в Великой Отечественной войне, фронтовики и труженики тыла жаждали благополучной, сытой, спокойной жизни. Вместо этого они должны были, туго затянув пояса, совершить трудовой подвиг, восстанавливая разрушенную страну.

С 1940 по 1946 гг. число взрослых трудоспособных колхозников сократилось на 13,4 млн. человек. В МТС стало меньше тракторов на 111,1 тыс. штук, комбайнов – на 26,2 тыс. штук, автомашин в колхозах – на 101,8 тыс.

согласно статистической таблице ЦСУ, составляли в 1950 г.: зерна 1,5 кг, 0,4 кг картофеля, 1, 49 рублей. В 1951: 1,4 кг зерна, 0,2 картофеля, 1,50 рубля. В 1952: 1,8 кг зерна, 0,2 кг картофеля, 1,44 рубля [5, с. 253].

штук, рабочих лошадей в колхозах – на 4,8 млн голов, или почти в 2,5 раза¹. Докладывая о положении дел в деревне, заместитель заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б) Н. Ицков 19 января 1946 г. писал: «...нагрузка фактического посева на 1 трудоспособного даже при сокращении размеров посевных площадей возросла за время войны с 3,4 до 4,0 гектаров. При этом необходимо иметь в виду, что около 80% всех трудоспособных в колхозах составляют женщины...»².

Тяжелым было и положение рабочих. Проверка бытовых условий шахтеров в 1947 г. показала страшные картины: «...Не принимают мер по наведению порядка в рабочих столовых. Здания требуют капитального ремонта. Кухонной и столовой посуды недостаточно, в результате чего большие очереди. В столовой Красногвардейского шахтоуправления Лисичанского района на 140 человек прикрепленных имеется: 29 тарелок, 29 эмалированных мисок, 23 ложки, 16 стаканов, а вилок и ножей совершенно нет. В результате недостатка посуды, создаются большие очереди и рабочие затрачивают на обед до 2-х часов времени. К тому же столовая находится на расстоянии 5 километров от шахты...»³, «...В Кузбасе создалась крайне тяжелая обстановка с обеспечением рабочих угольной промышленности

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 501. Записка заместителя заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б) Н. Ицкова от 19 января 1946 г. о плане сельскохозяйственных работ в колхозах на 1946 г. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122 Д. 220. Докладная записка уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ворошиловградской области Савченко от 24 марта 1947 года. Л. 137.

жилплощадь. Большое количество рабочих размещено в землянках, плохо приспособленных для жилья хозяйственных постройках, сараях, гаражах, овощехранилищах и, даже, скотных дворах. В большинстве общежитий невероятно большая скученность, плотность жильцов в общежитии превосходит самые минимальные нормы, установленные правилами санитарии и гигиены...»¹.

Это не были единичные вопиющие случаи – в сводке писем, поступивших в редакцию газеты «Правда», речь идет о примерно одинаковых условиях по всей стране².

Советским гражданам было очень важно ощутить уверенность в преодолении всех трудностей, в достижимости «светлого будущего», приближаемого героическим трудом на рабочих местах. Поэтому эмоциональное воздействие на современников политики снижения цен стало столь глубоким, что до сих пор сохранилось в народной памяти.

Если с началом войны цены стремительно взлетели, то уже со второй половины 1943 г. начинает осуществляться политика их последовательного снижения³. К началу 1946 г. рыноч-

ные цены в сравнении с июнем 1943 г. снизились в 4,3 раза. Этот результат был достигнут за счет увеличения норм снабжения рабочих и служащих, роста продукции индивидуальных и коллективных огородов и подсобных хозяйств ОРСов, развития коммерческой торговли, а также за счет «привоза сельскохозяйственных продуктов на рынки, отчасти в связи с значительными платежами сельского населения в финансовую систему при снижении цен на сельскохозяйственную продукцию»⁴.

В декабре 1947 г., первой из воевавших стран, СССР вернулся к свободной торговле. Взамен системы, когда товары «по карточкам» продавались дешевле аналогичных «коммерческих», были введены единые государственные розничные цены. Хлеб, мука, крупы и макаронные изделия стали стоить на 10–12% дешевле, мясо, рыба, масло, сахар, консервы, соль, картофель, овощи продавались по прежним карточным ценам, ткани, одежда, обувь – на 60% ниже коммерческих [7, с. 110].

Отмену карточек сопровождала денежная реформа, которая преследовала цель изъять «лишние» деньги у населения, чтобы исключить потенциальную возможность дополнительного спроса на товары⁵. Финансовые потери

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122 Д. 220. Докладная записка инспектора ЦК ВКП(б) Киселева от 11 декабря 1947 года. Л. 215.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 155. Сводка поступивших в «Правду» писем о состоянии рабочих общежитий и об отношении руководителей некоторых предприятий к бытовым нуждам рабочих от 21 марта 1946 г. Л. 88–103.

³ В мае 1943 г. рыночные цены сельскохозяйственных продуктов были в 13,9 раза выше, чем в мае 1940 г. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 780. Записка Правления Госбанка СССР (Я. Голева) – О состоянии денежного обращения и мероприятиях по изъятию в 1946 г. из обращения 5–7 млрд. рублей. Л. 83.

⁴ Там же.

⁵ Финансисты Госбанка обосновывали необходимость изъятия денег следующим образом: «...сумму порядка 10–15 млрд. рублей составляют крупные денежные накопления, образовавшиеся у отдельных лиц, главным образом, вследствие высоких конъюнктурных доходов от рынка и спекулятивных доходов. Ряд наблюдений показывает, крупные денежные накопления имеют крестьянские хозяйства, расположенные вокруг городов, рабочих поселков и железнодорожных станций; лица свободных профессий, особенно занимающиеся частной

легли в большей мере на плечи крестьян. Это отразили отчеты о реакции населения на проведение реформы: «...отдельные колхозники, хранившие свои сбережения дома, «в кубышках», выражают недовольство тем, что наличные старые деньги будут обмениваться по очень высокому коэффициенту из расчета 10 рублей за 1 рубль»¹.

Второй этап снижения цен, «частично» начатый в 1948 г., был завершен полностью 1 марта 1949 г., третий этап – в 1950 г. С этого времени цены снижались ежегодно, последний раз – 1 апреля 1954 г.

Раскручиваемый государственной пропагандой как подтверждение неуклонного роста благосостояния советских граждан, данный феномен работал на формирование в обществе уверенности в «лучшем» завтра, повышал престиж СССР в глазах мирового сообщества.

Тем не менее на практике все шло, конечно, не так гладко, как звучало из радиопередатчиков и описывалось в газетных статьях.

Нарастающее напряжение в разворачивающейся «холодной войне» выжимало из «мирных» отраслей ресурсы в тяжелую индустрию и военно-промышленный комплекс, в закручи-

практикой; кустари, оказывающие услуги населению по высоким ценам, и т.д. Крупные денежные накопления образовались у отдельных лиц в результате спекуляции или хищения социалистической собственности». РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 780. Л. 84.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122 Д. 220. Докладная записка зам. начальника Управления по проверке парторганов ЦК ВКП(б) Г. Боркова о реакции граждан СССР на постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» от 14 декабря 1947 года. Л. 241.

вающуюся гонку вооружений. В речи перед избирателями 9 февраля 1946 г. И.В. Сталин, расставляя приоритеты развития, говорил о необходимости защитить страну «от случайностей». Но там же прозвучало обещание, что «... особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления...» [4]. В декабре 1946 г. Советом Министров СССР было принято Постановление «О мероприятиях по ускорению подъема государственной легкой промышленности, производящей предметы широкого потребления». Речь шла об увеличении капиталовложений. Но уже в 1949 г. капиталовложения в легкую промышленность были уменьшены на 30% против плана 1948 г. Таким образом, снижение цен, вызывавшее увеличение спроса, наталкивалось на проблему дефицита ресурсов. В условиях, когда население, в первую очередь, нуждалось в товарах первой необходимости, возникали вопросы: «почему недостаточно снижены цены на хлеб, муку, растительное масло?» [5, с. 88]. Болезненно реагировал на данную, ставшую «ежегодным праздником», акцию и государственный бюджет, меньше всего напоминавший рог изобилия. Финансистам приходилось решать проблему дисбаланса доходов населения и товарного покрытия (в том числе и с помощью выпусков Государственных займов).

Современные исследователи подвергают сомнению эффективность экономической политики, проводимой на основе «перекачивания» ресурсов деревни, заставлявшую колхозников трудиться на пределе сил [3, с. 65].

Оспаривается сегодня и успешность с точки зрения позиционирования властью бренда «заботы о благе

народа» – слишком дорого это обошлось казне, отказаться же от практики, не роняя престиж государственной власти, было уже невозможно. Да и в обществе такая социально-экономическая политики воспитывала инфантилизм и иждивенчество [5, с. 89].

В любом случае, позитивной или негативной оценки данного феномена, конструктивным представляется подход, сформулированный д.и.н., профессором В.В. Журавлевым: «... Важно уяснить, что можно и важно почерпнуть из опыта тех лет, для дости-

жения сегодня того уровня динамики экономического прогресса, социальной мобильности, прогресса культуры, народного образования и т.д., что сумела продемонстрировать в лучшие периоды своего существования советская модель развития» [1, с. 7]. Отсюда особая значимость возможности, основываясь на анализе исторических документов, еще раз переосмыслить прошлое своей страны, не выкидывая из него ни побед, ни ошибок.

Статья поступила в редакцию 19.03.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев В.В. Введение // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4-х т. Т. 4: 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2016. 671 с.
2. Политическая экономия: учебник. М.: Госполитиздат, 1954. 456 с.
3. Попов В.Г. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–77.
4. Речи товарища И.В. Сталина на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М.: Московский рабочий, 1947. 32 с.
5. Советская жизнь, 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с.
6. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков: в 5 т. Т. IV. Век глобальных трансформаций. М.: Мысль, 2004. С. 777–791.
7. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

REFERENCES

1. Zhuravlev V.V. Vvedenie. Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX v.: v 4-kh t. T. 4: 1917–1991 gg. [Introduction. In: *Reforms in Russia from ancient times to the end of the XX century*: in 4 v. Vol. 4: 1917–1991]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016. 671 p.
2. Politicheskaya ekonomiya: uchebnik [Political economy: textbook]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 456 p.
3. Popov V.G. [Stalin and the Soviet economy in the postwar years]. In: *Otechestvennaya istoriya*, 2001, no. 3, pp. 61–77.
4. Rechi tovarishcha I.V. Stalina na predvybornykh sobraniyakh izbiratelei Stalinskogo izbiratel'nogo okruga g. Moskvyy 11 dekabrya 1937 g. i 9 fevralya 1946 g. [The speech of comrade Stalin at the election meetings of voters of the Stalin electoral district, Moscow December 11, 1937 and February 9, 1946]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1947. 32 p.
5. Sovetskaya zhizn', 1945 [Soviet life, 1945]. Comp. E.Y. Zubkov, L.P. Kosheleva, G.A. Kuznetsova, A.I. Minyuk, L.A. Horn. M., ROSSPEN Publ., 2003. 720 p.

6. Stalin I. V. Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR [Economic problems of socialism in the USSR]. In: *Mirovaya ekonomicheskaya mysl' skvoz' prizmu vekov: v 5 t. T. IV. Vek global'nykh transformatsii* [World economic thought through the prism of centuries: in 5 v. Vol. IV. The age of global transformations]. Moscow, Mysl' Publ., 2004, pp. 777–791.
7. Fil'tser D. Sovetskie rabochie i pozdnii stalinizm. Rabochii klass i vosstanovlenie stalin-skoi sistemy posle okonchaniya Vtoroi mirovoi voyny [Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Stalinist system after World War II]. Moscow, ROSSPENPubl., 2011. 359 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарева Любовь Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: laz_dom@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov N. Lazareva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Contemporary Russian History, Moscow State Regional University;
e-mail: laz_dom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лазарева Л.Н. «С каждым годом жить все лучше...» (Феномен снижения послевоенных цен) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 138–146.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-138-146

FOR CITATION

Lazareva L. "Every year it is getting better to live..." (The phenomenon of the postwar prices reduction). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 138–146.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-138-146

УДК94(470+571)”1950/1960

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-147-152

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И СТРОИТЕЛЬСТВОМ В 1957 Г.: ПОПЫТКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Горлов В.Н.

*Московский институт государственного управления и права
115487, г. Москва, ул. Садовники, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается тот период середины 1950-х гг., когда готовилась реформа управления промышленностью и строительством. Автор анализирует причины отмены отраслевой системы управления и перехода к территориальной форме управления. Раскрываются недостатки сверхцентрализованной экономики, и приводятся фактические данные об экономических потерях в связи с этим. В исследовании проанализированы противоречия в экономике, которые не получили своевременного разрешения в предшествующий период.

Ключевые слова. СССР (50-е гг.), хозяйственный механизм, отраслевая форма управления, территориальная форма управления, совнархоз.

REORGANIZING THE FORMS OF INDUSTRY AND CONSTRUCTION MANAGEMENT IN 1957 AS AN ATTEMPT TO IMPROVE THE ECONOMIC MECHANISM OF THE SOVIET SOCIETY

V. Gorlov

*Moscow State University of Management
2, Sadovniki ul., Moscow, 115487, Russian Federation*

Abstract. The article examines the period of the mid 50-ies, when the reform of of industry and construction management was being prepared. The author analyzes the reasons for the cancellation of the sectoral management system and transition to the territorial one. The shortcomings of the super-centralized economy are shown. The factual data about large economic losses in this regard are provided. The study analyzes the contradictions in the economy that were not timely resolved in the preceding period.

Key words: the USSR (the 50s), economic mechanism, sectoral form of management, reorganization of management, economic councils.

После Великой Отечественной войны руководство СССР не могло уже довольствоваться достижениями в ряде промышленных отраслей. С начала 1950-х гг. советское руководство придавало огромное значение внедрению новой технологии в отраслях промышленности, вопросам себестоимости, эффективному использованию ресурсов. И несмотря на это, система управления ещё не была приведена в

соответствие изменяющимся потребностям и запросам советской системы экономики. Народное хозяйство всё больше усложнялось и росло. В силу этого к середине 1950-х гг. недостатки системы проявлялись всё сильнее. Потребность в серьезной её реорганизации возростала.

Отраслевые специализированные министерства концентрировали средства и силы на ускоренном развитии ведущих отраслей тяжелой промышленности. В 1956 г. в СССР было 52 министерства. Отраслевое управление имело свои сильные преимущества, которые были использованы в годы индустриализации, в годы Великой Отечественной войны, в годы восстановления экономики. Однако отраслевое управление имело и важные недостатки, которые сказывались на развитии промышленности и начинали тормозить развитие производительных сил, что неизбежно вызвало реформу управления экономикой.

Задача была – обеспечить экономическую координацию в различных регионах Советского Союза. Проблемой отраслевого руководства советской промышленности было то, что отраслевое подчинение предприятий и строек разрывало советский хозяйственный организм на отдельные части, что вело к нарушению связей между предприятиями в экономическом районе. Отраслевое управление не позволяло принимать на местах оперативные решения. В Москве находилось большинство главных управлений и трестов, несмотря на то, что подчиненные им предприятия находились за тысячи километров от них. В столице располагались такие организации, как Главсевуралстрой, Главсибдальстрой,

Главсевлеспром и др. Из 13 главных управлений министерства нефтяной промышленности только три главных управления имели свои предприятия в Москве, да и то они были второстепенные [2].

Отраслевое управление способствовало тому, что министерства и главки боролись за свои интересы, что приводило к тому, что между предприятиями различных отраслей сильно рассредоточивался выпуск отдельных видов изделий. Например, на предприятиях 24 министерств было рассредоточено производство сельскохозяйственных машин в Советском Союзе, предприятиями 19 министерств СССР выпускались металлорежущие станки, предприятиями 3-х министерств выпускались тракторы. Бессмысленные в экономическом плане грузоперевозки за тысячи километров происходили во многом из-за стремления отдельных министерств обходиться полностью своими собственными средствами. Например, завод «Текстильмаш» в Коломне получал семь тысяч тонн литья из Ленинграда. А в этом же городе находился Коломенский тепловозостроительный завод, производивший чугунное литье и отправлявший его в разные города СССР, в том числе и в Ленинград [4]. Такая практика приводила к тому, что отдельные предприятия, несмотря на относительно высокие издержки, осуществляли мелкое по масштабам вспомогательное производство. Неудивительно, что отдельные министерства стали «замкнутыми», ориентируясь не на разделение труда, а только на свои собственные средства. Политика «вертикальной интеграции» с точки зрения отдельных министерств была выгодна. Од-

нако в условиях плановой экономики с точки зрения промышленности в целом такая практика была крайне расточительной, и её необходимо было ограничить. Во многом именно в этом заключалась цель реорганизации управления промышленностью и строительством в СССР.

Не экономические факторы, а рамки министерств ограничивали интеграцию промышленных предприятий. Предприятие, получив «хозяина» в виде министерства, обрывало всякую кооперацию с предприятиями других министерств, так как планирование осуществлялось только по вертикали, в пределах одного министерства. В результате транспортные расходы приводили к неоправданно большим издержкам производства. Так как министерства всеми силами стремились к самообеспеченности, ассортимент продукции предприятий различных министерств все более становился разнородным. Следует отметить, что валовой выпуск продукции был основным показателем успешной деятельности министерств. Отраслевая система управления во многом отделила промышленные предприятия от местных органов власти, которые не влияли на хозяйственную деятельность предприятий, подчиненных министерствам. Ведомства игнорировали интересы регионов, не реагируя на требования региональных советских и партийных органов. В то время отсутствовали органы, занимающиеся региональным планированием, реализацией экономических возможностей региона.

Всё более становилось ясно, что к середине 1950-х гг. сверхцентрализованная отраслевая система управления тормозила технический прогресс.

Задача была – внедрить новую технику и совершенствовать производственные процессы, для чего необходимо было поощрять местную инициативу по повышению производительности труда. Задача стояла так: необходимо эффективно интегрировать в плановую систему хозяйствования достижения научно-технической революции.

В 1955 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники», в котором отмечалось, что целый ряд НИИ в городах неоправданно располагался вдали от производственной базы и соответственно не способствовал внедрению новой техники [1, с. 79]. Подавляющее большинство научного потенциала концентрировалось в Москве и Ленинграде. Экономика научно-индустриального типа порождала потребность в экономически самостоятельных регионах, которые должны были быть в экономических условиях, стимулирующих потребность использовать достижения науки, рационально использовать сырьё.

В середине 1950-х гг. актуальным вопросом становится вопрос о пределах влияния партийного аппарата. Чем дальше развивалась ведомственная интеграция, тем более мощным становился рядом с партийным аппаратом вертикальный хозяйственный аппарат. Упразднив экономические министерства, партийное руководство стало действовать одновременно и снизу, и сверху. Сверху усиливалась роль планирующего органа, отражающего линию ЦК КПСС: центральной плановой комиссии. Но ещё более важно

было партийное руководство снизу. Это выражалось в контроле над хозяйством в регионах местных партийных организаций.

Н.С. Хрущев призывал местные партийные организации восстановить свое влияние, а успехи партии должны в первую очередь определяться производственными результатами, для чего низовые партийные организации должны были иметь право контролировать деятельность предприятий. Следовательно, перестройка системы управления экономикой была обусловлена и политическими факторами. Реформы были вызваны и советской идеологией. В эти годы все больше внимания стали уделять внимания производству предметов потребления, а для этого планирование должно было более гибко учитывать потребности регионов. Председатель правительства Г.М. Маленков попробовал изменить соотношение легкой и тяжелой промышленности, но это вызвало осуждение как отклонение от марксизма-ленинизма. Однако во второй половине 1950-х гг. в экономической политике стали постепенно отходить от исключительного развития тяжелой индустрии. Это было необходимо не только в экономическом, но и в идеологическом плане для оправдания преимущества социалистического планового хозяйства.

Советские руководители стали осознавать, что плановая экономика работает не совсем эффективно. Искали внутренние резервы и не удивительно, что в плановой экономике акцент внимания был направлен на административно-управленческий аппарат. Отраслевая система не поощряла инициативу. Грамотные хозяйствен-

ные руководители вынуждены были подчиняться установленным организационным правилам. Наблюдалась тенденция снижения эффективности руководства на оперативном уровне. В силу этого систему управления хозяйства нужно было менять, чтобы перестроить образ действия хозяйственных руководителей соответственно меняющимся условиям. Успешная деятельность региональных организаций в Москве послужила одной из причин перехода на региональное управление хозяйством. Таким образом, реорганизация системы управления стала исторически необходимой. Сверхцентрализованная система управления советской экономикой порождала массу недостатков.

Таким образом, реорганизацию управления нельзя объяснить одной причиной. В тот период действовал сложный комплекс причин, не только экономических, но и политических. Была общественная потребность совершенствования хозяйственного механизма, расширения самостоятельности регионов в решении производственных вопросов. Падение эффективности управления приводило к несбалансированности советской экономики. Отраслевая система управления не соответствовала разворачивающейся научно-технической революции, так как не могла обеспечить должной производственной базы. Советское руководство искало новые формы управления промышленностью. Стало очевидно, что невозможно административными методами регулировать хозяйственные пропорции только из центра. Критика недостатков отраслевой системы управления в целом была обоснованной.

Н.С. Хрущёв в мае 1957 г. подтвердит, что «из самих решений XX съезда партии вытекала необходимость перестройки управления промышленностью и ЦК партии занимался этим вопросом» [3]. В 1957 г. отраслевые экономические министерства были упразднены и вместо них на местах были образованы советы народного хозяйства. Эта реформа освободила в центре десятки тысяч высококвалифицированных специалистов для переброски их в совнархозы. Реформа управления включала ликвидацию министерств и образование советов народного хозяйства. В результате реформы были ликвидированы 15 союзно-республиканских и 10 общесоюзных министерств. Надо отметить, что бывшие министры возглавили ряд совнархозов: министр тяжелого машиностроения К.Д. Петухов возглавил Московский городской совнархоз,

замминистра боеприпасов В.Н. Новиков стал руководить Ленинградским совнархозом, министр станкостроения А.И. Костоусов возглавил Московский областной совнархоз, министр машиностроения СССР Н. Смеляков стал руководить Горьковским совнархозом и т.д.

Реорганизация системы управления, естественно, не могла проходить без ожесточенной борьбы на всех этапах управления советским обществом. Данная реформа была прямым вызовом интересам советской элиты. Реформа рассматривалась советским руководством, в первую очередь, с точки зрения экономической целесообразности. Что касается укрепления политической власти, то этот фактор при реорганизации управления не был доминирующим.

Статья поступила в редакцию 12.09.2017

ЛИТЕРАТУРА

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК / 9-е изд., доп и испр. Т.8. М.: Политиздат, 1985. 542 с.
2. Вопросы развития промышленности // Московская правда. 1957. 1 марта.
3. О дальнейшем совершенствовании управления народным хозяйством // Правда. 1957. 14 мая.
4. Специализация и кооперирование в промышленности // Советская Россия. 1957. 26 февр.

REFERENCES

1. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i Plenumov TSK / 9-e izd., dop i ispr. T. 8 [The Communist party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the CC / 9-th ed., rev. Vol. 8]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 542 p.
2. Voprosy razvitiya promyshlennosti [The issues of the industry development]. In: *Moskovskaya pravda*, 1957. Mar. 1.
3. O dal'neishem sovershenstvovanii upravleniya narodnym khozyaistvom [On further improvement of managing the national economy]. In: *Pravda*, 1957. May 14.
4. Spetsializatsiya i kooperirovanie v promyshlennosti [Specialization and cooperation in industry]. In: *Sovetskaya Rossiya*, 1957. Feb. 26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института государственного управления и права;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of historical sciences, professor of the department of humanities and natural sciences, Moscow Institute of State Management and Law;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Реорганизация форм управления промышленностью и строительством в 1957 г.: попытка совершенствования хозяйственного механизма советского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 147–152.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-147-152

FOR CITATION

Gorlov V. Reorganizing the forms of industry and construction management in 1957 as an attempt to improve the economic mechanism of the Soviet society. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 147–152.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-147-152

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-153-160

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Кулешова Н.С.

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11 стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. Исламский радикализм сегодня превратился в фактор дестабилизации мировой политической ситуации. В статье исследуются теологическая основа, идейные и базовые ценности, которые лежат в основе исламского радикализма и служат распространению его влияния во многих странах. Анализ совокупности внутренних и внешних причин и условий, которые создают благоприятную почву для формирования и последующего развития религиозного экстремизма, учитывает противоречия «догоняющей модернизации», демографических диспропорций, что характерно для большинства стран Ближнего Востока и умело используется фундаменталистами в качестве основы экстремистской идеологии. Рассматривается сущностное наполнение этого религиозно-политического явления – исламский фундаментализм; причины возникновения, принципы и цели существования; идеологическая концепция терроризма как идеология Исламского государства. Показана взаимосвязь теологии и практики политического ислама.

Ключевые слова: ислам, религиозный фундаментализм, политизация масс, экстремизм, «халифат», панисламизм.

ISLAMIC RADICALISM AS A FACTOR DESTABILIZING THE POLITICAL SITUATION IN THE WORLD

N. Kuleshova

*The Institute of Asia and Africa, Lomonosov Moscow State University
11, build.1, Mokhovaya ul., Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract. Nowadays the Islamic radicalism has become the factor which destabilizes the political situation in the world. The article studies the theological basis, as well as ideological and basic

values, which form the basis of the Islamic radicalism and are meant for spreading its influence in many countries. The analysis of the internal and external reasons and conditions for creating favourable ground for developing the religious extremism takes into consideration the contradictions of "the catching up modernization", demographic disproportions. All those traits are characteristic for the majority of the countries in the Middle East and are skillfully used by the fundamentalists as a basis for extremist ideology. The Islamic fundamentalism, the essence of this religious-political phenomenon, is scrutinized. The reasons of its origination, the principles and goals of its existence are given, as well as the ideological concept of terrorism as the ideology of the ISIS. The interrelation of theology and the practice of political Islam is shown.

Key words: Islam, religious fundamentalism, politicization of masses, extremism, "caliphate", Pan-Islamism.

Ближний Восток является историческим центром зарождения, становления и развития исламской религии. И сегодня он продолжает оказывать сильное влияние на мусульманское население всех стран мира. Так, все ключевые нормативно-правовые мусульманские документы мирового уровня («Каирская декларация о правах человека в исламе», «Арабская хартия прав человека» и т.д.) и новые институты, которые в своей деятельности опираются на нормы ислама (Исламские банки) возникают и проходят стадию первоначального развития именно в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Помимо перечисленного, влияние включает в себя распространение духовного наследия, культурных традиций, присущих каждой конкретной стране. Также между мусульманскими странами всего мира происходит обмен опытом относительно успехов или неудач каких-либо попыток политических и социально-экономических преобразований на основе исламской модели развития. Важной сферой взаимодействия также является совместное реагирование на новые вызовы, которые ставят под сомнение авторитет ислама и угрожают мусульманской общине.

Вместе с тем подобные прочные и тесные связи между исламскими странами предоставляют экстремистам благоприятную почву для деятельности и дают свободу маневра. Таким образом, происходит ошибочная подмена понятий: воздействие «исламского фактора» начинает расцениваться как исключительно негативное явление в системе международных отношений. Вследствие этого мусульмане начинают восприниматься немусульманами как экстремисты и радикалы, которые нацелены на претворение в жизнь губительной программы обращения всего мира на путь так называемого «чистого» ислама. Разумеется, подобное стереотипное мышление можно объяснить, но с ним очень трудно бороться, так как масштабы деятельности экстремистских организаций растут с каждым днём.

Сегодня, как никогда ранее, мы являемся свидетелями роста активности сил и группировок, которые в основе своей деятельности имеют идеологию исламского фундаментализма. Исламский фундаментализм – это политическая идеология, которая основана на стремлении консервативных исламских сил использовать политический опыт раннего ислама середины и конца

VII в. н. э. в современных социальных, политических и экономических реалиях; эти силы ставят перед собой задачу возродить и претворить в жизнь политическую и социально-экономическую модель, которая была характерна для времён пророка Мухаммада и первых праведных халифов.

Безусловно, рост уровня активности фундаменталистских и экстремистских сил – это одна из глобальных проблем современности, которая затрагивает национальные интересы каждого государства. Для того чтобы в какой-то конкретной стране возникли и развивались силы, исповедующие идеологию фундаментализма, необходимо наличие определённых внешних и внутренних факторов, которые являются результатом исторического пути каждой страны. Эти предпосылки были заложены достаточно давно, однако они не теряют своей актуальности и по сей день. К ним следует отнести, прежде всего, проблемы, которые возникают у любой страны, когда она меняет плановый характер экономики на капиталистический: в этом случае рост товарно-денежных отношений и масштабов первоначального накопления капитала не соответствует возможности объединить старые средства производства с новыми на капиталистической основе. Вторым важным фактором является то, что политизация масс в таком государстве происходит быстрее, чем возрастают темпы социально-экономического развития: умелые политические силы могут воспользоваться теми трудностями, которое переживает каждое переходное общество (обнищание некоторых слоев населения, насильственное изгнание крестьян с

земли, разрушение сельской общины) и сыграть на недовольстве населения, переманив людей под знамена фундаментализма. В этом случае происходит использование ислама в качестве оружия формирования в сознании людей нужной модели идеального общества всеобщей справедливости, равенства и братства. Вместе с этим фундаменталисты активно муссируют положение о том, что преобразовать бывшее колониальное или полуколониальное общество через применение опыта западной экономической модели не представляется возможным. «Советская модель развития», как показывает история, тоже не имела должного успеха в развитии ближневосточных стран [4, с. 12]. Следовательно, согласно логике идеологов фундаментализма, единственным путем к спасению является использование собственного опыта мусульманских стран – внедрение и использование исламской модели политического и социально-экономического развития, что должно привести к расцвету исламской уммы, как это было в середине VII в. н. э., когда «умма была сплочённой, а арабы были едины и сообща решали все возникающие проблемы».

Упомянутые выше экономические и социальные диспропорции, возникающие в государстве, когда оно переходит с одной политико-экономической модели на другую, приводят к тому что лозунги фундаменталистов начинают находить отклик у местных слоев населения: мелкой буржуазии, части студенчества и интеллигенции, стихийная реакция которых на усиление капиталистической эксплуатации выливалась в стремление искать выход в возврате к идеализируемому «золотому

веку ислама». Среди конкретных социально-экономических причин всплеска активности радикальных исламских организаций можно назвать засилие западных монополий в регионе, катастрофический рост имущественного неравенства, заключение мира между Египтом и Израилем. Экономическая активность в Египте последней четверти XX в. ограничивалась, в основном, открытием новых банков (больше половины из которых – иностранные), созданием предприятий в сфере услуг, т.е. ростом тех сфер, в которых возможен быстрый оборот капитала. Около 5% населения присваивали 25% национального дохода, а 10% самых богатых египтян потребляли 50% товаров. За чертой бедности оказалось 37% населения. За счёт собственного производства страна только на 40–50% удовлетворяла потребности в продуктах питания [1, с. 16–17].

Важной социальной причиной роста активности экстремизма в качестве альтернативной идеологии является отсутствие гражданского общества в ближневосточных странах. Этот факт остается принципиальным отличием восточного общества от западного. В силу исторических причин в странах Востока оно только начинает формироваться. Когда рухнула социалистическая система, нарушился баланс сил, существовавший в мире, и арабские страны остались один на один перед лицом мощного во всех отношениях Запада. Распад Советского Союза перекрыл доступ некоторым арабским странам к финансовой, технологической и образовательной помощи. Потребность в модернизации стала ощущаться более остро. Однако теория модернизации гласит, что для того

чтобы модернизация была полной и носила характер завершенности, она должна последовательно произойти во всех сферах общества: начаться в экономике и, подготовив материальную базу, перейти в политическую и социальную сферы. Модернизация в двух последних сферах предполагает обязательное создание института гражданского общества. Разумеется, бездумное копирование западных моделей будет неэффективным. Теоретики модернизации (А. Тойнби, С. Хантингтон) полагали, что механизмы модернизации должны согласовываться с цивилизационными особенностями той или иной страны [3, с. 432–434]. Но общие тенденции должны быть соблюдены. В этой связи фундаменталисты смогли предложить населению привычную для них и очень привлекательную исламскую модель построения общества, что не могло не найти отклик в умах некоторых групп общества.

Иногда элиты мусульманских стран, сами того не желая, вносят лепту в упрочение позиций фундаменталистов в обществе. Это объясняется тем, что они хотят любой ценой провести модернизацию страны. Однако национальные элиты этих стран недостаточно опытные и потому попадают в ловушку: они навязывают глубоко традиционному обществу несовместимые с ним западные модели и стандарты развития, что приводит к полному отторжению консервативными кругами всего западного. Это отторжение доходит до самых крайних методов: экстремизм и терроризм, и все происходит под лозунгами ислама, несмотря на то, что ислам не является религией, несовместимой с демократией и правами человека. Ислам в своей осно-

ве предполагает функционирование мощных демократических институтов (выборность и сменяемость власти), а современные улемы большую долю внимания уделяют проблеме прав человека, принимая соответствующие международные и национальные правовые акты. Тем не менее ислам очень легко использовать именно в этом смысле, эксплуатируя гнев нищих и обездоленных народов, которые всей душой жаждут торжества справедливости и поверят любому, кто будет с высокой степенью уверенности заявлять, что главной причиной всех бед являются не особенности переходного общества, а просто-напросто отход от «истоков», от праведного пути, в следовании чуждым нормам и ценностям, принесённым с Запада.

Следствием вышеизложенного стало расширение фундаменталистами ареала своего влияния. Это является чрезвычайно важным для стран Востока, т. к. здесь мусульманская религия заполняет собой все сферы общественной жизни и пронизывает все аспекты повседневной жизни каждого человека. Это означает, что если человек принимает решение хоть как-то изменить своё религиозное мировоззрение (встать на путь радикализма или, наоборот, занять более умеренные позиции), то это повлияет на весь образ его жизни, окружение, социальную активность.

Деятельность фундаменталистских организаций направлена на то, чтобы предложить мусульманскому обществу привлекательную альтернативную модель государственного строительства. Единственно возможной, по мнению всех экстремистских организаций без исключения (ИГ, ал-Каида,

Джабхат ан-Нусра и т.д.), формой правления для мусульманских стран является теократическая монархия. На наш взгляд, это связано не со стремлением фундаменталистов создать единое мощное государственное образование, в котором мусульмане всего мира будут чувствовать себя равными и одинаково свободными, а с их желанием сосредоточить в своих руках всю полноту власти, иметь неограниченный доступ к различного рода благам и не нести никакой ответственности за свои действия перед гражданами их предполагаемого государства.

Еще одним центральным элементом политической идеологии любого фундаменталистского движения является положение о том, что весь мир можно разделить на общину правоверных мусульман и всех остальных. Эта религия допускает разделение мира по принципу: «я-мои братья», «я-другие», «я-чужие». В исламской традиции это обозначается через наименование земель и народов, которые их населяют, как «территория ислама» (дар-ал-ислам), «территория перемирия» (дар-ас-сульх) и «территория войны» (дар-ал-харб) [2]. Идеологи Исламского Государства (организация запрещена в РФ) умело используют это и, преподнося ислам в извращенной форме, цитируя Коран отрывочно и давая свое собственное толкование кораническим сурам и айтам, играют на чувствах некоторых мусульман. Им удастся затуманить разум людей, их сознание и привлечь их под свои знамена.

Следующим базовым элементом фундаменталистского учения является эксплуатация термина «джихад». В классической мусульманской теории

под джихадом понимается совокупность усилий каждого конкретного человека, его постоянная деятельность, направленная на защиту ислама и борьбу с пороками и социальной несправедливостью. Причем предпочтение отдается такой борьбе, которую мусульманин ведет, прежде всего, с самим собой, исправляя свои собственные моральные несовершенства: склонность ко лжи, табакокурению, разврату, сквернословию. Однако фундаменталисты иначе подходят к трактовке этого термина. Сторонники умеренного крыла исламизма полагают, что джихад – это активное распространение исламского вероучения среди немусульман. Экстремисты же используют этот термин чрезвычайно однобоко, называя джихадом только кровопролитную войну с иноверцами. Следствием этого становится крайне негативная реакция немусульман, не знакомых с классической доктриной ислама, которая возникает, если они сталкиваются с этим термином.

Также нужно отметить, что экстремисты не ограничиваются приведенным выше толкованием джихада. Они видят в нем еще одну грань: «наставление на правильный путь» отошедших от «истинного» ислама мусульман. Методы такого «наставления» отличаются у разных фундаменталистских организаций, но, как правило, это либо телесные наказания, либо даже смертная казнь. При этом нужно понимать, что проблема насилия при осуществлении «джихада» решается фундаменталистами в зависимости от конкретных социальных и политических условий их деятельности в том или ином регионе. Зачастую им удается совместить противоречащие друг другу понятия:

на словах декларировать приоритет принципов мирного сосуществования с представителями разных культур и конфессий, не гнушаясь при этом на практике прибегать к насильственным методам завоевания власти.

Политическая практика фундаменталистских организаций основывается на ряде основополагающих принципов, ключевым из которых является признание Аллаха в качестве единственного источника власти и закона. Главное положение их правовой системы заключается в том, что законотворческая деятельность человека должна быть ограничена рамками Корана и Сунны, а правящие круги мусульманского государства не просто не имеют права выходить за эти рамки, но должны контролироваться в этом отношении консультативным советом уммы и признанными улемами. Второй важный принцип политической теории фундаменталистов заключается в необходимости установления «истинного мусульманского порядка», который заключается в восстановлении тех норм, которые существовали во всех областях общественной жизни в эпоху основателя ислама Пророка Мухаммада и его ближайших сподвижников. Идеологи фундаментализма полагают, что единственным регулятором всей жизни общества является шариат. В экономической сфере они допускают многообразие форм собственности: частную, кооперативную, государственную. При этом средства производства должны использоваться строго в интересах всей уммы, а распределение общественных благ должно соответствовать принципу: «от каждого – по способностям, каждому – по благочестию».

Для реализации вышеперечисленных положений своей концепции внешней и внутренней политики, представители исламских фундаменталистских организаций предлагают халифат, отвергая при этом любые другие способы организации социально-экономической и политической жизни государства. Их главная идеологическая задача – доказать преимущества исламской политической модели над любой западной альтернативой, которая, как они заявляют, принесла народам Востока только лишь «пороки развития».

Основной внешнеполитической доктриной фундаменталистов является концепция панисламизма, но иногда на первоначальном этапе они пытаются также разыграть карту и панарабизма. Однако история показала, что панарабизм остается недостижимой мечтой, поэтому фундаменталисты больше склоняются именно к идее объединения народов под знаменем одной религии.

Представляется возможным согласиться с мнением, когда понятие «исламский радикализм» определяют как политическое течение, основанное на религиозно-идеологической доктрине, соединяющее в себе идеологию и политическую практику, проявляющуюся в деятельности различных радикальных исламистских организаций.

Таким образом, можно прийти к выводу, что успех исламских фундаменталистских организаций в сфере

завоевания мощного влияния на мировой политической арене объясняется социально-экономическими и политическими причинами. Трудная экономическая ситуация, которая сложилась в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока после распада колониальной системы, во многом остается непреодоленной и до сегодняшнего дня. Это предоставляет радикальным исламским группировкам благоприятную почву для завоевания симпатии беднейших слоёв населения. Именно эти организации оказались способны выразить интересы части социальных слоёв и групп, стать мощной оппозицией правительству некоторых арабских государств и добиться существенного расширения своей зоны влияния. Расширение социальной базы есть одна из важнейших идеологических задач исламизма. Способы мобилизации также определены спецификой ислама.

Рассмотренные внутренние и внешние причины (экономические проблемы, бедность, нищета, социально-политическая нестабильность, насаждаемые глобализацией западные культурные ценности и др.) способствуют расширению исламского радикализма с его идеологией, практикой и крайними формами проявления – экстремизмом и терроризмом. Исламский радикализм сегодня серьезно дестабилизирует мировую политическую ситуацию.

Статья поступила в редакцию 30.03.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М.: Наука, 1988. 208 с.
2. Исламская политика глазами известных ученых: материалы Шестнадцатой сессии Европейского совета по фетвам и исследованиям (05.06.2006) // Islam News: информационное агентство России [сайт]. – URL: <https://www.islamnews.ru/news-islamskaya-politika-glazami-izvestny/> (дата обращения: 02.06.2018).

3. Мельвиль А.Ю. Мир политической науки: учебник. Книга 1. Категории. М.: Просвещение, 2004. 796 с.
4. Поляков К.И. Арабский восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М.: УРСС, 2014. 168 с.

REFERENCES

1. Ignatenko A.A. Khalify bez khalifata [Caliphs without Caliphate]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 208 p.
2. Islamskaya politika glazami izvestnykh uchenykh: materialy Shestnadsatoi sessii Evropeiskogo soveta po fetvam i issledovaniyam (05.06.2006) [Islamic politics through the eyes of famous scientists: proceedings of the sixteenth session of the European Council for fatwas and research (05.06.2006)]. In: *Islam News: informatsionnoe agentstvo Rossii* [Islam News: Russian news Agency [website]. Available at: <https://www.islamnews.ru/news-islamskaya-politika-glazami-izvestny/> (accessed: 02.06.2018).
3. Mel'vil' A.Yu. Mir politicheskoi nauki: uchebnik. Kniga 1. Kategorii [The world of political science: textbook. Book 1. Categories]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2004. 796 p.
4. Polyakov K.I. Arabskii vostok i Rossiya: problema islamskogo fundamentalizma [The Arab East and Russia: the problem of Islamic fundamentalism]. Moscow, URSSPubl., 2014. 168 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулешова Наталья Сергеевна – профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: kuleshova-nataly@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia S. Kuleshova – Professor of the Department of Political Science of the East, the Institute of Asia and Africa, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: kuleshova-nataly@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кулешова Н.С. Исламский радикализм как фактор дестабилизации мировой политической ситуации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 153–160.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-153-160

FOR CITATION

Kuleshova N. Islamic radicalism as a factor destabilizing the political situation in the world. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 153–160.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-153-160

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-161-170

ДВУСТОРОННИЕ УЧЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ «СОТРУДНИЧЕСТВО» – ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИЯМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ?

Никитина Ю.А., Фань Сюэсун

*Московский государственный институт международных отношений МИД России
119454, Москва, проспект Вернадского, 76, Российская Федерация*

Аннотация. Статья исследует попытки образования новых механизмов сотрудничества России и Китая в сфере антитеррористической деятельности на примере учений «Сотрудничество», которые остаются вне внимания исследователей, изучающих ШОС или проблемы безопасности в Центральной Азии. На фоне непрерывного углубления российско-китайских отношений, всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства Москва и Пекин активно ищут новые пути антитеррористического сотрудничества, а взаимодействия между силовыми структурами двух стран все более нарастают.

Ключевые слова: Российско-китайские отношения, учения «Сотрудничество», терроризм, Росгвардия, Народная вооруженная полиция Китая.

ARE BILATERAL RUSSIAN-CHINESE MILITARY EXERCISES "COOPERATION" A PREPARATION FOR FUTURE JOINT OPERATIONS IN CENTRAL ASIA?

Yu. Nikitina, Fan Xuesong

*Moscow State Institute of International Relations,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadsky prosp., Moscow, 119454, Russian Federation*

Abstract. The article explores attempts to form new mechanisms for cooperation between Russia and China on counter-terrorism activities in recent years. The military exercises "Cooperation" is taken as an example of it. They still remain out of attention of the researchers who study SCO or the security problems in Central Asia. Together with the continuous deepening of the Russian-Chinese relations and the overall strategic cooperation and partnership Moscow and Beijing are actively looking for new ways of antiterrorist cooperation. The interaction between the security agencies of the two countries is constantly increasing.

Key words: Russian-Chinese relations; military exercises "Cooperation"; terrorism; National Guard of Russia; Chinese People's Armed Police.

Для России и Китая одним из важных направлений сотрудничества является совместная борьба с терроризмом, которая часто позиционируется как одно из «трех сил зла», куда также входят экстремизм и сепаратизм, – именно с этими тремя угрозами борется Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Следует отметить, такое сочетание угроз безопасности характерно именно для Китая: в официальных документах других региональных организаций с преимущественно западным участием объединяются только терроризм и экстремизм. Для самой России и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) также характерно объединение в одну группу угроз только терроризма и экстремизма.

Тема совместных российско-китайских военных учений или антитеррористических учений как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС в настоящее время недостаточно освещена в научной литературе (как российской, так и зарубежной). Основная информация по учениям представлена в СМИ или в экспертных комментариях. Из зарубежных экспертных работ непосредственно по учениям ШОС следует упомянуть публикацию Ричарда Вайтца [17], директора Центра политико-военного анализа Хадсоновского института (США), а также коллективную статью в журнале «Центральная Азия и Кавказ» [16]. Многофакторный анализ замыслов и сценариев военно-морских учений в Азиатско-Тихоокеанском регионе с участием России, КНР и США проводит А.С. Голобоков [7].

Сотрудничеству России и Китая в борьбе с терроризмом посвящена статья Л.Е. Васильева [6]. На региональный аспект сотрудничества РФ и КНР в борьбе с терроризмом обращает внимание представитель ФСБ России по Читинской области В.В. Чашин [15], который призывает к большей открытости во взаимодействии спецслужб для обмена информацией, которая может помочь предотвращению те-

рактов. Сравнительный анализ борьбы России и Китая с сепаратизмом как одной из «трех сил зла» освещен в статье Ю.В. Морозова [12] из Института Дальнего Востока РАН.

Учения в рамках ШОС под названием «Мирная миссия», как было указано выше, достаточно подробно описаны в СМИ, как правило, также они анализируются в большинстве статей по ШОС. Вместе с тем вне рамок анализа оказались российско-китайские учения «Сотрудничество», которые были проведены в 2016 г. в России и в 2017 г. в Китае. Эти учения проводились на двусторонней основе, вне рамок ШОС, вместе с тем по некоторым признакам можно сделать вывод, что эти учения закладывают основу для будущих совместных антитеррористических действий России и Китая на территории стран Центральной Азии.

В чем же специфика этих учений? С 3 по 14 июля 2016 г. в Московской и Смоленской областях России проводилась комплексная тактико-специальная тренировка «Сотрудничество-2016», в которой приняли участие военнослужащие спецназа 604-го Центра специального назначения «Витязь» войск национальной гвардии РФ, а также военнослужащие элитных спецподразделений Народной вооруженной полиции КНР «Снежный барс» и «Ловчий сокол». Хотя это уже не первая совместная тренировка спецподразделений внутренних войск МВД России и Народной вооруженной полиции (НВП) КНР (в августе 2007 г. 79 военнослужащих отряда спецназа «Снежный барс» НВП Китая приняли участие в совместном антитеррористическом учении подразделений спецназа ВВ МВД России «Содруже-

ство-2007» в Подмосковье, и в июне 2013 г. в Пекине прошло совместное антитеррористическое учение 29 военнослужащих отряда спецназа «Витязь» ВВ МВД России и НВП Китая) [5], но в современной международной обстановке совместные учения Росгвардии и НВП Китая в этом году отличаются особенностями, которые будут проанализированы далее.

Можно утверждать, что данные учения могут являться важным экспериментом для реализации идеи проекта будущих российско-китайских совместных антитеррористических операций вне территорий России и Китая. Этот вывод подтверждается следующей информацией из открытых репортажей СМИ.

Во-первых, эта тренировка имеет важное политическое и военно-стратегическое значение. Как заявлял главнокомандующий НВП Китая генерал-полковник Ван Нин, это мероприятие является практической мерой для реализации китайско-российских отношений всестороннего партнерства и стратегического взаимодействия по совместной инициативе председателя КНР Си Цзиньпина и президента РФ В.В. Путина [7]. Участники тренировок «Сотрудничество-2016» являются подразделениями специального назначения «Витязь» войск национальной гвардии РФ, «Снежный барс» и «Ловчий сокол» Народной вооруженной полиции КНР, которые считаются элитными, прославленными и опытными антитеррористическими отрядами спецназа в своих государствах. Военнослужащие этих подразделений участвовали в многочисленных реальных антитеррористических боевых действиях в своих странах, и также

принимали участие в разных международных соревнованиях и обменах спецпоздравлений, имеют богатый опыт и высокий престиж. И особенно стоит отметить, что это первая российско-китайская антитеррористическая тренировка после создания Национальной гвардии России, и также в первый раз НВП Китая одновременно отправила два отряда спецназа – «Снежный барс» и «Ловчий сокол», которые являются единственными двумя антитеррористическими отрядами спецназа государственного уровня, участвовавшими в одной совместной антитеррористической тренировке за рубежом.

Во-вторых, это мероприятие имеет особое профессиональное и тактическое значение для совместной антитеррористической операции. При реальных совместных боевых действиях вместе с иностранными военнослужащими за рубежом возникают многочисленные и многообразные сложные вопросы. Чтобы преодолеть эти проблемы, силовые структуры двух стран начали исследовать эффективные методы и реализовали эти идеи в этой совместной тренировке.

У военнослужащие двух стран неодинаковые боевые уставы, ментальности, навыки и пр. И самое главное, языковой барьер является серьезным вопросом для их совместных действий, данная проблема играет решающую роль для осуществления идеи российско-китайских совместных боевых операций, решение данной проблемы также стало одной из главных задач в этой совместной тренировке. Поэтому в качестве эксперимента для решения данных вопросов, на период проведения тактико-специальной

тренировки из российских и китайских военнослужащих сформированы два смешанных взвода в соотношении один к одному от сторон. При этом каждый китайский военнослужащий был закреплен за российским спецназовцем, то есть у каждого бойца был свой незнакомый иностранный партнер, они находились вместе и на занятиях, и в свободное время [5]. Для общения между бойцами кроме переводчиков в случае необходимости в основном были использованы специально изготовленные русско-китайские разговорники [10], чтобы спецназовцы двух стран быстро привыкли к совместным действиям. И такой порядок общения помог установить контакт и понимание между участниками тренировки. Во время тренировки бойцам из двух стран удалось преодолеть языковой барьер, данная проблема не сильно мешала удачному совершению совместной тренировки [5].

С точки зрения подготовки к будущим антитеррористическим действиям за рубежом, во время занятий и учений, китайские бойцы действовали в незнакомой обстановке и местности, совершили поиск и нейтрализацию диверсионных и бандитских групп в различных условиях, в лесном массиве и населенном пункте, в дневное и ночное время, используя вооружение, военную технику и средства связи войск национальной гвардии РФ [4]. Предполагается, что в будущем при совместной антитеррористической операции за рубежом у китайских военнослужащих будет большая вероятность использовать оружие и экипировку дружественных подразделений России или других стран, даже может возникнуть такая ситуация, что из-за

дипломатических причин китайские военные выйдут за границы без оружия, и придется использовать оружие страны пребывания. А в этом случае использование китайскими спецназовцами российского вооружения и оборудования очевидно является подготовкой и испытанием к вышеприведенным ситуациям.

Русский язык, незнакомая местность и боевые партнеры, российское оружие и экипировка, – все эти меры испытания в ходе комплексной тактико-специальной тренировки «Сотрудничество-2016» показывают, что при обострении обстановки безопасности в регионе российская и китайская стороны, особенно сами китайцы, имеют намерение проводить совместные антитеррористические операции за пределами своих стран. А если конкретнее, то, по мнению авторов, скорее всего, в Центральной Азии, где местные население, правоохранители и военнослужащие являются русскоговорящими, а в армиях и других силовых структурах используются советские и российские вооружение и оборудование.

В качестве двух держав с хорошо подготовленными антитеррористическими силами и большим чувством самоуважения на международной арене, Россия и Китай вряд ли пригласят вооруженные силы другой страны принимать участие в боевых действиях на своей территории. С террористическими группировками, скрывающимися в горах на Северном Кавказе и в Синьцзяне, Москва и Пекин сами могут справиться. Но что касается стран Центральной Азии, из-за сложной национальной и религиозной обстановки и относительно слабого потенциала силовых структур и хрупкого контро-

ля со стороны центральных властей, экстремистские организации и террористические группировки, скрывающиеся в Центральной Азии, являются серьезной угрозой для самих стран Центральной Азии, и также для России и Китая. Поэтому здесь мы можем сделать смелый вывод, что совместная тренировка «Сотрудничество-2016» является важным экспериментом для реализации идеи проекта будущих российско-китайских совместных антитеррористических операций в Центральной Азии.

Как сказал главнокомандующий НВП Китая генерал-полковник Ван Нин на закрытии российско-китайской комплексной тактико-специальной тренировки «Сотрудничество-2016», это мероприятие заложило фундамент для будущих совместных ударов по «трем силам зла» и имеет важное значение для повышения способности совместного реагирования на угрозу международного терроризма и выполнения антитеррористических операций, и для охранения мирного положения, безопасности и стабильности в регионе и мире [8]. Через данные слова мы уже можем узнать цель и характер этого мероприятия, и они соответствуют предположению автора.

И мы можем заметить, что Москва и Пекин имеют сильное намерение двигаться вперед, чтобы такие совместные антитеррористические тренировки и сотрудничество стали регулярным механизмом [9]. И данная тенденция уже реализуется – в 2017 г. «Сотрудничество» было проведено в Китае [1]. 2–13 декабря 2017 г. под городом Иньчуань – административным центром Нинся-Хуэйского автономного района Китая – проводилось совместное антитер-

рористическое тактико-специальное учение сил специального назначения Росгвардии и Народной вооруженной полиции КНР «Сотрудничество-2017». В нем приняли участие военнослужащие Центра специального назначения «Витязь» и впервые – сотрудники специального отряда быстрого реагирования «Рысь» Росгвардии. Китайскую сторону представлял отряд специального назначения «Пустынные лисы», который ранее также не привлекался к подобным мероприятиям [2]. Стоит отметить, что в этот раз совместные учения проводились в северо-западном Китае в местности пустыни и горных условий, которые как раз соответствуют природным условиям Центральноазиатского района и Ближнего Востока.

На закрытии тренировки «Сотрудничество-2016» директор Федеральной службы войск национальной гвардии — главнокомандующий войсками национальной гвардии РФ генерал армии Виктор Золотов заявил: «Данная тактическая тренировка не направлена против третьих стран и регионов, она проводилась исключительно для подготовки и совершенствования в борьбе с терроризмом и защите наших граждан» [6]. Через год руководство учений «Сотрудничество-2017» также заявило, что учение имеет целью повысить уровень совместной борьбы участников-бойцов спецназа против терроризма, их выучки при проведении антитеррористических операций, а также реагирования на внезапные террористические угрозы в регионе. Учение не направлено против третьих стран и территорий [3].

По мнению авторов, данные заявления важны для понимания специфики

и цели учений. Если совместные учения в рамках ШОС и российско-китайские морские учения вызывали сомнения и опасения у их потенциальных соперников, то на примере совместных учений Росгвардии и Народной вооруженной полиции Китая очевидно, что эти опасения были преувеличены: войска Национальной гвардии России, которые были преобразованы из внутренних войск МВД России, и Народная вооруженная полиция Китая, которая может считаться аналогом ВВ МВД России, являются внутренними силовыми структурами, а не наступательными силами, не имеют функций участия в вооруженных конфликтах с другими государствами. Участвовавшие в учениях подразделения спецназа выполняют исключительно антитеррористические задачи, а не задачи противодействия вооруженным силам других стран или регионов. Поэтому сотрудничество между отрядами специального назначения Росгвардии и НВП Китая действительно является антитеррористическим взаимодействием.

Выступая на церемонии закрытия учений «Сотрудничество-2017», командующий НВП Китая Ван Нин отметил, что нынешние учения – это конкретные шаги по претворению в жизнь и реализации китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства, а также новый результат в продвижении обменов и сотрудничества между НВП Китая и Росгвардией в сфере безопасности. Он также заявил о готовности НВП Китая расширять сотрудничество с зарубежными коллегами, в частности

с Росгвардией, в совместной борьбе с терроризмом, и тем самым внести позитивный вклад в защиту государственной безопасности, охрану интересов населения и содействие глобальному миру и стабильности. Первый заместитель директора Росгвардии Сергей Меликов отметил, что учения способствовали укреплению взаимодоверия двух стран в совместной борьбе с международным терроризмом [11]. Таким образом, данные совместные учения спецподразделений Росгвардии и НВП Китая в качестве мероприятия конкретной и эффективной реализации сотрудничества России и Китая в сфере региональной безопасности и антитерроризма служат первым шагом на пути долгосрочного систематического сотрудничества. Подобные мероприятия и меры также запланированы на будущее.

Коллективные военные или антитеррористические учения в целом относительно редко привлекают внимание исследователей сами по себе, скорее, они изучаются в контексте международного многостороннего сотрудничества. Вместе с тем изучение отдельных учений дает возможность увидеть тенденции как в двусторонних отношениях России и Китая, так и более широкие тенденции мирового развития, в частности тенденцию интернационализацию борьбы с международным терроризмом, но не по линии региональных организаций, а по линии двустороннего сотрудничества с использованием внутренних силовых структур.

Статья поступила в редакцию 24.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойцы Росгвардии и полиции Китая взяли штурмом захваченное «террористами» здание (14.07.2016) // [www.tvzvezda.ru](http://www.tvzvezda.ru/news/forces/content/201607141808-tpx0.htm): сетевое издание. URL: <http://www.tvzvezda.ru/news/forces/content/201607141808-tpx0.htm> (дата обращения: 14.07.2016).
2. В Китае завершилось антитеррористическое учение спецподразделений Росгвардии и Народной вооруженной полиции Китая «Сотрудничество-2017» (13.12.2017) // РОСГВАРДИЯ [сайт]. – URL: <http://rosgvard.ru/ru/news/article/v-kitae-zavershilos-antiterroristicheskoe-uchenie-specpodrazdelenij-rosgvardii-i-narodnoj-vooruzhennoj-policii-kitaya-sotrudnichestvo2017> (дата обращения: 25.05.2018).
3. В Китае начались совместные учения отрядов Народной вооруженной полиции Китая и Росгвардии (02.12.2017) // СИНЬХУА Новости [сайт]. URL: http://russian.news.cn/2017-12/02/c_136795728.htm (дата обращения: 25.05.2018).
4. В Подмоскowie завершилась российско-китайская комплексная тактико-специальная тренировка «Сотрудничество-2016» (14.07.2016) // РОСГВАРДИЯ [сайт]. URL: <http://rosgvard.ru/v-podmoskove-zavershilas-rossijsko-kitajskaya-kompleksnaya-taktiko-spetsialnaya-trenirovka-sotrudnichestvo-2016/> (дата обращения: 25.05.2018).
5. В Подмоскowie начались совместные антитеррористические занятия спецподразделений России и Китая «Сотрудничество-2016» (03.07.2016) // РОСГВАРДИЯ [сайт]. URL: <http://rosgvard.ru/v-podmoskove-nachalis-sovmestnye-antiterroristicheskie-zanyatiya-spetspodrazdelenij-rossii-i-kitaya-sotrudnichestvo-2016/> (дата обращения: 25.05.2018).
6. Васильев Л.Е. Российско-китайское сотрудничество в борьбе против терроризма // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. № 19 (19). С. 93–101.
7. Голобоков А.С. Морское военно-политическое взаимодействие России, Китая и США в АТР: динамика международных и региональных противоречий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. № 1 (36). С. 26–38.
8. Дружья познаются в бою: в Балашихе прошли совместные учения боевой авиации России и Китая (14.07.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eI3Vq_VIMSE (дата обращения: 25.05.2018).
9. Китайско-российская совместная антитеррористическая тренировка «Сотрудничество-2016» – достигнуты блестящие успехи (17.07.2016, на кит. яз.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.gov.cn/action/2016-07/17/content_4695072.htm (дата обращения: 25.05.2018).
10. Китайско-российская совместная антитеррористическая тренировка «Сотрудничество-2016» успешно завершена (14.07.2016, на кит. яз.) [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/2016-07/14/c_129146696.htm (дата обращения: 25.05.2018).
11. Китайско-российская совместная антитеррористическая тренировка «Сотрудничество-2016» успешно завершена (16.07.2016, на кит. яз.) [Электронный ресурс]. URL: http://wj.81.cn/content/2016-07/16/content_7161540.htm (дата обращения: 25.05.2018).
12. Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Дальнем Востоке Российской Федерации и в Китае: возможные уроки и пути решения проблем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7. С. 44–59.
13. Спецназовцы России и Китая преодолевают тягости и языковой барьер (03.07.2016) // Вести.Ру: сетевое издание [сайт]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2772098> (дата обращения: 25.05.2018).
14. Успешно завершились совместные китайско-российские антитеррористические уче-

- ния «Сотрудничество-2017» (13.12.2017) // СИНЬХУА Новости [сайт]. URL: http://russian.news.cn/2017-12/13/c_136823539.htm (дата обращения: 25.05.2018).
15. Чашин В.В. Сотрудничество РФ и КНР в совместной антитеррористической борьбе (региональный аспект) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2006. № 4. С. 115–125.
16. Marat E. Russia and China Unite Forces in "Peace Mission 2007" (05.04.2007) // The Central Asia-Caucasus Analyst: biweekly briefing on current affairs [website]. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/11382-analytical-articles-caci-analyst-2007-4-5-art-11382.html> (дата обращения: 25.05.2018).
17. Weitz R. Military exercises underscore the SCO's character (25.05.2011) // The Central Asia-Caucasus Analyst: biweekly briefing on current affairs [website]. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12293-analytical-articles-caci-analyst-2011-5-25-art-12293.html> (дата обращения: 25.05.2018).

REFERENCES

1. Boitsy Rosgvardii i politsii Kitaya vzyali shturmom zakhvachennoe «terroristami» zdanie (14.07.2016) [The soldiers of the National Guard and Chinese People's Armed Police stormed the building captured by "terrorists" (14.07.2016)]. www.tvzvezda.ru: network edition. Available at: http://tvzvezda.ru/news/forces/content/201607141808-tpx0.htm (accessed: 14.07.2016).
2. V Kitae zavershilos' antiterroristicheskoe uchenie spetspodrazdelenii Rosgvardii i Narodnoi vooruzhennoi politsii Kitaya «Sotrudnichestvo-2017» (13.12.2017) [China has completed the counter-terrorist exercise of Special Forces of the National Guard and Chinese People's Armed Police] REGARDIE [website]. Available at: <http://rosgvard.ru/ru/news/article/v-kitae-zavershilos-antiterroristicheskoe-uchenie-specpodrazdelenij-rosgvardii-i-narodnoj-vooruzhennoj-politsii-kitaya-sotrudnichestvo2017> (accessed: 25.05.2018).
3. V Kitae nachalis' sovместnye ucheniya otryadov Narodnoi vooruzhennoi politsii Kitaya i Rosgvardii (02.12.2017) [In China joint exercises of the National Guard and Chinese People's Armed Police began] XINHUA news [website]. Available at: http://russian.news.cn/2017-12/02/c_136795728.htm (accessed: 25.05.2018).
4. V Podmoskov'e zavershilas' rossijsko-kitaiskaya kompleksnaya taktiko-spetsial'naya trenirovka «Sotrudnichestvo-2016» (14.07.2016) [In Moscow region the Russian-Chinese comprehensive special tactical exercise "Cooperation-2016" ended (14.07.2016)] REGARDIE [website]. Available at: <http://rosgvard.ru/v-podmoskove-zavershilas-rossijsko-kitajskaya-kompleksnaya-taktiko-spetsialnaya-trenirovka-sotrudnichestvo-2016/> (accessed: 25.05.2018).
5. V Podmoskov'e nachalis' sovместnye antiterroristicheskie zanyatiya spetspodrazdelenii Rossii i Kitaya «Sotrudnichestvo-2016» (03.07.2016) [In Moscow region a joint anti-terror exercises "Cooperation-2016" of Special Forces of Russia and China began (03.07.2016)] REGARDIE [website]. Available at: <http://rosgvard.ru/v-podmoskove-nachalis-sovместnye-antiterroristicheskie-zanyatiya-spetspodrazdelenij-rossii-i-kitaya-sotrudnichestvo-2016/> (accessed: 25.05.2018).
6. Vasil'ev L.E. [Russian-Chinese cooperation in the fight against terrorism] In: *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, 2014, no. 19 (19). С. 93–101.
7. Golobokov A.S. [Marine military-political cooperation of Russia, China and the United States in the Asia Pacific region: dynamics of international and regional conflicts] In: *Terri-toriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2017, no. 1 (36), pp. 26–38.

8. Druz'ya poznayutsya v boyu: v Balashikhe proshli sovmestnye ucheniya boevoi aviatsii Rossii i Kitaya (14.07.2016) [Elektronnyi resurs]. [Friends are learned in a battle: in Balashikha joint exercises of military aviation of Russia and China were held (14.07.2016) [Electronic resource]]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=eI3Vq_VIMSE (accessed: 25.05.2018).
9. Kitaisko-rossiiskaya sovmestnaya antiterroristicheskaya trenirovka «Sotrudnichestvo-2016» - dostignuty blestyashchie uspekhi (17.07.2016, na kit. yaz.) [Elektronnyi resurs]. [China-Russian joint anti-terrorism exercise, "Cooperation-2016" – achieved a brilliant success (17.07.2016, chin. lang.) [Electronic resource]]. Available at: http://www.mod.gov.cn/action/2016-07/17/content_4695072.htm (accessed: 25.05.2018).
10. Kitaisko-rossiiskaya sovmestnaya antiterroristicheskaya trenirovka «Sotrudnichestvo-2016» uspeshno zavershena (14.07.2016, na kit. yaz.) [Elektronnyi resurs]. [China-Russian joint anti-terrorism exercise, "Cooperation-2016" completed successfully (14.07.2016, chin. lang.) [Electronic resource]]. Available at: http://news.xinhuanet.com/2016-07/14/c_129146696.htm (accessed: 25.05.2018).
11. Kitaisko-rossiiskaya sovmestnaya antiterroristicheskaya trenirovka «Sotrudnichestvo-2016» uspeshno zavershena (16.07.2016, na kit. yaz.) [Elektronnyi resurs]. [China-Russian joint anti-terrorism exercise, "Cooperation-2016" completed successfully (16.07.2016, chin. lang.) [Electronic resource]]. Available at: http://wj.81.cn/content/2016-07/16/content_7161540.htm (accessed: 25.05.2018).
12. Morozov Yu.V. [Comparative analysis of the suppression of separatist manifestations in the Far East of the Russian Federation and in China: possible lessons and solutions of the problems] In: *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2014, no. 7, pp. 44–59.
13. Spetsnazovtsy Rossii i Kitaya preodolevayut tyagosti i yazykovoi bar'er (03.07.2016) [Special Forces of Russia and China overcome the hardships and language barrier (03.07.2016)]. Vesti.Ru: network edition [website]. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2772098> (accessed: 25.05.2018).
14. Uspeshno zavershilis' sovmestnye kitaisko-rossiiskie antiterroristicheskie ucheniya "Sotrudnichestvo-2017" (13.12.2017) [Joint Chinese-Russian anti-terror exercise "Cooperation-2017" successfully completed (13.12.2017)]. XINHUA news [website]. Available at: http://russian.news.cn/2017-12/13/c_136823539.htm (accessed: 25.05.2018).
15. Chashchin V.V. [Cooperation of Russia and China in joint anti-terrorist struggle (regional aspect)] In: *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 4, pp. 115–125.
16. Marat E. Russia and China Unite Forces in "Peace Mission 2007" (05.04.2007). The Central Asia-Caucasus Analyst: biweekly briefing on current affairs [website]. Available at: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/11382-analytical-articles-caci-analyst-2007-4-5-art-11382.html> (accessed: 25.05.2018).
17. Weitz R. Military exercises underscore the SCO's character (25.05.2011). The Central Asia-Caucasus Analyst: biweekly briefing on current affairs [website]. Available at: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12293-analytical-articles-caci-analyst-2011-5-25-art-12293.html> (accessed: 25.05.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никитина Юлия Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, научный сотрудник Центра постсоветских исследований Московского государственного института международных отношений МИД России; e-mail: y.nikitina@inno.mgimo.ru

Фань Сюэсун – аспирант кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений МИД России;
e-mail: antonfan1988@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Nikitina – PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of World Politics, Research Worker of the Center for the Post-Soviet Studies, Moscow State Institute of International Relations;
e-mail: y.nikitina@inno.mgimo.ru

Fan Xuesong – PhD student of the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations;
e-mail: antonfan1988@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитина Ю.А., Фань Сюэсун. Двусторонние учения России и Китая «Сотрудничество» – подготовка к операциям в Центральной Азии? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 161–170.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-161-170

FOR CITATION

Nikitina Yu., Fan Xuesong. Are bilateral Russian-Chinese military exercises "cooperation" a preparation for future joint operations in Central Asia? In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 161–170.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-161-170

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-171-182

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ ДЖЕКА ГОЛДСТОУНА

Шульц Э.Э.*Центр политических и социальных технологий**121433, Москва, ул. Большая Филевская, д. 55/1/45, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения теории революции и разбирает концепции одного из ведущих исследователей – американского политолога Джека Голдстоуна. Автор разбирает подход Джека Голдстоуна к определению революций, концепцию 4-х поколений исследователей теории революции, предложенную американским политологом и ставшую наиболее популярной среди исследователей на современном этапе, и структурно-демографическую концепцию, которая получила большее количество приверженцев с точки зрения выявления причин революций. Работа базируется на таких общих логических методах, как анализ, индукция и дедукция, на историческом методе, позволяющем проследить неоднократно повторяющиеся явления, и сравнительном анализе, который основан на сопоставлении однотипных политических явлений и процессов в разных странах.

Ключевые слова: теория революции, Джек Голдстоун, структурно-демографическая концепция.

JACK GOLDSTONE'S THEORY OF REVOLUTION

E. Shults*Center of Political and Social Technologies**55/1/45B. Filevskaya ul., Moscow, 121433, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problems of studying the theory of revolution and concepts of one of the leading researchers – the American political scientist Jack Goldstone. The author investigates Jack Goldstone's approach to defining revolutions, and the concept of 4 generations of researchers who studied the theory of revolution offered by the American political scientist. His theory has become the most popular nowadays and acquired a lot of followers among the researchers interested in revealing the reasons of revolutions. The article bases on such common logic methods as analysis, induction and deduction. Besides, the historical method was used, as well as the comparative analysis which is based on the comparison of homogeneous political events and phenomena in different countries.

Key words: theory of revolution, Jack Goldstone, structural-demographic concept.

100-летний юбилей Русской революции лишний раз подчеркнул определенный методологический кризис в изучении теории революции. В связи с этим представляется актуальным анализ и пересмотр основных концепций, оказывающих главное влияние на современных исследователей. Среди авторов немарк-

© СС ВУ Шульц Э.Э., 2018.

систского направления наиболее популярными и в России, и в мире являются концепции американских политологов Теды Скокпол и Джека Голдстоуна. Джек Голдстоун вошел в историю изучения теории революций и социального протеста выдвинутыми им концепцией 4-х поколений исследователей теории революции и структурно-демографической концепцией. Анализ этих концепций посвящена данная статья. Работа базируется на таких общелогических методах, как анализ, индукция и дедукция, на историческом методе, позволяющем проследить неоднократно повторяющиеся явления, и сравнительном анализе, который основан на сопоставлении однотипных политических явлений и процессов в разных странах.

Джек Голдстоун в начале 90-х гг. XX в. предложил систематизацию историографии теории революции, которая приобрела наибольшую популярность на сегодняшний день. Эта классификация базировалась на идее Чалмерса Джонсона [см.: 33, р. 170, 176] и основывается на выделении поколений исследователей теории революции на основании методологических принципов, которыми определяются работы авторов.

Первому поколению исследователей Голдстоун дал название по книге Лайфорда Эдвардса «поколение естественной истории революции», к которому были отнесены, главным образом, авторы 1920–30-х гг., среди которых, кроме упомянутого Эдвардса, Крэйн Бринтон и Джордж Петти. Ко второму поколению американский политолог отнес работы Чалмерса Джонсона, Тэда Гарра, Самуэля Хантингтона и Чарльза Тилли. К третьему

поколению – Энтони Обершалья, Гарри Экштейна, Барбары Салерт, Эдварда Муллера, Теды Скокпол [2; 23; 29].

«Социология революции» Питирима Сорокина (1925 г.) причислена ко второму поколению, а некоторые представители поколения 60-х определены как первое поколение. Первое поколение связывается с историческим подходом и философско-исторической интерпретацией. Второе – с модернизационной теорией и структурно-функциональным анализом. Третье поколение отличает государственно-центричные модели [28].

В 60-х гг. XX в. возник подход в анализе революций с точки зрения дисфункции системы (авторы: Чалмерс Джонсон и Лоуренс Стоун). Дисфункцией является дисгармония внутри системы (например, между социальной и политической системой страны). Революции происходят, если дисфункции достигают уровня, превосходящего способности системы приспособляться [32, р. 4–5; 37, р. 9–11; 38, р. 165]. Этот принцип после работы американского политолога Теды Скокпол был взят за основу многими исследователями, и по данному признаку Джек Голдстоун выделил это поколение исследователей теории революции в «третье поколение» [2, с. 98; 36, р. 24, 291–292]. Работу Т. Скокпол Джек Голдстоун считал самым ярким проявлением данного поколения и его наивысшей точкой [2, с. 59].

В начале 90-х гг. XX в. Джек Голдстоун констатировал, что третье поколение теории революции уже уходит, но «ни одной общепризнанной теории четвертого поколения еще не создано» [2, с. 99]. В качестве задач для нового поколения исследователей было пред-

ложено пересмотреть основные выводы Т. Скокпол [2, с. 103; 29]. Однако внимательный анализ показывает, что послание Голдстоуна «новому поколению» не содержало ничего принципиально нового.

Специальные исследования показывают, что теория революции как предмет исследования появилась не в 30-е гг. XX в., а на столетие ранее [15]. В 1830 г. в свет вышла работа Томаса Бэйли «Размышления о причинах политических революций», которая стала первым отдельным трудом, в котором прямо ставилась задача создать «теорию революции» [20, р. 3]. Через тридцать лет – в 1861–62 гг. – вышли еще две тематически близкие брошюры: лекция о революциях Г. Йимана (1861) и «История и теория революций» (1862) Джозефа Кларка [21; 39], в которых уже встречается полноценное концептуальное ядро теории революции. Если к указанным работам добавить труды Маркса и Энгельса «Манифест коммунистической партии» (1848), отдельные работы Маркса: «Классовая борьба во Франции» (1850), «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852), «Гражданская война во Франции» (1871), и Энгельса – «Революция и контрреволюция в Германии» (1852) [9; 10; 11; 12; 18], – то в период между 1830 и 1871 гг. (Французской революцией 1830 г. и Парижской коммуной) можно отметить первую настоящую волну специальных исследований по теории революции уже в тех смыслах и понятиях, которые вкладываются сегодня [16].

Более того, после этого всплеска интереса особо выделяется и группа авторов начала XX в., среди которых самыми яркими работами стали труды

К. Каутского «Путь к власти» (1909 г.) [4] и В.И. Ленина «Маевка революционного пролетариата» (1913), «Крах II Интернационала» (1915), «Государство и революция» (1917) [5; 6; 7], заслугой которых, кроме прочего, стало выдвижение принципов т.н. «революционной ситуации».

И только после этих двух исследовательских волн можно вести речь о поколениях исследователей 20–30-х гг., 50–70-х, 80-х гг., которые выделяет Джек Голдстоун. Однако и здесь, с точки зрения не временного, а методологического деления этих «поколений», необходимо быть весьма осторожным. У всех этих «поколений» почти отсутствует методологическая разница (как она преподносится авторами концепции). Во всяком случае, в сравнении разницы между марксистским и немарксистским подходами, различия между указываемыми поколениями едва улавливаются, так как все, или почти все, авторы применяют сравнительный исторический и системный подход, многие анализируют структурные изменения.

Себя Джек Голдстоун относил к новому – четвертому поколению по его классификации, и действительно, его выводы и логика рассуждений во многом определили современные исследования. Начнем с определения, что такое революция для Джека Голдстоуна.

«Нашего внимания в качестве примеров революций требует обширный диапазон событий от фашистских, нацистских и коммунистических преобразований в первой половине XX в. до краха коммунистических режимов в его конце; от идеалистических революций в Америке и во Франции в конце XVIII в. до хаотических революци-

онных войн в Африке в конце XX в.», – пишет Голдстоун, [2, с. 61]. То есть в обзор революций Голдстоуна попадают не только революции, но и различные восстания, мятежи и политические перевороты.

Этот подход наложил отпечаток на все работы, концепции и выводы Голдстоуна. Представляя революции таким образом, Джек Голдстоун и в прогнозировании предстоящих революций стремится выявить определенные формулы не самого феномена революций, а проявления радикальных массовых форм социального протеста, который может угрожать политической системе [26].

Джек Голдстоун выделяет несколько типов революций: 1) великие, 2) политические, 3) социальные и 4) элитарные [2, с. 62]. С точки зрения Джека Голдстоуна, «Великие революции» преобразуют политические институты наряду с экономическими и социальными структурами (например, Великая французская революция). Политические революции изменяют лишь политические институты. Социальные революции связаны с независимыми выступлениями низших классов, а элитарные революции (или революции сверху) – с широкомасштабными реформами, осуществляемыми элитами [2, с. 62]. Кроме того, особое внимание Джек Голдстоун обращает на революции позднего XX в., в которых, вместе с большой группой американских исследователей, видит иные формы конфликта, поясняя, что эти революции представляют альтернативную модель, а не следуют «классическим» по образцу Французской, Русской и Китайской революций [30, р. 3].

Бросается в глаза, что система ли-

шена классифицирующего признака (напр., как у Маркса, смена способа производства), достаточно сложна в применении, так как позволяет одни и те же события относить к разным типам, и пытается классифицировать не только феномен революций, но и различные проявления социального протеста, государственные перевороты, реформы (в том числе, не акцентируясь на степени их радикальности).

В последние годы Джек Голдстоун пересмотрел эту классификацию и предложил новую: 1) революции периода Ренессанса и Реформации; 2) конституционные революции (Американская, Французская, Мэйдзи исин, европейские 1830 и 1848 гг.; 3) коммунистические революции (Русская, Китайская и Кубинская); 4) антидиктаторские революции (Мексиканская, Никарагуанская и Иранская); 5) цветные революции (Филиппинская, Восточноевропейские и в СССР 1990-91 гг., Украинская 2004 г.); 6) арабские революции 2011 г. (Тунис, Египет, Ливия, Сирия) [31].

Однако и здесь отсутствует четкий классифицирующий признак, что ведет к условности того или иного типа. Так, например, т.н. коммунистические революции в первую очередь вели к принципиальным изменениям конституций. Кубинская революция была направлена против диктатора не менее т.н. «антидиктаторских». Восточноевропейские революции имеют название «бархатных» и принципиально отличаются от цветных революций, таких, как события на Украине в 2004 г. А вот отличия т.н. арабских революций от цветных (Сербия-2000, Грузия-2003, Украина-2004, Киргизия-2005) сложно определить.

На базе идей Томаса Мальтуса (английский экономист) [8] и Вильгельма Абеля (немецкий историк экономики) [19], Джек Голдстоун выдвинул концепцию о демографическом факторе, как причине революций. Данный подход получил название «структурно-демографической концепции» и широкую популярность среди исследователей.

Для начала Джек Голдстоун постарался обосновать тезис, что именно рост населения стал причиной Английской революции, а не развитие капитализма [25, р. 22, 29]. При этом американский политолог подчеркивал, что увеличивающееся население, растущие цены и финансовое бедствие не были уникально английскими или капиталистическими явлениями [25, р. 34–35]. Голдстоун постулировал, что аграрные государства не могли справиться с постоянным ростом населения: уровень населения превышал плодородие земли, что и вело к социальным возмущениям [27, р. 2–3, 27–31, 419–421].

Так, с точки зрения Голдстоуна, первая волна демографического роста в Новом времени дала первые революции – Нидерландскую и Английскую; с 1770 по 1850 гг. произошла вторая волна, которая проявилась во французских революциях, революциях в Европе 1848–50 гг., крестьянской войне Пугачева в России и т.д. Для контраста исследователь демонстрирует, что в период 1660–1760 гг., когда демографическая ситуация ухудшалась, отметился в истории лишь некоторыми малозначительными социальными выступлениями [27, р. 2–3].

Дополнением к принципу роста населения и оказываемого давления

демографии на экономику и политическую систему стала концепция «молодежного бугра» (youth bulge): значительная доля молодежи (от 15 до 29 лет) в структуре населения, что ведет к социальному напряжению, давлению на экономику и политическую систему, высокому уровню насилия и революциям [34, р. 6]. Джек Голдстоун считал, что там, где наблюдался данный феномен, произошло большинство революций XX в. [22, р. 11–12].

Эти выводы и подходы исследователя получили широкое распространение в научной литературе и общественной мысли. Однако уже сам Голдстоун сделал множество дополнительных замечаний к выдвинутой концепции. Так, для того чтобы вызвать революцию, рост населения должен сопровождаться негибкостью экономических и политических систем [27, р. 489, 496]. Исследователь предлагает опираться не только на рост населения, но и учитывать взаимоотношения между элитами и народом, общую социальную политику государства, силу и слабость власти, эффективность государства, степень отчужденности элит и потенциал для мобилизации и другие факторы [26, р. 401].

Д. Голдстоун утверждал, что слабость государства ведет к стремлению различных элементов общества «нажимать» на свои обиды [27, р. 420], и этот индекс давления на государственное устройство он определяет, как кризис власти, умноженный на соперничество элит и их отчужденность, и умноженный на потенциал мобилизации населения. Исследователь уверен, что если мы сможем идентифицировать полномочия или индикаторы для этих трех факторов и измерить их, то мы сможем

отследить и определить уровень давления на существующее государственное устройство [24, р. 183]. Голдстоун оговаривается, что выдвинутый им комплекс причин и факторов не является характерным только для феномена революций, но присущ всем формам явлений, которые он определяет как «сходные с революцией» («*“revolutions” and “revolution-like” events*»): восстания, мятежи, крестьянские войны и др. [24, р. 179, 180; 27, р. 35].

Следует отметить, что социально-экономические причины революций были одними из доминирующих для исследователей уже в XIX в. Социально-экономические факторы были определяющими в качестве причин французской революции для Герберта Спенсера [13, с. 69, 189]. Вильгельм Блос и Жан Жорес в отношении Великой французской революции основными причинами считали невыносимый дефицит бюджета, а Жорес еще и прибавлял к этому повышение цен и демографический рост, оказывающие влияние на социально-экономическое положение в государстве [1, с. 26; 3, с. 63, 193]. Так что выводы В. Абея в интерпретации Голдстоуна применительно к революциям легли на достаточно устоявшиеся в историографии точки зрения [17].

Для того чтобы анализировать причинную структуру и природу государственных кризисов (которые ведут к революциям), по мнению исследователя, необходимо понять, влиял ли демографический рост на рост цен, затрагивали ли эти изменения государственные доходы, доход и условия занятости населения в целом [27, р. 27, 31].

К росту цен может вести не только рост населения, и чаще всего в пе-

риод XVII–XX вв. такими факторами выступали неурожайные года, войны и стремление к увеличению дохода. Экономические проблемы так же чаще всего вызывались не факторами демографии и часто доставались «по наследству» правителям, при которых случались революции. (Это верно подметил еще Алексис Токвиль [14, с. 151]).

Таким образом, воздействие демографического роста на социальные, экономические и политические структуры (особенно при их неэластичности) может вызывать социальную напряженность и вести к выплеску социального протеста, но можно ли расценивать демографический фактор как причину феномена революций?

Если причинами революций (и сходных явлений, с точки зрения исследователя) становится давление на экономику демографического роста и вызванная этим социальная напряженность, то, следуя логике причинно-следственных связей, в результате революций экономика должна изменяться под удовлетворение новых потребностей и снятие напряженности. Однако Джек Голдстоун не уверен, что такие изменения происходят. С одной стороны, революционные режимы способны сконцентрировать ресурсы и добиться бурного роста в отдельных отраслях экономики [2, с. 94]. С другой стороны, «нет никаких свидетельств того, что революции 1640 г. в Англии и 1789 г. во Франции стали инструментом снятия стопора в развитии экономики» [27, р. 483]. Более того, исследователь полагает, что Английская революция не изменила ни социальную структуру, ни законодательную базу английской экономики [27, р.

483]. Тогда как же упразднилась причина, вызвавшая революцию, если она лежала в неспособности экономики поддерживать демографический рост?

С точки зрения межэлитных конфликтов и слабости государства примечательны дискуссии, связанные с т.н. «теорией кризиса XVII в.», в которых принял участие и Джек Голдстоун. В частности, он считал, что Английская революция была более успешна, чем французская Фронда потому, что английская монархия была значительно слабее [25, р. 28]. Однако Ллойд Муут отметил, что слабость режима – самый неочевидный кандидат на причину революций в раннее Новое время, так как уязвимость правительств и государств была характерной чертой этого времени для всех стран Европы [35, р. 137]. Можно, например, указывать на то, что Карл I длительное время достаточно успешно воевал с оппозицией, в то время как регенты малолетнего Людовика XIV ничего не могли поделать с фрондёрами и фактически не смогли подвергнуть их опале и казням. К этому можно еще добавить, что Франция 20–40-х гг. XVII в. – это страна ежегодных городских восстаний, постоянных крестьянских войн, в то время как в Англии первая половина века была отмечена противостоянием обоих королей с парламентом, но к серьезному социальному противостоянию это не вело. Так что выводы о большей слабости английской короны в сравнении с французской выглядят весьма спорными. При этом остается вопрос: если кризис XVII в. был общеевропейским, а слабость режимов – характерной чертой всех стран Старого света, то почему революции произошли только в Нидерландах и Англии? Мы ведем

речь исключительно о революциях, поэтому прочие проявления различных форм социального протеста, на которые ссылаются приверженцы «теории кризиса XVII в.» или структурно-демографической теории Голдстоуна, целенаправленно опускаются, но, даже если брать их в расчет, эти социальные столкновения не охватывают все страны Европы и их количество крайне мало в сравнении с XVI и XVIII вв., когда власть, следуя логике, была сильной (или сильнее), а кризиса не было (или он был меньше, чем в XVII в.).

На наш взгляд, выдвигаемые Голдстоуном причины революций выглядят скорее как группа условий, при которых возможен всплеск радикальных массовых форм социального протеста. Примечательно, что эти принципы достаточно близки к принципам революционной ситуации, которые были выдвинуты Лениным и Каутским в начале XX в. [см.: 4, с. 77; 6, с. 219–220; 7, с. 300]. Принципы слабости власти и межэлитных конфликтов заимствованы Голдстоуном у сторонников концепции дисфункции социальной системы – исследователей, которых Голдстоун относил к третьему поколению теории революции. Таким образом, если мерить Джека Голдстоуна по концепции исследователей теории революции Джека Голдстоуна, то можно заключить, что американский политолог добавил к подходам и выводам «третьего поколения» подходы и заключения исследователей более раннего периода, которые не вошли в указанную авторскую «систему поколений». Концепция Голдстоуна не совершила принципиального качественного скачка, но в условиях общего методологического кризиса 90-х гг.

XX в. и первых двух десятилетий XXI в. в теории революции получила широкое распространение. Следуя самому Джеку Голдстоуну, хотелось бы надеяться, что «четвертое поколение» исследователей теории революции

сходит со сцены, и «пятое поколение» сможет нивелировать противоречия существующих концепций или найти принципиально иные подходы.

Статья поступила в редакцию 27.03.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Блос В. Французская революция / Изд. 3-е, испр. СПб.: Типография Альтшулера, 1906. 436 с.
2. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. 5 (56). С. 58–103.
3. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1, кн. 1. М.: Прогресс, 1977. 519 с.
4. Каутский К. Путь к власти (Политические очерки о вращении в революцию). М.: Госполитиздат, 1959. 153 с.
5. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.
6. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. М.: Политиздат, 1969. С. 209–265.
7. Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. С. 296–305.
8. Мальтус Т.-Р. Опыт закона о народонаселении. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1895. 321 с.
9. Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. С. 115–217.
10. Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 17. М.: Политиздат, 1960. С. 317–370.
11. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 7. М.: Политиздат, 1956. С. 5–110.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Политиздат, 1955. С. 419–459.
13. Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007. 207 с.
14. Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
15. Шульц Э.Э. «Теория революции»: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. № 1, вып. 33. С. 167–172.
16. Шульц Э.Э. Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе // Вопросы управления. 2014. № 2. С. 32–42.
17. Шульц Э.Э. Причины революций: голова или кошелек? // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 102–119.
18. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. С. 3–113.
19. Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935. 100 S.

20. Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London: Published by W. Strange and B. Steill, 1830. 32 p.
21. Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia: William S. & Alfred Martien, 1862. 35 p.
22. Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs*. 2002. № 56. P. 3–21.
23. Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory // *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. P. 139–187.
24. Goldstone J.A. Analyzing Revolutions and Rebellions: A Reply to the Critics // *Debating Revolutions* /Ed. by Nikki R. Keddie. NYU Press, 1995. P. 178–199.
25. Goldstone J.A. Capitalist Origins of the English Revolution: Chasing a Chimera // *Revolution: Critical Concepts in Political Science* /Ed. by O’Kane R.H.T. Vol. 3. Taylor & Francis, 2000. P. 5–42.
26. Goldstone J.A. Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) have Foreseen the Revolutions of 1989–1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe // *Revolution: Critical Concepts in Political Science* /Ed. by O’Kane R.H.T. Vol. 4. Taylor & Francis, 2000. P. 395–416.
27. Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. 608 p.
28. Goldstone J.A. The Comparative and Historical Study of Revolutions // *Annual Review of Sociology*. 1982. Vol. 8. P. 187–207.
29. Goldstone J.A. Theories of Revolution: The Third Generation // *World Politics*. 1980. Vol. 32. № 3. P. 425–453.
30. Goldstone J.A., Gurr T.R., Moshiri F. Revolutions of the late twentieth century. Westview Press. 1991. 395 p.
31. Goldstone J. Revolutions. A very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2014. 148 p.
32. Johnson C. Revolution and the Social System. The Hoover Institute of War, Revolution and Peace, Stanford University Press, 1964. 69 p.
33. Johnson C. Revolutionary Change. Stanford University Press, 1982. 217 p.
34. Kaufmann E.P., Toft M.D. Introduction // *Political Demography: How Population Changes Are Reshaping International Security and National Politics* /Ed. by Jack A. Goldstone, Eric P. Kaufmann, Monica Duffy Toft. Oxford University Press, 2012. P. 3–9.
35. Moote A.L. The Preconditions of Revolution in Early Modern Europe: Did They Really Exist? // *The General Crisis of the Seventeenth Century*. Second edition. Ed. by Geoffrey Parker, Lesley M. Smith. Routledge, 1997. P. 128–152.
36. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.
37. Stone L. The Causes of the English Revolution, 1529–1642. London – NY: Routledge, 2005. 185 p.
38. Stone L. Theories of revolution // *World Politics*. 1966. Vol. XVIII. № 2. P. 159–176.
39. Yeaman G.H. Revolutions. A Lecture. Louisville, KY: Morton & Co., 1861. 37 p.

REFERENCES

1. Blos V. Frantsuzskaya revolyutsiya / Izd. 3-e, ispr [The French revolution / Ed. 3rd, the rev.]. SPb., Tipografiya Al'tshulera Publ., 1906. 436 p.
2. Goldstoun D. [Toward the theory of revolution of the fourth generation]. In: *Logos*, 2006, no. 5 (56), pp. 58–103.
3. Zhores Zh. Sotsialisticheskaya istoriya frantsuzskoi revolyutsii. T. 1, kn. 1 [The socialist history of the French revolution. Vol. 1, Book 1]. Moscow, Progress Publ., 1977. 519 p.

4. Kautskii K. Put' k vlasti (Politicheskie ocherki o vrastanii v revolyutsiyu) [The path to power (Political essays on growing into the revolution)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. 153 p.
5. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii [The state and revolution. The Marxist theory of the state and the proletariat's tasks in the revolution]. In: Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii / Izd. 5-e. T. 33 [Lenin V. I. Complete works / Ed. 5. Vol. 33]. Moscow, Politizdat Publ., 1969. pp. 1-120
6. Lenin V.I. Krakh II Internatsionala [The collapse of the Second International]. In: Lenin V.I. PSS. Izd. 5-oe. T. 26 [Lenin V. I. PSS. Ed. 5th. Vol. 26]. Moscow, Politizdat Publ., 1969. pp. 209-265
7. Lenin V.I. Maevka revolyutsionnogo proletariata [Mayovka of the revolutionary proletariat]. In: Lenin V.I. PSS. Izd. 5-oe. T. 23 [Lenin V. I. PSS. Ed. 5th. Vol. 23]. Moscow, Politizdat Publ., 1973. pp. 296-305
8. Mal'tus T.-R. Opyt zakona o narodonaselenii [Malthus T. R. The experience of the law on population]. M.: Publishing K. T. Soldatenkov, 1895. 321 p.
9. Marks K. 18 bryumera Lui Bonaparta [18 Brumaire of Louis Bonaparte]. In: Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-oe. T. 8 [Marx K., Engels F. Compositions. Ed. 2nd. Vol. 8]. Moscow, Politizdat Publ., 1957, pp. 115–217.
10. Marks K. Grazhdanskaya voina vo Frantsii. Vozzvanie general'nogo Soveta Mezhdunarodnogo Tovarishchestva rabochikh [The civil war in France. The appeal of the General Council of the International workingmen]. In: Marks K. i Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-oe. T. 17 [Marx K. and Engels F. Compositions. Ed. 2nd. Vol. 17]. Moscow, Politizdat Publ., 1960, pp. 317–370.
11. Marks K. Klassovaya bor'ba vo Frantsii s 1848 po 1850 g. [The class struggle in France from 1848 to 1850.]. In: Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-oe. T. 7 [Marx K., Engels F. Soch. Ed. 2nd. Vol. 7]. Moscow, Politizdat Publ., 1956, pp. 5–110.
12. Marks K., Engel's F. Manifest kommunisticheskoi partii [The Communist Manifesto]. In: Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-oe. T. 4 [Marx K., Engels F. Comp. Ed. 2nd. Vol. 4]. Moscow, Politizdat Publ., 1955, pp. 419–459.
13. Spenser G. Lichnost' i gosudarstvo [Personality and the state]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2007. 207 p.
14. Tokvil' A. Staryi poryadok i revolyutsiya [The old regime and the revolution]. SPb., Aleteiya Publ., 2008. 248 p.
15. Shul'ts E.E. ["Theory of revolution": the history of the study, systematization and the current state]. In: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika, 2015, no. 1, вып. 33, pp. 167–172.
16. Shul'ts E.E. [Marx's theory of revolution in the context of the social thought of the XIX century in Europe]. In: Voprosy upravleniya, 2014, no. 2, pp. 32–42.
17. Shul'ts E.E. [The causes of the revolutions: the head or the wallet?]. In: Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii, 2014, no. 1, pp. 102–119.
18. Engel's F. Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya v Germanii [Revolution and counter-revolution in Germany]. In: Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-oe. T. 8 [Marx K., Engels F. Comp. Ed. 2nd. Vol. 8]. Moscow, Politizdat Publ., 1957, pp. 3–113.
19. Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935. 100 S.
20. Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London: Published by W. Strange and B. Steill, 1830. 32 p.
21. Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia, William S. & Alfred Martien, 1862. 35 p.

22. Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. In: *Journal of International Affairs*, 2002, no 56, pp. 3–21.
23. Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. In: *Annual Review of Political Science*, 2001, vol. 4, pp. 139–187.
24. Goldstone J.A. Analyzing Revolutions and Rebellions: A Reply to the Critics. In: *Debating Revolutions*, ed. by Nikki R. Keddie. New York, U Press, 1995, pp. 178–199.
25. Goldstone J.A. Capitalist Origins of the English Revolution: Chasing a Chimera. In: *Revolution: Critical Concepts in Political Science*, ed. by O'Kane R.H.T. Vol. 3. Taylor & Francis, 2000, pp. 5–42.
26. Goldstone J.A. Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) have Foreseen the Revolutions of 1989–1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe. In: *Revolution: Critical Concepts in Political Science*, ed. by O'Kane R.H.T. Vol. 4. Taylor & Francis, 2000, pp. 395–416.
27. Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley, University of California Press, 1991. 608 p.
28. Goldstone J.A. The Comparative and Historical Study of Revolutions. In: *Annual Review of Sociology*, 1982, vol. 8, pp. 187–207.
29. Goldstone J.A. Theories of Revolution: The Third Generation. In: *World Politics*, 1980, vol. 32, no 3, pp. 425–453.
30. Goldstone J.A., Gurr T.R., Moshiri F. Revolutions of the late twentieth century. Westview Press. 1991. 395 p.
31. Goldstone J. Revolutions. A very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2014. 148 p.
32. Johnson C. Revolution and the Social System. The Hoover Institute of War, Revolution and Peace, Stanford University Press, 1964. 69 p.
33. Johnson C. Revolutionary Change. Stanford University Press, 1982. 217 p.
34. Kaufmann E.P., Toft M.D. Introduction. In: *Political Demography: How Population Changes Are Reshaping International Security and National Politics*, ed. by Jack A. Goldstone, Eric P. Kaufmann, Monica Duffy Toft. Oxford University Press, 2012, pp. 3–9.
35. Moote A.L. The Preconditions of Revolution in Early Modern Europe: Did They Really Exist? In: *The General Crisis of the Seventeenth Century. Second edition*, ed. by Geoffrey Parker, Lesley M. Smith. Routledge, 1997, pp. 128–152.
36. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.
37. Stone L. The Causes of the English Revolution, 1529–1642. London – NY: Routledge, 2005. 185 p.
38. Stone L. Theories of revolution. In: *World Politics*, 1966, vol. XVIII, no 2, pp. 159–176.
39. Yeaman G.H. Revolutions. A Lecture. Louisville, KY: Morton & Co., 1861. 37 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, директор Центра политических и социальных технологий;
e-mail: nuap1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard E. Shults – PhD in historical Sciences, director of the Center of Political and Social Technologies;
e-mail: nedostupovd@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шульц Э.Э. Теория революции Джека Голдстоуна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 171–182.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-171-182

FOR CITATION

Shults E. Jack Goldstone's theory of revolution. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 171–182.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-171-182

УДК 94:321

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-183-194

ИМПЕРСКИЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА*

Бахлов И.В., Бахлова О.В.

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, Большевицкая, 66,

Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются имперские модели национального и государственного строительства. Проведен их сравнительный анализ на примере национальных и колониальных империй. Выявлены общие и специфические характеристики, среди главных – стремление к универсальности, гегемонизму, доминирование одной (имперской) нации, проведение осознанной политики по эксплуатации зависимых территорий и ассимиляции их населения с постепенным переходом к попыткам интеграции местных элит и косвенным методам управления. Авторы приходят к выводу, что каждая из представленных моделей имела достаточно выраженную националистическую составляющую и при разных пространственных масштабах обладала акцентированным территориальным и этническим ядром, а также имела специфическое концептуально-идеологическое обоснование.

Ключевые слова: государственное строительство, империализм, колониальная империя, метрополия, национальная империя, национальное строительство.

IMPERIAL MODELS OF THE NATIONAL AND GOVERNMENT CONSTRUCTION

I. Bakhlov, O. Bakhlova

National Mordovian Research State University, named after N.P. Ogarev

66, Bolchevistskaja Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Abstract. The article examines the imperial models of national and state construction. Their comparative analysis is carried out on the example of national and colonial empires. Common and specific characteristics have been identified, among them the desire for universality, hegemonism, the domination of one (imperial) nation, the realization of a conscious policy on exploitation of dependent territories and the assimilation of their populations, with a gradual transition to the attempts to integrate local elites and indirect methods of management. The authors come to the conclusion that each of the presented models had a rather pronounced nationalistic component, and at different spatial scales had an accented territorial and ethnic core. Besides, they had a specific conceptual and ideological justification.

Key words: state building, imperialism, colonial empire, metropolis, national empire, national construction.

Имперская идея и политика империализма имеют давнюю историю и самые различные воплощения – по форме и содержанию, и до сих пор они актуальны в теории и в практике. Попытки создания обширных пространственных образований с выраженной центрально-периферийной конструкцией, обоснования собственной универсальности и гегемонии были и остаются характерными в общественно-политическом дискурсе международной и мировой политики. Нередко прослеживается их присутствие и в сфере электоральной конкуренции и более широкого соперничества акторов внутривнутриполитического процесса. Формирующиеся при этом дискуссии отражают в том числе неоднозначность видения путей дальнейшего развития отдельных стран, мира в целом, места и роли государства в глобальном сообществе, понимания интересов, способов и методов их достижения, сущности и специфики взаимоотношений разных групп и субъектов во внутреннем и международном измерениях. В таком контексте зачастую наблюдается непосредственная или опосредованная связь с содержанием и динамикой нациестроительства, особенно в инструментальном ключе, с акцентированной этнической окраской, детерминированной политической целесообразностью.

Собственно идея национально-империализма проявилась уже в эпоху средневековья, в Священной Римской империи германской нации. Однако полномасштабно она утвердилась в трех империях – Австрийской, Германской и Французской Наполеона I и Наполеона III (I и II империи). Каждая из них при наличии

сходных или родственных моментов обладала оригинальными типологическими чертами. В данном ракурсе можно говорить также о выделении разновидности национальной империи, которой присуща некоторая специфика. Во-первых, это первоначальный или длительный отказ от всемирного гегемонизма; во-вторых, – возникновение на этой базе национальных государств. Здесь необходимо акцентировать то обстоятельство, что оформление национального государства находилось в идейной основе названных империй. Внешняя экспансия таких империй стимулировалась не сверхнациональной имперской идеей, а именно национальной. Речь шла уже не о реализации цивилизаторской миссии империи, как в прежние времена, а о внутрицивилизационном противоборстве [2, с. 61]. Национальные империи отличались ярко выраженным стремлением к обладанию статусом единственной, общецивилизационной империи, что повышало уровень их конкуренции и конфликтный потенциал взаимодействия.

Прежде всего обратимся к австрийской и германской моделям имперского национального и государственного строительства, территориальной площадкой которого и в первом, и во втором случаях служило пространство Священной Римской империи. Будучи тесно взаимосвязанными, они постепенно превратились в альтернативные по отношению друг к другу. Германский вариант национальной империи в сравнении с австрийским характеризуется несколькими существенными особенностями. Австрийская имперская модель подверглась внутренней дифференциации – дезинтеграции и

представляла собой нисходящую линию в развитии имперской системы. Германская, напротив, – восходящей, от частного (Пруссии) эволюционировала к общему – обширному образованию с участием основных частей бывшей Священной Римской империи и Германского союза. На их развалинах в бурных спорах родилось идеологическое обоснование Второго рейха – Германской империи. Легитимный путь объединения под эгидой Австрии как правопреемницы имперской идеи оказался практически невозможным после создания Австрийской империи, хотя достаточно долго Австрия продолжала апеллировать к своему историческому, традиционному лидерству, по сути, предлагая реконструкцию прошлого порядка. Пруссия же опиралась на более осязаемые материально и воспринимавшиеся как прогрессивные на тот момент лозунги и ценности.

Борьба двух направлений – великогерманского (под эгидой Австрии) и малогерманского (под эгидой Пруссии) – отразилась в ряде концепций: 1) национал-германской, представители которой (Я. Гискра и др.) выступали за создание сложного государства, охватывающего Германию и немецкие земли Австрийской империи, т. е. имперской системы, основанной на немецкой национальной идее; 2) конфедеративной; ее главный идеолог – Ю. Фребель – отстаивал идею образования конфедеративного союза, где субъектами могли быть и национальные образования народов, населявших Австрийскую империю, и германские государства, – Германия, Австрия, Польша, Венгрия, Чехия и др.; 3) реакционной (граф Дейм), допускавшей фактическое восстановление Священ-

ной Римской империи при гегемонии Австрии во главе с домом Габсбургов; 4) дуалистической, предполагавшей союз двух равноправных составных частей – Австрии и объединенной Германии [5, с. 68–69].

Начало гегемонии Пруссии в германских землях было положено в 1834 г. созданием Таможенного союза. Ее экономическое преобладание было дополнено политическим – заключением в 1849 г. Прусской унии. Несмотря на то, что уния под давлением Австрии и поддерживавшей ее России была распущена, в 1850 г. окончательно определилась магистральная линия германского объединения – учреждение имперской системы на германской национальной основе под эгидой сильнейшего государства – Пруссии, без участия Австрии. Немецкий элемент, главным образом, польский, был в ней гораздо более германизированным в силу доминирования немецкой нации.

Австро-прусская война 1866 г. означала распад Германского союза. Принятая в 1867 г. конституция нового объединения – Северогерманского союза – закрепила политико-территориальную основу новой имперской системы. Поражение во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Французской империи способствовало появлению новой империи–гегемона в рамках Романо-германской цивилизации – Германской, официально провозглашенной 18 января 1871 г.

Германская империя, как и Австрия, была федеративной империей, базировавшейся на монархическом принципе. Но ее можно рассматривать не как формальное, а как фактическое воплощение Священной Римской им-

перии. Причем, если Австрийская империя выступала преемницей поздней империи, то Германская – скорее ранней империи, Оттоновской. Отсюда, на наш взгляд, традиционная агрессивность ее имперской политики.

Австрийский вариант – пример неэффективной федерации, образованной сверху, путем наделения самостоятельностью частей ранее жестко централизованного государства. Германский путь продемонстрировал большую эффективность, изначально предполагая сохранение относительной самостоятельности отдельных земель. Показательный для него с точки зрения национального и государственного строительства момент – превращение в ядро объединения германской нации, доминирующей в политическом, культурном и количественном отношении, что в том числе позволило обеспечить государственное целое даже после распада империи. В Австрии же при политическом доминировании австро-немецкой нации не сложилось ее количественного преобладания, поэтому распад империи повлек за собой сохранение австрийской государственности лишь в пределах бывшего национального ядра империи. Следует также учесть, что если в Цислейтании предпринимались некоторые шаги к федерализации, то в Транслейтании присутствовали этноязыковой шовинизм мадьяр и подавление других этносов этой части империи [11, с. 69–70].

Следующий вариант национальной империи – Французская империя Наполеонов (I и II империи). Она отличалась от Австрийской и Германской империй в первую очередь идеологическим обоснованием. Если империи,

созданные австронемцами и германцами, заявляли о преемственности со Священной Римской империей, то Наполеоновская империя декларировала себя как преемница Франкской империи Карла Великого. Замысел Наполеона I – Великая империя, границы которой простирались бы от Балтики до Черного моря. Сама империя пропагандировалась как семья европейских народов, организованная по образцу «американского конгресса или судебной палаты греческих амфикистий» [13, с. 572–573].

Империя функционировала как система вассальных государств, политических и династических союзов. Однако попытка объединения Европы под эгидой Франции на конфедеративной основе и совокупности устаревших вассально-ленных отношений ускорила движение европейских стран в сторону национализма. О подобной тенденции рассуждал Н.Я. Данилевский: «Толчок, который довел национальный вопрос до сознания европейских народов, дан был Наполеоном I... от победы к победе дошел он до восстановления империи Карла Великого. Но через 1000 лет после Карла народы, входившие в состав его монархии, уже вполне обособились в национальные группы... вместо нового объединения народов Европы предприятия Наполеона могли только заставить их сильнее почувствовать свои национальные различия и свои национальные сродства» [7, с. 209–210]. Е.В. Тарле, оценивая результаты политики Наполеона, полагал, что тот «поставил перед собой абсолютно неосуществимую задачу уничтожения политической самостоятельности всех держав континента с превращением населе-

ния Европы в колониальных данников крупной французской буржуазии» [14, с. 5]. Немалую роль в этом сыграла и имперская идеология, составными элементами которой были возведенное в ранг государственной политики недоверие к иностранцам, презрение к политически «отсталым» соседям, откровенное стремление к аннексиям и другим формам внешней экспансии [9, с. 105].

Как в Австрии и Германии, во Французской империи проводилась в жизнь идея доминирования имперской (французской) нации. Но такое доминирование присутствовало исключительно в военно-политической сфере и не подкреплялось иными связями. В Германии же оно поддерживалось национальным единством, а в Австрии – общим историческим развитием.

Восстановленная Французская империя (II империя) Наполеона III (1852–1870) была лишь слабым подобием I-й. Ее претензии на мировую гегемонию ввиду жесткой конкуренции и военной слабости Франции оказались нереализованными и ускорили логический конец империи.

С ликвидацией Французской, Австро-Венгерской и Германской (с учетом также III Рейха) империй прекратилась линия «священного» империализма, восходящая к идее Римской империи и восстановления имперского территориального комплекса в рамках западноевропейской цивилизации. Победила линия экономического (буржуазного) империализма. Ее принципиально новые сущностные характеристики – надконтинентальность (выход за границы европейско-ближневосточно-североафриканского пространства как традиционной

сферы влияния европейской цивилизации), равнодушие к прежним имперским ценностям, преобразование форм и методов экспансии. Воплотилась она в типе колониальной империи.

Просматриваются две модификации колониальных империй. При этом их общая черта – разрушение фундамента империй вследствие сегрегации, игнорирования неевропейских элит, их отчуждение, неспособности имперских властей сохранить лояльность и белых колонистов, и местного образованного класса, что стало питательной средой идеологии национализма и деколонизации [12, с. 425].

Первая модификация отсылает нас к более ранним Португальской и Испанской империям, активно применявшим военно-политические методы захвата территорий и жесткого централизованного управления. Создание на захваченных землях вице-королевств и поддержка феодальных институтов приводили, с одной стороны, к насильственному насаждению чуждых местному населению элементов, с другой – к искусственной консервации имперских систем.

Португальцы в своих заморских владениях на официальном уровне широко практиковали обращение в католичество и формально давали всем католикам равные права. Однако феодальный менталитет в реальности обусловил подразделение населения Португальской Индии на множество социальных страт в зависимости от длительности проживания, доли европейской крови и иных факторов [10, с. 281–284]. Особый конструкт – Бразильская империя (1822–1889 гг.). Образованная на обломках бывшей

метрополии, она стала выражением внутреннего кризиса Португалии. Бразильскую империю можно интерпретировать как попытку бывшей колонии скопировать организацию метрополии. Попытками такого же рода были Мексиканские империи А. Итурбиде (1822–1823 гг.) и Максимилиана Габсбурга (1864–1867 гг.).

Примеры иной организации колониальной системы – Британская и Французская колониальные империи. Сходство между ними заключалось в постепенном отказе от политики прямого захвата территорий и акценте на экономических методах управления с одновременным силовым подавлением любых проявлений недовольства метрополий.

Британская колониальная империя прошла несколько этапов в своем развитии. Первоначально, в XVI–XVIII вв., она мало чем отличалась от Испанской или Португальской империй и была основана на непосредственной эксплуатации колоний метрополией. Под влиянием «Американской революции» и индийских восстаний политика управления колониями подверглась трансформации, в частности, была ликвидирована Ост-Индская компания и создано министерство по делам Индии, превратившейся в составную часть империи.

Во второй половине XIX в. сложилась новая концепция Британской империи, с главной идеей ее укрепления и дальнейшего расширения. Ее лейтмотив – продвижение политических, экономических, военных, идеологических форм и методов подчинения «отставших в своем социально-экономическом развитии» народов, ориентированное на формирование

благоприятных условий для предпринимательской деятельности представителей метрополии. В целом расширение империи мыслилось правящей элитой как магистральный путь консервации экономического, военного и политического господства Британии в мире в ситуации утраты промышленной монополии и появления сильных конкурентов. В 1895 г. лорд Розбери сформулировал концепцию либерального империализма. Ее важнейшие принципы – сохранение империи, открытие новых земель для эмиграции, подавление работорговли, развитие миссионерского движения и коммерции [16, с. 5, 43]. Основной тезис колониальной идеологии Британской империи – утверждение о превосходстве английской цивилизации, праве и обязанности англичан вести «отставшие народы» к прогрессу. При этом, как отмечает Н.В. Дронова, большое влияние на имперскую мысль и практику колониального строительства оказала философия английского классического либерализма, в частности, побудив власти заниматься колониальным реформаторством [8, с. 174].

Система управления британскими зависимыми территориями была построена на привлечении местных элит к занятию должностей низшего административного звена с одновременным их воспитанием по английской модели. Так, еще в 1835 г. в Индии была проведена реформа образования, направленная на подготовку кадров колониальной администрации из числа индийцев [4, с. 29]. Однако, как справедливо считает Л.Б. Алаев, попытки на официальном уровне создания европеизированной туземной элиты и ее слияния с имперским народом были

неудачными. Во-первых, даже внешняя европеизация туземной интеллигенции не делала ее английской по духу, и именно среди англоизированной интеллигенции возникли сначала идеи духовного национального возрождения, а затем и освобождения от колониальной власти. Во-вторых, на бытовом уровне британский снобизм и расизм отталкивали ее и не позволяли влить туземную элиту в имперский народ [1, с. 152–153]. Параллельно с прямым управлением из центра сохранялись вассальные княжества с собственным управлением (например, Федерация малайских султанатов). Не был забыт и опыт Ост-Индской компании по колонизации Индии – была учреждена Британская Южно-Африканская компания во главе с С. Родсом, получившая хартию на право управлять приобретенными территориями [6, с. 252–259].

В 1931 г. был принят Вестминстерский статут, предполагавший создание Британского Содружества наций. Им были изменены структура и правовой характер отношений между метрополией и зависимыми территориями. Дальнейшее его преобразование в Содружество наций под эгидой Великобритании в 1947 г. в контексте деколонизации было формальным свидетельством начала ликвидации колониальной империи, фактически свидетельствуя о ее трансформации в имперскую систему неоколониального типа. Она базировалась на отношениях косвенной, прежде всего экономической, зависимости от бывшей метрополии.

Высшим правовым статусом среди составных частей Британской империи, не считая Соединенное Королев-

ство, обладали доминионы. Однако политически его значение неоднозначно, как и характер внутренних коммуникаций в Содружестве. Так, с точки зрения Р. Палм Датта, британские доминионы – скорее колонии в староримском смысле [15, с. 51]. У. Черчилль высказывал мнение, что «...самоуправляемые доминионы связывает с метрополией и друг с другом только лишь золотой обод короны и их собственное решение оставаться равными партнерами в Содружестве» [19, с. 535–536].

Приступая к сравнительному анализу опыта колониальных империй Великобритании и Франции, на протяжении многих столетий оспаривавших верховенство в этой сфере, выявим специфику применявшихся ими систем и механизмов управления. Если в Британской империи допускалось сохранение колонизаторами традиционных местных институтов и их использование в своих интересах и под своим контролем, то во Французской колониальной империи предпочтение отдавалось прямому управлению, которое осуществлялось назначаемыми чиновниками, преимущественно представителями метрополии.

Еще одна особенность французской модели – в динамике колониальной империи. Британская империя развивалась поступательно, ее эволюция проходила без каких-либо серьезных потрясений (исключая отпадение североамериканских колоний), тогда как Франция несколько раз лишалась практически всех колоний и начинала строить империю заново. Можно говорить о существовании I-й (XV/XVI вв. – 1815 г.) и II-й (1815–1946 гг.) колониальных империй Франции, причем

I-я империя строилась по испанскому варианту. Расцвет французского колониализма пришелся на конец XIX – начало XX вв., когда сформировались основные институты и методы колониального управления.

Концептуальные основы имперской политики были заложены в эпоху I-й колониальной империи Франции. Колонии рассматривались как ее заморские провинции. После установления республики возобладала меркантильная линия, с приоритетностью экономических методов эксплуатации. По мнению П.П. Черкасова, решительный отказ от нее произошел при Наполеоне III. Империализм в понимании последнего французского императора – политическая и военная экспансия, установление французского суверенитета вне Европы для увеличения влияния Франции, императорской династии, католицизма [18, с. 31].

В созданной в 1922 г. (с 1926 г. – государственной) Академии колониальных наук были разработаны две концепции колониальной политики. Первая – концепция «ассоциации». Она предусматривала четкое разграничение интересов колоний и метрополии. Колонии были призваны служить исключительно источником сырья и продовольствия для метрополии. Вторая – концепция «ассимиляции». Она предполагала «европеизацию» колоний, что должно было обеспечить фактическую интеграцию заморских владений в рамках Французского Союза [18, с. 54]. Подчеркнем, что обе концепции по своей сути были шовинистическими и «франкоцентричными», поскольку местный компонент не воспринимался как самостоятельный в процессе нацистроительства. Даже

названия обеих групп колоний «Заморской Франции» («поселенческие территории» и «эксплуатируемые колонии») могут восприниматься как доказательство грубого пренебрежения им.

Сначала верх одержала концепция «ассимиляции». На фоне ускорявшейся деколонизации, подобно Великобритании, Франция была вынуждена провести кардинальную перестройку своей колониальной империи. Принятая в 1946 г. Конституция IV Республики учредила новую форму – Французский Союз. Общая схема Союза была далека от органического единства: она состояла из трех основных компонентов с определенными особенностями. В отношении каждой из групп заморских владений (кроме подопечных территорий) проводилась особая политика. В заморских департаментах главным ориентиром выступала полная ассимиляция. Заморские территории получали относительную автономию, ограниченную губернатором или комиссаром от метрополии. Присоединившиеся государства располагали политической и административной автономией и имели собственные правительства и представительные органы, однако договоры, связывавшие с Францией, ограничивали сферу их компетенции [17, с. 59].

Вместе с тем дальнейшая трансформация проходила в русле отказа от политики «ассимиляции» – в направлении к федерализации. Рамочный закон 1956 г. наметил реформу колониального управления: учреждение правительственных советов в заморских территориях; разделение служб колониальной администрации на государственные и территориальные; расширение полно-

мочий территориальных ассамблей; привлечение местной элиты [20, с. 81–82]. Принятая в 1958 г. Конституция V Республики содержала положение о создании Французского Сообщества. Зависимым территориям предлагался выбор одного из трех статусов: 1) заморского департамента (его выбрали «старые колонии» – Мартиника, Гваделупа, Гвиана и Реюньон); 2) заморской территории с административной автономией и представительством в парламенте метрополии (Французская Полинезия, Новая Каледония и др.); 3) государства-члена Сообщества (Мадагаскар и другие африканские территории). Общие органы Сообщества – Президент, Сенат, Исполнительный Совет и Арбитражный Суд – имели во многом виртуальный характер. Сообщество, по определению П.П. Черкасова, стало «видоизмененной формой колониальной империи на стадии ее прогрессирующего разложения» [17, с. 227].

Уже в 1960 г. институциональная концепция Сообщества была заменена новой – договорной, что обусловило переход от государственно-правового объединения к международно-правовому. Конституционный закон 1960 г. закрепил «обновленное Сообщество», Сообщество независимых государств, т. е. конфедеративную модель отношений, напоминавшую Британское Содружество. Окончание Алжирской войны в 1962 г. завершило катастрофу империи. Ф. Бродель критически замечал: «...Франция долгое время являлась «монстром», «целым континентом», сверхкрупным государством, ее политическое пространство, непомерно обширное, словно целая империя, объединяло регионы, лишь с трудом

удерживаемые вместе...», «с распадом колониальной империи Франция утратила свое сверхпространство» [3, с. 100, 271].

Обобщая опыт создания и эволюции национальных и колониальных империй, можно утверждать, что политика колониализма, будучи следствием в том числе внутренних процессов, весьма существенно повлияла на современное состояние границ большинства государств мира, определив пространственные пределы нацистроительства и его движущие силы. При этом не следует забывать о ее негативной составляющей – подавлении, эксплуатации, шовинизме и пр. «Бремя империи» неоднократно сказывалось в ходе исторического развития стран, стремившихся выполнять соответствующие роль и миссию, породив множество проблем как для метрополий, так и для бывших колоний, включая комплексы и стереотипы, сохранение рудиментов имперского сознания (как у Великобритании, например) или попытки самоутверждения США в качестве единственной империи на данный момент. Каждая из имперских моделей выстраивалась и функционировала в неодинаковых масштабах и на разных уровнях. Однако любая из них имела достаточно четко определенное, сформировавшееся территориальное ядро. В этом качестве выступала некая политическая единица, обладавшая довольно значительным статусом, но желавшая его усилить (герцогство Австрия, королевство Пруссия, Английское королевство / Великобритания и др.) и утвердить свои ценности и символы в гораздо большей или чаще всего – в превосходной степени. Политика колониальных империй отлича-

лась нараставшим экспансионизмом, нередко приводившим к краху, однако их практика и результаты деятельности во многом создали базу для конституирования мировой (глобальной)

империи, вышедшей далеко за пределы государственно-территориального образования.

Статья поступила в редакцию 02.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаев Л.Б. Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 148–156.
2. Бахлов И.В., Бахлова О.В. От империи Габсбургов к Австро-Венгрии: соотношение тенденций унитаризации и федерализации // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2016. № 2. С. 57–67.
3. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 405 с.
4. Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. М.: Высшая школа, 1994. 495 с.
5. Галкин И.С. Создание Германской империи (1815–1871 гг.). М.: Высшая школа, 1986. 175 с.
6. Давидсон А. Сесил Родс: Строитель империи. М. – Смоленск: Олимп-Русич, 1998. 448 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
8. Дронова Н.В. Люди и идеи: Судьбы Британской империи в оценке современников (70-е гг. XIX века). Тамбов: ТГУ, 1998. 180 с.
9. Европейские революции 1848 г.: «принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001. 456 с.
10. Империя нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.): Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. Санкт-Петербург, 22–25 апреля 1997 г. СПб.: СПбГУ, 1999. 438 с.
11. Медоваров М.В. Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 69–77.
12. Мирзеханов В.С., Ковалев М.В. Европейцы и русские в колониях и на имперских окраинах: к вопросу о коммуникативных практиках // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 417–427.
13. Миронов В.Б. Народы и личности в истории. Очерки по истории русской и мировой культур: в 3-х т. Т. 2. М.: Звонница-МГ, 2000. 720 с.
14. Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избранные произведения. Речи. М.: Эксмо, 2003. 800 с.
15. Палм Датт Р. Кризис Британии и Британской империи. М.: Изд-во иностранной лит. 1959. 739 с.
16. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века (движущие силы, формы и методы). М.: Наука, 1991. 190 с.
17. Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции. Кризис французской колониальной политики в 1939–1985 гг. М.: Наука, 1985. 326 с.
18. Черкасов П.П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М.: Наука, 1983. 184 с.
19. Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М.: Эксмо, 2003. 768 с.
20. Энтин Л.М. Крушение империи. М.: Международные отношения, 1965. 200 с.

REFERENCES

1. Alaev L.B. [Empire: the phenomenon or a stage of development?]. In: *Voprosy istorii*, 2000, no. 4–5, pp. 148–156.
2. Bakhlov I.V., Bakhlova O.V. [From the Habsburg Empire to Austria-Hungary: the ratio of the trends of unitarization and federalization]. In: *Gumanitarii: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 2, pp. 57–67.
3. Brodel' F. Chto takoe Frantsiya? Kn. 1. Prostranstvo i istoriya [What is France? Book 1. Space and history]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovih Publ., 1994. 405 p.
4. Vasil'ev L.S. Istoriya Vostoka. T. 2 [The History of the East. Vol. 2]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1994. 495 p.
5. Galkin I.S. Sozdanie Germanskoi imperii (1815–1871 gg.) [The creation of the German Empire (1815–1871)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 175 p.
6. Davidson A. Sesil Rods: Stroitel' imperii [Cecil Rhodes: Empire Builder]. Moscow-Smolensk, Olimp-Rusich Publ., 1998. 448 p.
7. Danilevskii N.YA. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 574 p.
8. Dronova N.V. Lyudi i idei: Sud'by Britanskoi imperii v otsenke sovremennikov (70-e gg. XIX veka) [People and ideas: the Fate of the British Empire in the estimation of its contemporaries (the 70-ies of the XIX century)]. Tambov, TGU Publ., 1998. 180 p.
9. Evropeiskie revolyutsii 1848 g.: «printsip natsional'nosti» v politike i ideologii [The European revolution of 1848: the "principle of nationality" in politics and ideology]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 456 p.
10. Imperiya novogo vremeni: tipologiya i evolyutsiya (XV–XX vv.). In: *Vtorye Peterburgskie Kareevskie chteniya po novistike. Sankt-Peterburg, 22–25 aprelya 1997 g.* [Empire of the new time: typology and evolution (XV–XX centuries): the Second St. Petersburg Kireevskie readings on new times studyings. Saint-Petersburg, 22–25 April 1997]. Saint-Petersburg, 22–25 April 1997. SPb., SPbGU Publ., 1999. 438 p.
11. Medovarov M.V. [The crisis of the Austro-Hungarian and Russian conservative thought before the First World War]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2015, no. 1, pp. 69–77.
12. Mirzekhanov V.S., Kovalev M.V. [The Europeans and Russians in the colonies and in Imperial Borderlands: the question of communicative practices]. In: *Prepodavatel' XXI vek*, 2016, no. 4, pp. 417–427.
13. Mironov V.B. Narody i lichnosti v istorii. Ocherki po istorii russkoi i mirovoi kul'tur: v 3-kh t. T. 2 [Nations and individuals in history. Essays on the history of the Russian and world cultures: in 3 v. Vol. 2]. Moscow, Zvonitsa-MG Publ., 2000. 720 p.
14. Napoleon Bonapart. O voennom iskusstve. Izbrannye proizvedeniya. Rechi [Napoleon Bonaparte. On the art of war. Selected works. Speech]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 800 p.
15. Palm Datt R. Krizis Britanii i Britanskoi imperii [The crisis of Britain and the British Empire]. Moscow, Izd-vo inostrannoi lit Publ., 1959. 739 p.
16. Parfenov I.D. Kolonial'naya ekspansiya Velikobritanii v poslednei treti XIX veka (dvizhushchie sily, formy i metody) [The colonial expansion of Great Britain in the last third of the nineteenth century (driving forces, forms and methods)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 190 p.
17. Cherkasov P.P. Raspad kolonial'noi imperii Frantsii. Krizis frantsuzskoi kolonial'noi politiki v 1939–1985 gg. [The disintegration of the French colonial policy in 1939–1985]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 326 p.
18. Cherkasov P.P. Sud'ba imperii. Ocherk kolonial'noi ekspansii Frantsii v XVI–XX vv. [The fate of the Empire. Essay on the colonial expansion of France in the XVI–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 184 p.

19. Churchill' U. Mirovoi krizis. Avtobiografiya. Rechi [The global crisis. Autobiography. Speech]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 768 p.
20. Entin L.M. Krushenie imperii [The collapse of the Empire]. Moscow, Mezhdunarodnyeot-nosheniyaPubl., 1965. 200 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was performed with financial support RFFR, research project "Spatial development of Russia as a factor of nation-building and formation of national idea" no. 18-011-00364 A.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева;
e-mail: bahlov@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева;
e-mail: olga.bahlova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor V. Bakhlov – Dr. Sc. (Polit.), associate professor, Head of the Department of General history of General history, political science and area studies, National Mordovian Research State University, named after N.P. Ogarev;
e-mail: bahlov@mail.ru

Olga V. Bakhlova – Dr. Sc. (Polit.), docent, Professor of the Department of General history, political science and area studies, National Mordovian Research State University, named after N.P. Ogarev;
e-mail: olga.bahlova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бахлов И.В., Бахлова О.В. Имперские модели национального и государственного строительства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 183–194.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-183-194

FOR CITATION

Bakhlov I., Bakhlova O. Imperial models of the national and government construction. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 183–194.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-183-194

УДК 324

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-195-206

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ (1993–2016 ГГ.) И ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Алексеев Р.А.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Рассматриваются избирательные кампании по выборам депутатов Государственной думы с 1993 по 2016 гг., анализируются их результаты, электоральное поведение, прослеживается динамика электорального абсентеизма. Исследуются и анализируются изменения избирательного законодательства, направленные на поиск наиболее эффективной электоральной формулы при выборах парламентариев нижней палаты Федерального собрания РФ. На основе результатов исследования высказываются предложения, направленные на совершенствование способов избрания парламентариев.

Ключевые слова: парламентские выборы, избирательная кампания, избирательная система, способы подсчёта голосов, электоральное поведение, электоральный абсентеизм.

THE ELECTION CAMPAIGNS OF THE PARLIAMENTARY ELECTIONS (1993–2016) AND FEATURES OF ELECTORAL BEHAVIOR

R. Alekseev*Moscow Region State University**10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. Election campaigns for the election of deputies of the State Duma from 1993 to 2016 are considered. The results of parliamentary elections, electoral behavior are analyzed. The dynamics of electoral absenteeism is traced. The changes in the electoral legislation aimed at finding the most effective electoral formula for the election of parliamentarians of the lower house of the Federal Assembly of the Russian Federation are investigated and analyzed. Based on the results of the study proposals are made aimed at improving the methods for electing parliamentarians.

Key words: parliamentary elections, election campaign, electoral system, ways of counting votes, electoral behavior, electoral absenteeism.

Периодические, альтернативные, свободные, справедливые и не сфальсифицированные выборы, согласно признанным мировым стандартам, являются обязательным атрибутом современной российской государственности. Выборы выступают относительно самостоятельным институтом демократии в государстве, с их помощью осуществляется избрание в государственную власть и органы местного самоуправления. Целью настоящей статьи является выявление

позитивных и негативных тенденций избирательной системы современной России. При этом решаются следующие задачи: анализируются избирательные кампании по выборам депутатов Государственной думы с 1993 по 2016 гг. и результаты выборов; исследуются изменения избирательного законодательства, направленные на поиск эффективной электоральной формулы при подсчете голосов избирателей; оценивается динамика явки избирателей и электоральный абсентеизм и вносятся предложения, направленные на реформирование способов избрания парламентариев.

Первые в постсоветской истории России парламентские выборы состоялись 12 декабря 1993 г. и проходили в условиях политического кризиса по смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системе. В первый созыв из общего списочного состава в 450 депутатов было избрано в нижнюю палату российского парламента лишь 444 парламентария: 225 по партийным спискам и 219 – в одномандатных избирательных округах, так как в пяти избирательных округах, а в Чеченской республике вообще (из-за трагических событий на Северном Кавказе), выборы не проводились. Одновременно с выборами депутатов Государственной думы состоялись выборы членов Совета Федерации, которые избирались прямым голосованием гражданами РФ по мажоритарной системе в один тур в двухмандатных округах, образованных на территории субъектов РФ. Парламентариев обеих палат избирали сроком на два года на основании переходных положений Конституции, которые действовали на момент проведения только данной из-

бирательной кампании. При подсчете голосов избирателей было установлено, что никто из политических партий и избирательных блоков не получил такого количества голосов избирателей, чтобы получить квалифицированное (300 из 450 депутатских мандатов) или простое (т.е. 226 мандатов) большинство.

Явка избирателей на парламентских выборах 1993 г. составила 54,81%. Это отразилось как на разнородности структуры первой Думы, представленной восемью избирательными блоками, преодолевшими 5% избирательный барьер, так и на легитимности народных избранников. Силовая ликвидация Верховного совета угнетающе подействовала на избирателей: более 45% избирателей не приняли участия в голосовании¹. Проектировщики режима надеялись получить парламент, в котором бы господствовала «партия власти», но, разочаровавшись в проводимых в стране либерально-демократических реформах и политике «шоковой терапии», следствием которой стало ухудшение социально-экономического положения большинства граждан России, большая часть избирателей осуществила «протестное голосование», отдав предпочтение радикально-оппозиционным партиям (неожиданный триумф партии ЛДПР).

Состав Государственной думы был весьма разнообразным. Места в парламенте получили радикально-оппозиционные партии: ЛДПР (лидер В.В. Жириновский) – 22,92 % (свыше 12

¹ Здесь и далее по тексту показатели выборных кампаний и результатов выборов приведены по данным официальной информации, опубликованной на сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (<http://www.cikrf.ru>).

млн. избирателей) и КПРФ (лидер Г.А. Зюганов) – 12,40 % (свыше 6 млн. избирателей); проправительственные партии: Выбор России (лидер – в прошлом исполняющий обязанности Председателя Правительства РФ Е.Т. Гайдар) – 15,51 % (свыше 8 млн. избирателей), Партия российского единства и согласия (ПРЕС – лидер С.С. Шахрай) – 6,73% (свыше 3 млн. избирателей); либерально-демократические партии: «Избирательный блок: Явлинский, Болдырев, Лукин» (в последующем преобразовавшийся в партию «Яблоко») – 7,86 % (свыше 4 млн. избирателей), Демократическая партия России (ДПР) – 5,52% (свыше 2 млн. избирателей), а также партии с весьма размытой идеологией, такие как: Аграрная партия России – 7,99 % (свыше 4 млн. избирателей), Женщины России – 8,13 % (свыше 5 млн. избирателей).

Столь различные политические пристрастия избирателей оказали серьезное влияние на расклад политических сил и формирование парламентских фракций в нижней палате Федерального собрания РФ, в результате ставшей оппозиционной по отношению к действующему Президенту России Б.Н. Ельцину. Вообще характерной чертой данной избирательной кампании стала популярность лидеров и громких лозунгов при слабом интересе к программам партий.

Прошедшие в 1995 г. очередные парламентские выборы апробировали новую электоральную формулу: депутатов стали избирать сроком на четыре года. Так, в парламентских выборах, прошедших 17 декабря 1995 г., ЦИК РФ были зарегистрированы федеральные списки 43 избирательных объединений и блоков. От избирательных

объединений в выборах по единому федеральному избирательному округу (т.е. в целом по РФ) баллотировались 5700 кандидатов, претендовавших на 225 депутатских мандатов. На остальные 225 мест по одномандатным избирательным округам баллотировались более 2600 зарегистрированных кандидатов. Из числа 43 избирательных блоков и объединений только четыре получили поддержку избирателей, преодолев 5% барьер, и были допущены до распределения депутатских мандатов в нижней палате Федерального собрания РФ. В парламентских выборах приняло участие свыше 69,5 млн. человек (т.е. 64,76% от общего числа избирателей). По сравнению с декабрьскими парламентскими выборами 1993 г., в 1995 г. число проголосовавших избирателей увеличилось более чем на 11 млн. человек (т.е. на 10%). Это свидетельствует как о повышении интереса россиян к институту выборов, так и о повышении политической и правовой культуры избирателей. Однако более 35% избирателей все же отказались от участия в выборах и реализации своего активного избирательного права.

Установленный законодательством пятипроцентный барьер удалось преодолеть лишь четырем избирательным объединениям: КПРФ (22,30 %), Наш дом – Россия (лидер – председатель Правительства РФ В.С. Черномырдин; 10,13 %), ЛДПР (11,18 %) и «Яблоко» (лидер Г.А. Явлинский – 6,89 %). Безоговорочную победу в парламентских выборах одержала партия КПРФ. Избиратели в очередной раз поддержали левые партии, чему способствовал целый ряд неразрешенных правительством проблем: сокращение в период с 1990 по 1995 гг. заработной платы в

два раза, грабительская приватизация, высокая смертность и низкая рождаемость (по данным статистики смертность превышала рождаемость на один миллион человек), ухудшающаяся социально-экономическая обстановка в стране.

Очередные парламентские выборы (третьего созыва) состоялись 19 декабря 1999 г., результаты выборов подводились с использованием смешанной избирательной системы, при избирательной явке 61,85 %. В избирательной кампании 1999 г. приняло участие 26 избирательных блоков и объединений, из которых только шести избирательным спискам удалось преодолеть 5% барьер и создать свои парламентские фракции. Первое место с небольшим отрывом заняла партия КПРФ, которая провела в Госдуму 90 депутатов и ещё 39 в Аграрно-промышленной депутатской группе (24,29 %). Также 5% барьер удалось преодолеть следующим блокам: «Единство» – 82 депутата (по партийным спискам) и 59 в депутатской группе «Народный депутат» (23,32 %), Отечество – вся Россия (ОВР) – 45 и 41 в депутатской группе «Регионы России» (13,33 %), СПС – 32 (8,52 %), Блок Жириновского – 17 (5,98%), «Яблоко» – 16 депутатов (5,93%).

Избирательная кампания 1999 г. проходила на фоне столкновения политических и корпоративных интересов различных сил. В центральных СМИ начались «информационные войны» [8, с. 111], что отразилось на результатах избирательной кампании. Свыше 38% потенциальных избирателей добровольно отказались от реализации своего активного избирательного права, устав от моря компромата на известных политиков и парламентариев.

Парламентские выборы депутатов Государственной думы четвертого созыва состоялись 7 декабря 2003 г. Из 23 зарегистрировавших федеральные списки кандидатов избирательных блоков, к распределению депутатских мандатов были допущены четыре политических объединения, преодолевшие 5% избирательный барьер. Выборы проводились с использованием смешанной избирательной системы. В результате подсчёта голосов избирателей самой крупной фракцией в Госдуме стала партия «Единая Россия», получившая 37,56% (223 места: 120 по партийным спискам и 103 в одномандатных округах), КПРФ – 12,61% (52 места: 40 по партийным спискам и 12 в одномандатных округах), «Родина» (лидеры С.Ю. Глазьев, Д.О. Рогозин) – 9,02% (37 мест: 29 по партийным спискам, 8 по одномандатным округам), ЛДПР – 11,45% (36 депутатов, все избраны по партийным спискам). Остальные избирательные блоки, принимавшие участие в выборах, не получили представительства в Госдуме, за исключением двух партий: СПС (3 депутата-одномандатника) и «Яблоко» (4 депутата-одномандатника).

Явка избирателей на парламентских выборах 2003 г. по сравнению с выборами 1999 г. снизилась более чем на 6% и составила всего лишь 55,67% избирателей. Таким образом, более 44% избирателей добровольно отказались от участия в выборах, пополнив ряды абсентеистов. Парламентские выборы 2003 г. наглядно продемонстрировали тенденцию доминирования «партии власти» – «Единой России», которая получила преобладающее большинство голосов избирателей и, соответственно, большинство мест в нижней

палате Федерального собрания РФ, приобретя фактически монопольное право на принятие федеральных законов. Таким образом, Госдума стала проводником законодательных инициатив Президента и Правительства.

За период применения на выборах депутатов Государственной думы смешанной избирательной системы (с 1993 по 2003 гг.) можно выделить как достоинства, так и недостатки данной избирательной системы. Среди позитивных аспектов электоральной формулы можно назвать представительство в парламенте различных социальных групп, возможность для избирателей не голосовать на следующих выборах за кандидата, не выполнившего свои предвыборные обещания. К числу недостатков можно отнести тот факт, что на выборах в одномандатных избирательных округах число голосов избирателей, которые получил победивший кандидат, оказывалось меньшим, чем доля голосов избирателей, отданных в общей сумме другим зарегистрированным кандидатам. Кроме того, в силу слабости многих политических партий России характерной чертой 1990-х гг. стала зависимость кандидатов в депутаты от номенклатурно-мафиозных кругов, местной власти и связанных с нею коммерческих структур. Пройти в парламент своими силами оказалось почти невозможно.

Новый раунд реформирования избирательной системы Российской Федерации пришелся на 2004–2007 гг. Именно в этот период происходит переход к избранию всех 450 депутатов Государственной думы по «жестким», т. е. закрытым партийным спискам (переход к пропорциональной

избирательной системе). Незадолго до парламентских выборов 2007 г. принимается новый Федеральный закон РФ от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации», усложняющий процедуру регистрации партий, принимающих участие в парламентских выборах. Также к числу новаций избирательного законодательства можно отнести отмену участия в выборах всех уровней избирательных блоков. Данные поправки в избирательное законодательство должны были способствовать стимулированию развития политических партий, однако на практике привели к тому, что граждане РФ утратили право на избрание независимых кандидатов, которые могли принять участие в выборах федерального масштаба в качестве самовыдвиженцев, не относящихся ни к одной из зарегистрированных политических партий [2, с. 7]. Негативный оттенок носят поправки в избирательное законодательство, касающиеся отмены порога обязательной явки избирателей на выборах всех уровней и графы голосования против всех кандидатов.

Парламентские выборы депутатов Государственной думы пятого созыва состоялись 2 декабря 2007 г. С этого времени Государственная дума стала полностью формироваться с помощью пропорциональной системы, предусматривающей уменьшение общегосударственной части партийного списка до трёх человек (ранее партийный список включал в себя 18 человек). Оставшаяся федеральная часть списка должна быть разбита как минимум на 100 региональных групп кандидатов. Данное требование призвано было стимули-

ровать политические партии на поиск «значимых» кандидатов практически во всех субъектах РФ. Повышен с 5% до 7% был и избирательный порог для прохождения политической партии в нижнюю палату Федерального собрания РФ. Данное обстоятельство повлияло на сокращение числа политических партий, принявших участие в парламентских выборах.

В соответствии с новациями Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», с внесёнными в 2004 г. поправками, ужесточились требования к численности политических партий – с 10 до 50 тысяч членов партии, причем более чем в половине субъектов РФ в её региональное отделение должно входить не менее 500 членов. С 1 января 2007 г. политические партии, не соответствующие данным параметрам, либо прекратили свое существование, либо перешли в разряд общественных объединений. По данным Федеральной регистрационной службы, только 15 политических партий из числа ранее зарегистрированных Министерством юстиции РФ соответствовали вышеуказанным требованиям и получили право на участие в выборах. Таким образом, участие в выборах 2007 г. приняли 11 партий (против 23 объединений, участвующих в парламентских выборах 2003 г.). Из них только 4 партии преодолели 7% барьер: «Единая Россия» – 64,30 % (свыше 44 млн. избирателей), КПРФ – 11,57% (свыше 8 млн. избирателей), ЛДПР – 8,14% (свыше 5 млн. избирателей), Справедливая Россия – 7,74% (свыше 5 млн. избирателей).

Результаты выборов 2007 г., по мнению большинства аналитиков, были вполне предсказуемы, поэтому после

подсчёта голосов избирателей сильных изменений в распределении мест в Госдуме не произошло. «Единая Россия», возглавляемая Президентом России В.В. Путиным, заручилась поддержкой практически половины избирателей, принявших участие в голосовании, получив квалифицированное большинство мест в нижней палате парламента (315 депутатских мандатов). Получив такой перевес сил, партия власти имела возможность единолично принимать любые решения без учёта мнения депутатов других фракций.

В соответствии с официальной статистикой, представленной ЦИК РФ, явка избирателей на парламентских выборах 2007 г. составила 63,71 %, против 55,67% избирателей, принявших участие в выборах 2003 г. Таким образом, можно отметить повышение электоральной активности (на 8%), что было вызвано целым рядом факторов: популярностью действующего Президента РФ, поддержкой большинством россиян проводимой им внутренней и внешней политики, стабилизацией экономики, укреплением национальной валюты, увеличением реальных доходов населения и т.п. Однако число абсентеистов было по-прежнему велико – свыше 36% потенциальных избирателей, отказавшихся от участия в выборах. Данное обстоятельство можно объяснить отменой в избирательных бюллетенях графы «против всех», отказом от порога явки избирателей и другими нововведениями, которые привели к тому, что определенная социально активная часть российского электората объявила новые выборные технологии «заведомо сфальсифицированными» и призвала к бойкоту «выборов без выбора».

Получить представление о психологии избирателей позволяют результаты проведенного 21–25 сентября 2007 г. «Левада-Центром» опроса, в соответствии с которым респонденты высказали своё отношение к предстоящим парламентским выборам. 49% опрошенных граждан сомневались, что в результате выборов что-нибудь изменится в лучшую или в худшую сторону для них лично, 10 % опасались ухудшения своего положения и только 37% надеялись на улучшение. При этом большая часть опрошенных респондентов, т. е. 51%, считала, что «выборы – это чистая формальность, которая нужна для самой власти, а не для народа» [5].

Парламентские выборы депутатов Госдумы шестого созыва прошли 4 декабря 2011 г. В соответствии с поправками, внесёнными в ст. 96 Конституции РФ по инициативе третьего Президента РФ Д.А. Медведева 30 декабря 2008 г., Государственная дума впервые избиралась сроком на пять лет. Выборы депутатов Госдумы проводились по пропорциональной избирательной системе, где весь состав парламентариев стал избираться по партийным спискам по единому федеральному округу. Затем не распределённые депутатские мандаты распределялись пропорционально проценту набранных партиями голосов. В парламентских выборах приняли участие все официально зарегистрированные в России политические партии. Таких партий в результате ужесточения требований к регистрации осталось всего семь: «Единая Россия» (накануне парламентских выборов ее возглавил Д.А. Медведев) – 49,32% (свыше 32 млн. избирателей), КПРФ – 19,19% (свыше

12 млн. избирателей), «Справедливая Россия» – 13,24% (свыше 8 млн. избирателей), ЛДПР – 11,67% (свыше 7 млн. избирателей), «Яблоко» – 3,43% (свыше 2 млн. избирателей), «Патриоты России» (лидер – бывший спикер Госдумы – Геннадий Селезнёв) – 0,97% (свыше 500 тыс. избирателей), «Правое дело» – 0,60%.

В состав Государственной думы в 2011 г. вошли, соответственно, лишь четыре политические партии, преодолевшие 7% барьер: «Единая Россия», «КПРФ», «Справедливая Россия», «ЛДПР», т. е. те же самые партии, которые были представлены в Госдуме в 2007 г. Самой многочисленной фракцией в Госдуме шестого созыва, как и прежде, стала фракция партии «Единая Россия», получившая 238 мест в нижней палате российского парламента и фактически монопольное право на принятие федеральных законов. В соответствии с поправками к закону, это были первые и последние выборы, на которых партии, набравшие от 5 до 6% голосов, получали по одному мандату в Госдуме, набравшие от 6 до 7% – два мандата. Впрочем, ни одна из партий, не преодолевших 7% барьер, не смогла показать подобный результат. Результаты голосования получили различные оценки со стороны как российских, так и зарубежных политологов, юристов, социологов, журналистов и наблюдателей. Наиболее непримиримые из них из них объявляли, что в день голосования имели место значительные фальсификации и потому прошедшие парламентские выборы нельзя назвать легитимными [4, с. 21].

Электоральное поведение граждан в период избирательной кампании 2011 г. можно охарактеризовать более

низкой явкой избирателей – 60,21%, чем на предшествующих выборах 2007 г. (63,71% избирателей). Число абсентеистов увеличилось более чем на 3% и составило 39,79% от общего количества избирателей. Согласно опросу «Левада-центра» 2011 г., большинство россиян – 53% еще до голосования была уверена, что будет происходить «лишь имитация выборов, а распределение мест в Думе произойдет по решению властей». 60% опрошенных ожидали, что грядущие выборы будут лишь «борьбой бюрократических кланов за доступ к госбюджету», а ещё 54% были уверены в применении «грязных методов» подтасовки голосов [3].

Реакцией некоторой части жителей мегаполисов на официальные результаты парламентских выборов стали массовые акции протеста в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске. После чего в Кремле по инициативе Д.А. Медведева состоялась встреча с представителями «несистемной оппозиции» (Б. Немцов, М. Касьянов, Г. Каспаров, В. Рыжков и др.) для обсуждения сложившейся в стране ситуации. Результатом переговоров стала либерализация действующего избирательного законодательства. С 1 января 2012 г. требование к численности партий было сокращено с 50 до 40 тысяч членов (при не менее чем 400–500 членов региональных отделений более чем в половине субъектов РФ, а в остальных субъектах РФ – не менее 150 членов). Затем и вовсе минимальную численность политической партии снизили с 40 тысяч до 500 человек. Данная новация законодательства привела к увеличению численности политических партий, число которых

увеличилось с семи практически до семидесяти на настоящее время, что способствует укреплению такой основы конституционного строя, как политический плюрализм.

Власть, понимая необходимость проведения реформ политической системы в целом и избирательной системы в частности, инициировала внесение поправок в действующее избирательное законодательство и принятие новых законов, направленных на вовлечение граждан в выборы. Был принят Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», который восстанавливал смешанную систему выборов образца 1993–2003 гг.

Партийные списки, а также кандидатуры одномандатников, выдвинутых политической партией, в определенных случаях предполагалось регистрировать без сбора подписей избирателей. В частности, указывалось, что подписи не требуются, если на последних выборах в Госдуму федеральный список этой партии был допущен к распределению мандатов или получил не менее 3% голосов избирателей. Также обойтись без сбора подписей можно, если список кандидатов партии был допущен к распределению мандатов в Законодательном собрании хотя бы одного субъекта РФ. В остальных случаях для поддержки партийного списка нужно собрать не менее 200 тыс. подписей, с учётом того, что на один субъект РФ может приходиться не более семи тысяч подписей избирателей, зарегистрированных в нем. Кандидатам самовыдвиженцам нужно собрать не менее 3% подписей избирателей, зарегистрированных на тер-

ритории соответствующего избирательного округа, а если в округе менее 100 тыс. избирателей – не менее 3 тыс. подписей. Избранным по одномандатному округу признается кандидат, который набрал наибольшее число голосов. По результатам выборов по федеральному избирательному округу к распределению депутатских мандатов по общему правилу допускаются те политические партии, которые получили минимум 5% голосов избирателей (на предыдущих выборах 2011 г. действовал порог 7%).

В парламентских выборах 2016 г. приняло участие 14 политических партий (в два раза больше, чем в 2011 г.) [7, с. 114], которые соответствовали предъявляемым законодательством требованиям. Как и прежде, преодолели 5% избирательный барьер те же четыре партии (см. табл.): «Единая Россия» (получила поддержку – 54,20% избирателей), КПРФ (13,34%), ЛДПР (13,14%), «Справедливая Россия» (6,22%). Ни одна из оставшихся десяти политических партий не смогла даже приблизиться к требуемому 5% избирательному барьеру для прохождения в нижнюю палату парламента. В большинстве одномандатных округов предсказуемую победу одержали кандидаты от партии власти (представители партии «Единая Россия» в одномандатных округах получили 203 депутатских мандатов). По семь депутатских мандатов в одномандатных округах получили представители двух партий – КПРФ и «Справедливой России». Еще шесть мандатов получили активисты ЛДПР. Из числа партий, не преодолевших 5% заградительный барьер для прохождения в Госдуму, лишь две партии – «Родина» и «Гражданская

платформа», получили возможность провести в одномандатных округах своих кандидатов, по одному от каждой из партий. Явка избирателей (см. рис.) на парламентских выборах 2016 г. составила 47,88%. Таким образом, число абсентеистов превысило больше половины избирательного корпуса страны (что примерно равно числу абсентеистов в таких странах, как США – 44% и Швейцария – 56% [1, с. 145]). Негативную динамику абсентеизма социология объясняет целым рядом факторов: переносом выборов парламентариев на осень, когда многие россияне занимаются дачными работами, неверием большинства избирателей в возможность с помощью выборов воздействовать на политические институты, ухудшением социально-экономической обстановки в стране и даже плохой погодой [6].

Проведенный анализ парламентских выборов 1993–2016 гг. и реформирования избирательного законодательства позволяет утверждать, что современная Россия все еще находится в поиске наиболее приемлемой для российской избирательной системы электоральной формулы. При выборах депутатов Государственной думы с 1993 по 2003 гг. применялась смешанная избирательная система, которая способствовала демократизации избирательного процесса, становлению и развитию многопартийности, повышению роста электоральной активности избирателей. В 2007 г. произошел переход от смешанной избирательной системы к пропорциональной. Система применялась до 2011 г. и сопровождалась увеличением заградительного барьера с 5 до 7%, что привело к сокращению числа партий, представлен-

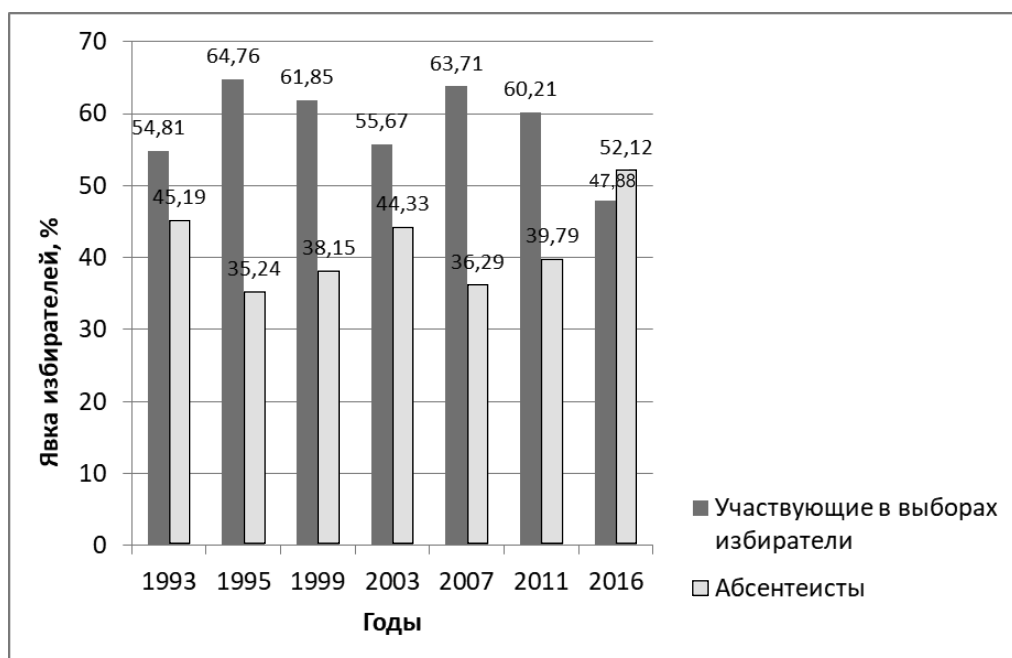


Рис. 1. Явка избирателей на парламентские выборы в 1993–2016 гг. (%)

Таблица

**Политические партии, представленные в Государственной Думе
с 1993 по 2016 гг. по результатам парламентских выборов**

1993 г.	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2007 г.	2011 г.	2016 г.
ЛДПР – 22,92 % Выбор России – 15,51 % КПРФ – 12,40 % Женщины России – 8,13 % Аграрная партия России – 7,99 % Избирательный блок: Явлинский, Болдырев, Лукин – 7,86 % Партия российского единства и согласия (ПРЕСС) – 6,73 % Демократическая партия России (ДПР) – 5,52 %	КПРФ – 22,30 % Наш дом – Россия – 10,13 % ЛДПР – 11,18 % Яблоко – 6,89 %	КПРФ – 24,29 % Единство – 23,32 % Отечество – Вся Россия – 13,33 % Союз правых сил – 8,52 % Блок Жириновского – 5,98 % Яблоко – 5,93 %	Единая Россия – 37,56 % КПРФ – 12,61 % ЛДПР – 11,45 % Родина – 9,02 %	Единая Россия – 64,30 % КПРФ – 11,57 % ЛДПР – 8,14 % Справедливая Россия – 7,74 %	Единая Россия – 49,32 % КПРФ – 19,19 % Справедливая Россия – 13,24 % ЛДПР – 11,67 %	Единая Россия – 54,20 % КПРФ – 13,34 % ЛДПР – 13,14 % Справедливая Россия – 6,22 %

ных в Госдуме. Данная новация должна была способствовать укреплению многопартийности, идентификации избирателей с определенными политическими партиями, но на практике привела лишь к сокращению числа политических партий, участвующих в парламентских выборах, а также к невозможности участия в выборах непартийных кандидатов. Следствием новаций стало и увеличение числа абсентеистов, нежелающих вникать в предвыборные программы политических партий. Все вышеперечисленные обстоятельства, а также недовольство представителей «несистемной оппозиции» и «рассерженных горожан» привело к возврату в 2016 г. смешанной избирательной системы.

В силу того, что современная Россия позиционирует себя как правовое и демократическое государство, можно использовать несколько способов избрания во власть. Как нам представляется, наиболее приемлемым из них мог бы стать способ пропорционального представительства политических партий при «пороге прохождения» в 3%. Такой подход позволил бы не только видеть в парламенте «малые» политические партии (что разнообразило бы политический ландшафт страны), но и значительно расширил бы участие в выборах широких масс избирателей, получивших больше возможностей выдвигать своих кандидатов.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В. 12 лекций по политологии: учебное пособие для бакалавров. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 260 с.
2. Алексеев Р.А. Способы и формы защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации и в зарубежных странах (политико-правовой анализ) // Постсоветский материк. 2016. № 1 (9). С. 5–13.
3. Россияне о декабрьских выборах в Думу // Левада-Центр: Аналитический центр Юрия Левады [сайт]. – URL: <https://www.levada.ru/2011/09/12/rossiyane-o-dekabriskih-vyborah-v-dumu/> (дата обращения 20.05.2018).
4. Зубов А. Как относиться к новой думе // Ведомости. 2012. 23 янв.
5. Ожидания от думских выборов [12.10.2007] // ИАМИКЪ: Информационное агентство маркетинга и консалтинга. [сайт]. – URL: <http://iamik.ru/news/zhizn-regionov/61331/> (дата обращения 20.05.2018).
6. Спад интереса граждан к выборам в Госдуму // Левада-центр: Аналитический центр Юрия Левады [сайт]. – URL: <https://www.levada.ru/2016/07/18/spad-interesa-grazhdan-k-vyboram-v-gosdumu/> (дата обращения 27.05.2018).
7. Субботина И.А., Давыдова Е.А. Политические выборы в Государственную Думу РФ: аутсайдеры избирательной кампании 2016 года // Приволжский научный вестник. 2016. № 12-2 (64). С. 114–118.
8. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Власть и облачные технологии в России и США // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 2. С. 108–116.

REFERENCES

1. Abramov A.V. 12 leksiï po politologii: uchebnoe posobie dlya bakalavrov [12 lectures on political science: textbook for bachelors]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2013. 260 p.

2. Alekseev R.A. [Ways and forms of the citizens' electoral rights protection in the Russian Federation and in foreign countries (political-legal analysis)]. In: *Postsovetskii materik*, 2016, no. 1 (9), pp. 5–13.
3. Rossiiane o dekabr'skikh vyborakh v Dumu [The Russians about the December elections to the Duma]. In: *Levada-Center Analytical center of Yuri Levada* [website]. Available at: <https://www.levada.ru/2011/09/12/rossiyane-o-dekabrskih-vyborah-v-dumu> (accessed: 20.05.2018).
4. Zubov A. Kak otnosit'sya k novoi dume [How to treat the new Duma]. In: *Vedomosti*, 2012 [Vedomosti. 2012]. Jan. 23.
5. Ozhidaniya ot dumsikh vyborov [12.10.2007]. [Expectations from the elections to the Duma [12.10.2007]]. In: *IAMIK': Informatsionnoe agentstvo marketinga i konsaltinga* [YAM-ICH: News Agency of Marketing and Consulting [website]. Available at: <http://iamik.ru/news/zhizn-regionov/61331/> (accessed: 20.05.2018).
6. Spad interesa grazhdan k vyboram v Gosdumu [The lack of interest of the citizens to the elections in the state Duma]. In: *Levada-tsentri: Analiticheskii tsentr Yuriya Levady* [Levada-Center: Analytical center of Yuri Levada [website]. Available at: <https://www.levada.ru/2016/07/18/spad-interesa-grazhdan-k-vyboram-v-gosdumu> (accessed: 27.05.2018).
7. Subbotina I.A., Davydova E.A. [Political elections to the State Duma of the Russian Federation: the outsiders of the election campaign of 2016]. In: *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, 2016, no. 12-2 (64), pp. 114–118.
8. Fedorchenko S.N., Fedorchenko L.V. [Power and cloud technologies in Russia and the United States]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2016, no. 2, pp. 108–116.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Роман Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: alekseev.r555@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman A. Alekseev – PhD in Political Sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science and law, Moscow Region State University;
e-mail: alekseev.r555@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеев Р.А. Избирательные кампании парламентских выборов (1993–2016 гг.) и особенности электорального поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 195–206.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-195-206

FOR CITATION

R. Alekseev. The election campaigns of the parliamentary elections (1993–2016) and features of electoral behavior. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Political Sciences, 2018, no. 3, pp. 195–206.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-195-206

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-207-214

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ЕРШОВ В.Ф. «РУССКИЙ МИР И СЕВЕРОКАВКАЗСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА» МОСКВА: ИНФРА-М, 2016. 420 С.

Георгиева Н.Г.¹, Георгиев В.А.²

¹ *Российский университет дружбы народов*

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Российская Федерация

² *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

BOOK REVIEW:

V.F. ERSHOV "THE RUSSIAN WORLD AND THE NORTH CAUCASIAN ABROAD IN THE XXTH – EARLY 21ST CENTURIES"

N. Georgieva¹, V. Georgiev²

¹ *Peoples' Friendship University of Russia*

10/2, Miklukho-Maclay ul., Moscow, 117198, Russian Federation

² *Lomonosov Moscow State University*

27, building 4, Lomonosovsky bulv., Moscow, 119192, Russian Federation

Концепт «Русский мир», относительно недавно возникший в международном информационном пространстве, вызывает углубленный гносеологический интерес в профессиональной среде историков, социологов и культурологов. В центре внимания ученых находится ряд теоретических и политико-практических вопросов, связанных с пониманием сущности этого уникального культурно-исторического явления, процесса его институционализации и эволюции его общественно-политической и культурной жизни.

Рецензируемая монография доктора исторических наук профессора В.Ф. Ершова, директора Центра стратегии и аналитики Московского государственного областного университета (МГОУ), дополняет комплекс его работ по проблемам истории российской эмиграции и, в частности, северокавказского зарубежья в XX в. [3; 5; 6; 4], и имеет самостоятельное научно-теоретическое значение, поскольку в ней представлена целостная авторская концепция, рассматривающая российскую эмиграцию в контексте глобальных цивилизационных процессов. Эта концепция заключается в позитивной оценке международной роли рос-

сийской эмиграции, особенно на современном этапе истории, и в оценке северокавказского зарубежья как структурного компонента Русского мира, основания для которой дает информация различных исторических источников, впервые вводимых автором в научный оборот.

Структурно монография состоит из краткого предисловия, двух частей, итогов и списка литературы. Такая композиция позволила В.Ф. Ершову в равной степени и равном объеме рассмотреть как проблему Русского мира (часть I, главы 1–4), так и место Северного Кавказа в судьбе зарубежной России (часть II, главы 5–8).

Во вводной части книги автор поясняет свои методологические позиции, опирающиеся на социокультурологический подход к исследованию, определяет факторы, обуславливающие геополитическую и социальную актуальность избранной проблемы исследования, и убедительно показывает настоятельную необходимость осмысления процесса культурного воссоединения диаспор северокавказских народов, находящихся в разных странах мира, со своей исторической родиной (с. 10–12).

Первая часть книги – «Русский мир в глобальном измерении» – посвящена участию российской эмиграции в международном диалоге культур и цивилизаций XX в. и характеристике современного интеллектуально-культурного пространства Русского мира – его институциональной системе, глобальным информационным связям, развитию контактов между учеными и деятелями науки и культуры России и российского зарубежья. В центре внимания В.Ф. Ершова находится динами-

ка процессов самоидентификации и восприятия исторической родины российскими зарубежными соотечественниками на разных этапах эволюции территориальной и социально-демографической структуры российского зарубежья. Автор подчеркивает, что в 2000-е гг. центры Русского мира в различных странах стали полем позитивного неформального взаимодействия народов России и постсоветских государств на основе русского языка и культуры и всего многообразия языков и культур постсоветского пространства. В.Ф. Ершов отмечает, что интенсификация контактов между зарубежным Русским миром и современной Россией является важным фактором укрепления международной стабильности и повышения внешнеполитического влияния Российской Федерации (с. 15–173).

Вторая часть монографии – «Северный Кавказ в судьбе зарубежной России» – сочетает ценный фактологический материал, отражающий неизвестные ранее аспекты истории и культуры российского зарубежья XX в., с аналитическим обзором современной ситуации миграционных процессов на Северном Кавказе, и процесса развития связей адыгских, дагестанских и других национальных диаспор северокавказских республик с родиной своих предков. Автор рассматривает участие представителей народов Северного Кавказа – офицеров белых армий, казачества, студенческой молодежи, научной и творческой интеллигенции – в жизни центров зарубежной России во Франции, Югославии, США, раскрывает идеологический спектр взглядов интеллектуальной элиты северокавказской эмиграции в 1920–1970-е гг.,

особенности взаимодействия ее лидеров с общественно-политическими движениями и организациями российского зарубежья. Эта часть книги представляет собой увлекательное повествование, в котором перед читателем раскрываются сложность и драматизм судеб конкретных людей и динамика социальных процессов, характеризовавших российскую эмиграцию XX века, включая ее северокавказский сегмент (с. 176–407).

Каждая из частей монографии, с одной стороны, представляет собой вполне самостоятельное научное исследование, наполненное актуальной, интересной и важной информацией, расширяющей наше представление о Русском мире в прошлом и настоящем. Однако, с другой стороны, эти части объединяет основная идея автора, опирающаяся на его понимание российской идентичности, главной чертой которой является российский патриотизм, особенность которого заключается в осознании даже людьми, по разным причинам покинувшими Россию, своей генетической связи с исторической родиной.

Важнейшим компонентом историко-культурного наследия российской эмиграции является уникальный комплекс исторических источников. Личные и семейные архивы, документы воинских частей, общественных организаций и другие материалы, которые были вывезены из России после революции 1917 г. и Гражданской войны 1917–1920 гг., составили основу центров исторической памяти о России – общественных и частных музеев, архивов, библиотек, созданных российскими эмигрантами в Праге, Белграде, Париже, Харбине, Сан-Франциско и др.

Отметим, что в интеллектуальном пространстве российского послереволюционного зарубежья изначально присутствовало представление о ценности документальных и визуальных источников, отражавших их личные судьбы и историю эпохи. Тысячи российских беженцев покидали родину без денег, теплой одежды и т.п., но для фотографий, писем, любимых книг почти всегда находилось место в скудном эмигрантском багаже. В 1920–1970-е гг. в российском зарубежье осуществлялась огромная общественная работа по сбору и сохранению документальных свидетельств о жизни и деятельности российских эмигрантов. Наиболее крупными и значимыми проектами в данной сфере явились Русский Заграничный исторический архив (РЗИА) в Праге, архив-музей общества «Родина» в Сан-Франциско и др. В 1990–2000-е гг. материалы эмигрантских собраний стали основой для широкого спектра научных исследований по истории и культуре зарубежной России. Одновременно разрабатывались вопросы теории и методики источниковедения истории российского зарубежья [7; 10]. Данное направление в отечественном источниковедении обусловило введение в научный оборот ценного массива текстов, а также аудио-визуальных материалов (фотографий, кинохроники, магнитофонных записей), изучавшихся с применением современных теоретических и методических подходов.

Особое научное значение имеет использование в монографии В.Ф. Ершова широкого спектра исторических источников. Автор ввел в научный оборот ценные документы из Государственного архива Российской Фе-

дерации (фонды Частного совещания политических деятелей кавказских республик и Общества кавказоведов в Праге), а также из периодических эмигрантских изданий и книг, публиковавшихся в российском зарубежье. Эвристическое значение периодической печати как источника для выявления информации по истории российского зарубежья неоднократно отмечалась многими отечественными исследователями [1; 9].

Для рецензируемой монографии особую ценность имели материалы прессы, позволившие автору (буквально по крупицам) выявить сведения: о жизни северокавказских общин во Франции, Чехословакии, Польше, США и других странах; об участии представителей Северного Кавказа в работе благотворительных и культурно-просветительных организаций в 1920–1930-е гг.; о деятельности бывших лидеров Горской республики первых послереволюционных лет А. Цаликова и Г. Баммата, генералов Д. Абациева и К. Хагондокова, предпринимателей А. Чермоева, А. Жамхота и других представителей горской эмиграции.

Публицистика представителей социал-демократического и либерального движения на Кавказе начала XX в. В. Джабагиева, М. Далгата, П. Коцева и др., выходявшая за рубежами Российской империи, в частности в парижском журнале «Мусульманин», стала неотъемлемой частью общественно-культурного наследия русской исторической журналистики – крупного пласта опубликованных источников, который характеризуется тематическим разнообразием и высокой информационной насыщенностью. Логическим продолжением

истории северокавказской политической публицистики дореволюционной эпохи стала издательская деятельность горского зарубежья в Европе в межвоенный период. В книге В.Ф. Ершова, в частности, использованы редкие русскоязычные издания, выпускавшиеся в 1920–1930-е гг. северокавказскими эмигрантскими организациями во Франции, Чехословакии и Польше. Данный источниковый комплекс ярко характеризует роль северокавказского компонента в общественно-политической и интеллектуальной системе Русского мира, показывает интегрированность северокавказского этнокультурного сообщества в русскоязычное пространство межвоенной Европы.

Одной из отличительных особенностей книги В.Ф. Ершова является привлечение художественных литературных произведений как источника, позволяющего раскрыть историко-культурный контекст формирования и эволюции северокавказского зарубежья. При этом автор использовал научный инструментарий как историковедческой, так и литературной критики, характеризуя эмоционально-образный строй кавказского книжно-журнального пространства зарубежной России.

Важной частью информационной базы исследования стали также мемуарные источники, созданные российскими эмигрантами в 1920–1970-е гг. и раскрывающие нюансы мировоззрения и менталитета различных социально-профессиональных групп зарубежной России, событийный ряд и картины повседневной жизни российских эмигрантов в различных странах мира. В целом источниково-информационная база исследования В.Ф. Ер-

шова является ценным дополнением к уже введенному в научный оборот документальному комплексу по истории Северного Кавказа и по истории и культуре российского зарубежья в XX в. [2; 8].

Качество результатов эвристической работы, проведенной автором монографии, заслуживает самой высокой положительной оценки. Однако в подстрочном библиографическом аппарате не хватает уточнений о классификационной принадлежности цитируемого архивного документа (с. 197, 201–203, 235, 240, 251 и др.), выявленного в ГАРФ или в РГВИА. В то же время, справедливости ради, отметим, что в ряде случаев разновидность документа прямо указывалась в тексте (с. 252, 310, 311). Не объяснена автором монографии история формирования и поступления в ГАРФ тех фондов, документы которых были им использованы. Для полного раскрытия познавательного потенциала этих фондов (и в интересах будущих исследователей) была бы очень полезна информация о разнообразии видов и разновидностей собранных в них материалов. Требуется аналогичного разъяснения и фраза о том, что использовались «публикации российской эмигрантской прессы 1920–1970-х гг.» (с. 14). Пресса, как средство донесения каких-либо материалов до общественного сознания может содержать источники разных видов (законодательные и делопроизводственные документы, краткие информационные заметки и развернутые аналитические обзоры, программные заявления партий и организаций, некрологи, мемуары, личные письма участников событий и проч.). Поэтому, отдавая должное огромной работе

автора по выявлению эмигрантских изданий, хотелось бы получить уточнения относительно разновидностей опубликованных материалов и их информационной ценности (во вводной части книги). Впрочем, указанные выше положения имеют, скорее, характер пожеланий, в надежде, что автор и в будущем не оставит изучение поставленной им проблемы.

На данном же этапе изучения иммиграционных процессов на Северном Кавказе автор монографии пришел к выводу о том, что для многих горцев, оказавшихся за рубежом вследствие Гражданской войны в России в 1917–1920 гг. или в период Второй мировой войны 1939–1945 гг., было характерно стремление вернуться на историческую родину, несмотря на то, что в условиях «холодной войны», идеологических препон и внутренней социально-политической обстановки в СССР это возвращение было практически невозможно.

В монографии В.Ф. Ершова воссоздан уникальный исторический опыт развития культурной общности в рамках зарубежного Русского мира XX в. Решение этой проблемы, предложенное автором, ставит книгу в центр актуальных научных дискуссий по вопросам глобального развития, международного сотрудничества и миграционной политики Российской Федерации. Автор убедительно доказал, что в начале XXI в. современный вектор развития Русского мира направлен на формирование единого цивилизационного, историко-культурного пространства, в котором важнейшая роль принадлежит культурному диалогу с миром зарубежных соотечественников, в том числе и с северокавказ-

скими диаспорами. Конструктивное взаимодействие России с центрами Русского мира в дальнем и ближнем зарубежье является залогом укрепления международных позиций Российской Федерации, а также достижения устойчивого развития и безопасности Северокавказского региона. Отметим также, что монография В.Ф. Ершова вносит важный вклад в научное осмысление феномена российского зарубежья и его значения в общественной и культурной жизни России и всего мира – как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе, в контексте сложных геополитических и цивилизационных процессов XXI в.

Убедительно обоснованный в книге В.Ф. Ершова подход к северокавказскому зарубежью как к неотъемлемому компоненту международного Русского мира имеет не только существенное теоретическое значение, но и может быть практически востребован в контексте утверждения в современ-

ной России многонационального общественно-исторического сознания, опирающегося на объективную картину отечественной истории.

Книга содержит также важную методическую составляющую, которая особенно актуальна для авторов новой научно-исследовательской и учебной литературы для современной высшей школы России, в том числе для гуманитарных университетов Северного Кавказа, разрабатывающих проблематику региональной истории XX в.

Новый научный труд В.Ф. Ершова «Русский мир и северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века» позволяет увидеть широкие перспективы дальнейшего изучения культурно-исторического феномена российского зарубежья XX в. и для креативного включения результатов данных исследований в современный глобальный диалог народов и цивилизаций.

Рецензия поступила в редакцию 02.04.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева Н.М. «Иллюстрированная Россия» как исторический источник по истории российского зарубежья // Культура русского зарубежья: материалы научной конференции, 27 февр. 2003 г. Москва: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. С. 66–74.
2. Бугай Н.Ф., Безугольный А.Ю., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. Москва: Центрполиграф, 2012. 478 с.
3. Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. Москва: МГУС, 2000. 294 с.
4. Ершов В.Ф. Северокавказские эмигрантские организации во Франции в 1920-е – 1950-е гг. // Армия и общество. 2014. № 2 (39). С. 129–132.
5. Ершов В.Ф. Северокавказское зарубежье 1920 – 1930-х гг. в Турции, Западной Европе и США: эволюция и социально-культурная специфика // Архивы и общество: научно-просветительский журнал. 2012. № 22. С. 121–133.
6. Ершов В.Ф. Черкесское (адыгское) зарубежье в конце XX – начале XXI веков: структура и социально-культурная специфика // Наука и бизнес: пути развития. 2012. Вып. 3 (9). С. 122–133.
7. Мосейкина М.Н. К вопросу о выявлении и систематизации источников по истории адаптации российской эмиграции в Аргентине и Бразилии в 1920–1930-е годы // Ис-

точники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М. ИРИ РАН, 1997. С. 79–86.

8. Муратова Е.Г. Источниковедение истории Северного Кавказа. Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 2013. 91 с.
9. Петров Е.В., Рябова Л.К. Источниковедческая конференция «ЭМИГРАНТИКА» – периодические издания русского зарубежья // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 282–289.
10. Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники (С приложением систематической библиографии). Москва: Институт политического и военного анализа, 2005. 619 с.

REFERENCES

1. Abdullaeva N.M. «Illjustrirovannaja Rossija» kak istoricheskij istochnik po istorii rossijskogo zarubezh'ja [“Russia Illustrated” as a historical source on history of the Russian abroad]. In: Kul'tura russkogo zarubezh'ja [The Culture of the Russian abroad]: Materialy nauchnoj konferencii, 27 fevr. 2003 g. Moskva: Mosk. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2003, pp. 66–74.
2. Bugaj N.F., Bezugol'nyj A.Ju., Krinko E.F. Gorcy Severnogo Kavkaza v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedenija [Mountaineers of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945: Problems of history, historiography and source study]. Moscow: Centrpoligraf, 2012. 478 p.
3. Ershov V.F. Rossijskoe voenno-politicheskoe zarubezh'e v 1918–1945 gg. [The Russian military-political abroad in 1918–1945]. Moscow: MGUS, 2000. 294 p.
4. Ershov V.F. Severokavkazskie jemigrantskie organizacii vo Francii v 1920-e – 1950-e gg. [The North Caucasian emigre organizations in France in the 1920th – the 1950th]. In: *Army and society* [Armija i obshhestvo], 2014, no 2 (39), pp. 129–132.
5. Ershov V.F. Severokavkazskoe zarubezh'e 1920–1930-h gg. v Turcii, Zapadnoj Evrope i SShA: jevoljucija i social'no-kul'turnaja specifika [The North Caucasian abroad of 1920 – the 1930th in Turkey, Western Europe and the USA: evolution and welfare specifics]. In: *Archives and society* [Arhivy i obshhestvo]. Nal'chik, 2012, no 22, pp. 121–133.
6. Ershov V.F. Cherkesskoe (adygskoe) zarubezh'e v konce XX – nachale XXI vekov: struktura i social'no-kul'turnaja specifika [The Circassian (Adyghe) abroad in the late XX – early XXI centuries: structure and welfare specifics]. In: *Science and business: ways of development* [Nauka i biznes: puti razvitiya], 2012, Issue 3 (9), pp. 122–133.
7. Mosejkina M.N. K voprosu o vyjavenii i sistematizacii istochnikov po istorii adaptacii rossijskoj jemigracii v Argentine i Brazii v 1920–1930-e gody [On the question of identification and systematization of sources on the history of adaptation of the Russian emigration in Argentina and Brazil in the 1920–1930th years]. In: *Istochniki po istorii adaptacii rossijskih jemigrantov v XIX–XX vv.* [Sources on history of adaptation of the Russian emigrants in the XIX – XX centuries]. Moscow: IRI RAN, 1997, pp. 79–86.
8. Muratova E.G. Istochnikovedenie istorii Severnogo Kavkaza [Source study of the history of the North Caucasus]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskij university, 2013. 91 p.
9. Petrov E.V., Rjabova L.K. Istochnikovedcheskaja konferencija «JeMIGRANTIKA» – periodicheskie izdanija russkogo zarubezh'ja [The source study EMIGRANTIKA conference – periodicals of the Russian abroad]. In: *The Contemporary the History of Russia* [Novejšaja istorija Rossii], 2012, no 2, pp. 282–289.
10. Popov A.V. Rossijskoe pravoslavnoe zarubezh'e: istorija i istochniki [The Russian orthodox abroad: history and sources]. S prilozheniem sistematicheskaj bibliografii. Moscow: Institute of the political and military analysis, 2005. 619 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Георгиева Наталья Георгиевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов;
e-mail: navladi@list.ru

Георгиев Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XIX и начала XX века Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: navladi@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya G. Georgieva – Doctor of History, Professor of the Department of history of Russia, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: navladi@list.ru

Vladimir A. Georgiev – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the national history of XIX – early XX century, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: navladi@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Рецензия на книгу: Ершов В.Ф. «Русский мир и северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века». Москва: ИНФРА-М, 2016. 420 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 207–214.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-207-214

FOR CITATION

Georgieva N., Georgiev V. Book Review: V.F. Ershov "The Russian World and the North Caucasian Abroad in the XXth – Early XXIst Centuries". In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no. 3, pp. 207–214.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-3-207-214



ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научных электронных библиотек (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2018. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 14,5, усл. п.л. 13,5.

Подписано в печать: 29.06.2018. Выход в свет: 10.07.2018. Заказ № 2018/06-03.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А